

B-7726

89

С. И. В А Й Н Ш Т Е Й Н

ТУВИНЦЫ

ТОДЖИНЦЫ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
ТУВИНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

B-7726

С. И. ВАЙНШТЕЙН

ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ

*ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1961

Ответственный редактор
Л. П. ПОТАПОВ

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю работа посвящена историко-этнографическому исследованию дореволюционного хозяйства, быта и культуры тувинцев-тоджинцев, а также вопросам их происхождения.

Как известно, тувинцы — коренное население Тувинской автономной области РСФСР — делились по формам хозяйственной деятельности на скотоводов степных и горно-степных районов Центральной, Южной и Западной Тувы и охотников-оленоводо-в, населявших горно-таежные районы Восточной Тувы (Тоджа, Тере-Холь).

Охотники-оленоводы отличались от скотоводов не только хозяйственной деятельностью, но и многими этнографическими особенностями и происхождением.

Скотоводы, населявшие степные участки в долинах таежных рек Северо-Восточной Тувы (Тоджинский район), которых можно также назвать скотоводами-охотниками, в хозяйственном и этно-культурном отношении занимали промежуточное положение между охотниками-оленоводами и скотоводами других районов Тувы. В научной литературе скотоводов Тоджи и тувинцев-оленоводо-в¹ обычно называют восточными тувинцами или тувинцами-тоджинцами.

Если можно говорить о том, что этнография тувинцев и их происхождение остаются недостаточно изученными, то это в первую очередь относится к восточным тувинцам. Проводившиеся в Туве этнографические исследования охватывали главным образом тувинцев степных районов, составлявших подавляющее большинство коренного населения области (свыше 90%). Дореволюционная экспедиция П. Е. Островских, направленная Русским географическим обществом специально для этнографического изучения тоджинцев, не достигла мест, населенных оленеводами.

Между тем вопросы этнографии и происхождения тувинцев-тоджинцев, живущих в Восточных Саянах, на стыке сибирской тайги и степей Центральной Азии, имеют интерес не только для этнической истории тувинцев, но и других народов Азии, чьи исторические судьбы были связаны с горной страной Саян.

За короткий срок, прошедший со времени вступления Тувинской Народной Республики в состав Советского Союза (1944 г.), в жизни тувинского народа произошли огромные изменения. Достигнуты значительные успехи в социалистическом переустройстве хозяйства, культуры и быта тувинцев. Навсегда ликвидирована вековая изолированность восточных тувинцев, составляющих теперь органическую часть тувинского народа, складывающегося в социалистическую нацию.

Переустройству хозяйства, культуры и быта тувинцев-тоджинцев в условиях Советской Тувы посвящено заключение настоящей работы. Эта тема, которую следует рассматривать в неразрывной связи с успехами социалистического строительства во всей Туве, должна стать предметом специального исследования.

¹ Далее названия: охотники-оленоводы, тувинцы-оленоводы и оленеводы-тоджинцы употребляются как равнозначные.

Написание тувинских слов в работе дано в соответствии с требованиями современной тувинской орфографии; для тоджинских слов, как правило, сохранены присущие им диалектные особенности.

Книга основана главным образом на материалах, собранных во время научных командировок автора в Восточную Туву в 1951—1958 гг.; использованы коллекции Музея этнографии и антропологии Академии наук СССР, Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), Тувинского областного краеведческого музея (Кызыл), а также документы, хранящиеся в местных и центральных архивах.

Сделанные автором в Восточной Туве снимки сохранившихся старых форм одежды, орудий труда и т. п., которые в настоящее время вышли из употребления, использованы в работе для иллюстрирования дореволюционной культуры тоджинцев.

Пользуюсь возможностью выразить глубокую благодарность сотрудникам Института этнографии АН СССР и Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, сделавшим ценные замечания в ходе работы над книгой, а также общественным и партийным организациям Тоджинского района за содействие, оказанное мне во время полевых этнографических работ в Восточной Туве.

ВВЕДЕНИЕ

Природа Северо-Восточной Тувы. Тувинцы-тоджинцы в начале XX в. населяли в основном территорию Северо-Восточной Тувы — нынешний Тоджинский район и восточную часть горно-таежного междуречья Бий-Хема и Каа-Хема (Каа-Хемский район).

Тоджинский район включает нагорье Восточных Саян, Систигхемское плоскогорье и Тоджинскую котловину. В восточной части междуречья Бий-Хема и Каа-Хема расположен хребет Академика Обручева.

Огромные горные массивы Северо-Восточной Тувы покрыты девственной тайгой с преобладанием лиственницы, кедра, ели и сосны. По мере подъема в горы тайга редет, а на высотах около 2 тыс. м над уровнем моря сменяется «гольцами» — альпийским ландшафтом с характерными для него каменистыми россыпями и горной тундрой, покрытой лишайниками да кое-где встречающимися карликовыми ивами и березками. Высота горных хребтов достигает 3 тыс. м над уровнем моря.

Многочисленные межгорные пади заболочены, покрыты осоковыми лугами.

Тоджинская котловина занимает обширную впадину в бассейне верхнего течения р. Бий-Хем. С северо-запада, севера и востока ее окружают склоны Восточного Саяна, с запада и юга — отроги хребта Академика Обручева.

В позднечетвертичное время в Тоджинскую котловину с окружающих гор сползали ледниковые языки, сливавшиеся в ледяной массив длиной более 200 км. Ландшафт хранит следы древнего ледника — выпаханые им котловины, ныне занятые озерами, моренные холмы и гряды.

Значительная часть Тоджинской котловины покрыта лиственничной тайгой, но встречаются здесь и сосновые боры, и березовые травяные леса, и заросли кустарников. На Азасской равнине, в урочищах Эн-Суг, Толбул, Арга, в нижнем течении р. Ий встречаются сравнительно большие участки степи.

Бий-Хем и Каа-Хем — основные реки, составляющие Енисей. Большинство правых притоков Бий-Хема — Баш-Хем, Азас, Хам-Сыра, Систиг-Хем — протекают по Тоджинской котловине. Левые притоки Бий-Хема — Серлиг-Хем, Харал, О-Хем, Эн-Суг, Улуг-О и др. — берут начало на склонах хребта Академика Обручева. Руслу этих рек порожисты, течение очень быстрое.

Самое большое озеро в Северо-Восточной Туве — Тоджа (*Тожу*), расположенное в низовьях р. Азас. Длина оз. Тоджа около 20 км, ширина более 5 км.

Для Северо-Восточной Тувы характерно значительное количество осадков при сравнительно низких среднегодовых температурах¹.

В лесах много пушного и промыслового зверя: белка, соболь, горностай, колонок, бурундук, рысь, россомаха, лисица, бурый медведь;

¹ Подробная физико-географическая характеристика Тувы дана в сборнике «Природные условия Тувинской автономной области», М., 1957; а также в книге: Л. Шахунова, Б. Лиханов, *Советская Тува*, Кызыл, 1955.

Рис. 1. Тайга в долине реки Бий-Хем

на р. Азас сохранилась колония бобров. В реках Тоджи встречается выдра. Из копытных водятся лоси, маралы, олени, косули, кабаны, кабарги. В тайге много промысловой птицы: северная куропатка, рябчик, тетерев, глухарь. Реки и озера Тоджи богаты ценными породами рыб (таймень, хариус, сиг и пр.).

Этнографическое изучение. Ценнейшие сведения о предках восточных тувинцев, относящиеся к племенам дубо, содержатся в китайской династийной хронике Тан-шу — истории Танской династии (618—907 гг.). Летопись указывает места расселения дубо, сообщает о характере их жилищ, хозяйства и обычаев².

В «Сокровенном сказании» — монгольской хронике 1240 г. — среди лесных народов, покоренных в 1207 г. Джочи, сыном Чингис-хана, упоминаются предки тоджинцев — тубасы³.

Другой важный письменный источник, в котором упоминаются предки тувинцев (в том числе тоджинцев), — труд Рашид ад-Дина (конец XIII — начало XIV в.)⁴.

С XVII в. появляются русские письменные источники, освещающие различные стороны жизни как тувинцев в целом, так и таежного населения Саян в частности.

Для характеристики родо-племенного состава северо-восточных тувинцев особый интерес имеют данные русских ясачных книг Красноярского уезда о родах «Саянской землицы».

Первые этнографические данные о населявших Саяны таежных тувинцах, в том числе об охотниках-оленоводах, относятся к началу XVII в. и известны из сообщений русских послов к Алтын-хану Василия Тюменца и Ивана Петлина⁵.

² Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. 1, М., 1950, стр. 348, 354.

³ Юан-Чоо-би-ши, *Сокровенное сказание*, пер. С. А. Козина, М.—Л., 1941, стр. 175.

⁴ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, т. 1, кн. 1, М.—Л., 1952, стр. 123—125.

⁵ Ф. П. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, — «Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук 1913 г.», т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914, стр. 272.

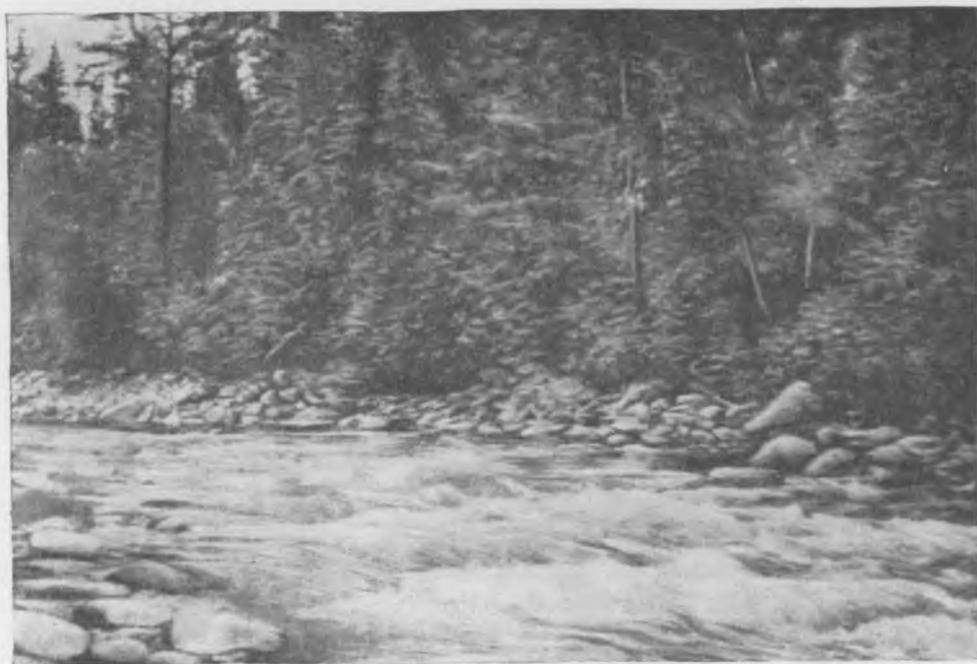

Рис. 2. Река Қадыр-Ос

Рис. 3. Горное пастбище

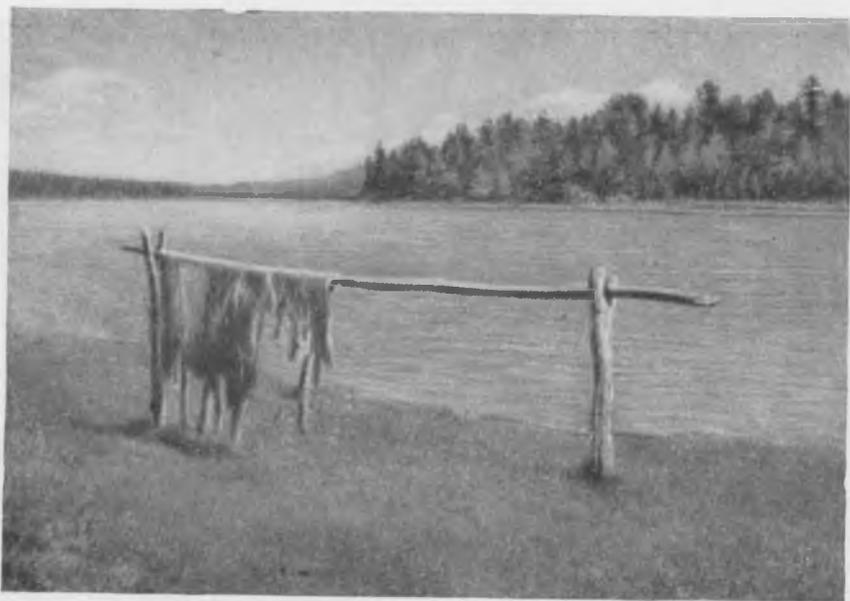

Рис. 4. Озеро Тоджа

Интересные и весьма ценные этнографические материалы о населении Саян есть в работах путешественников XVIII в. В конце XVIII в. вышел труд Палласа, в котором упоминаются и сойоты (одно из старых названий тувинцев) — обитатели Саянского хребта за пределами России⁶. Автор выдвигает предположение об их самоедском происхождении⁷.

В 1776—1777 гг. в Петербурге вышла первая сводная этнографическая работа о народах России И. Г. Георги⁸. В ней приведены сведения и о «племени саят, иначе называемых также суйотами и сойотами». По свидетельству Георги, они живут на высоких Саянских горах, на юго-западном конце Байкала у монгольской границы, а также на территории Китая. Георги подчеркивал, что «единство саят с самоедью доказывается их видом, языком и житейскими обрядами». В работе сообщается, что «саят» занимаются оленеводством, но большинство их никаких животных, кроме собак, не имеют; они язычники, живут в берестяных чумах; основой их хозяйства служит охота и рыболовство. Обряды, одежда и нравы такие же, как у койбалов и маторов⁹. которых Георги также относит к самоедскому колену¹⁰.

В 1772—1781 гг. границу между Россией и Китаем в районе Тувы обследовал пограничный комиссар геодезист Е. Пестерев. В опубликованной им работе он изложил чрезвычайно интересные материалы о тувинцах, с которыми ему пришлось встречаться во время своих по-

⁶ П. Паллас, *Путешествие по разным провинциям Российского государства*, ч. III, половина первая, СПб., 1788.

⁷ Там же, стр. 523, 524.

⁸ И. Г. Георги, *Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей*, ч. 1—3, СПб., 1776—1777.

⁹ И. Г. Георги, *Описание...*, ч. III, СПб., изд. 2, 1799, стр. 25.

¹⁰ Там же, стр. 16.

ездок¹¹. Он впервые привел довольно подробные сведения о быте тувинцев-тоджинцев.

Григорий Спасский, известный исследователь народов Сибири, будучи в 1806 г. у качинцев, на р. Июсе встретил двух тувинцев, по-видимому, тоджинцев. Они сообщили ему, что живут в чумах, покрытых берестой, имеют мало скота и держат оленей. Основное занятие их — охота, рыбная ловля и сбор дикорастущих трав. Спасский впервые отметил, что тувинцы говорят на различных наречиях. Он приводит около 50 слов, по-видимому, тоджинского диалекта. Спасский отметил, что «вид сих двух сойотов более еще языка доказывал их татарское происхождение»¹². Таким образом, он был первым исследователем, отнесшим тувинцев к тюркам.

Финский ученый А. М. Кастрен во время своих научных поездок по Сибири в середине XIX в. сделал наблюдения по языку саянских тувинцев, который он отнес к числу тюркских. Он отмечает, что сойот, или точнее саян, является названием одного тувинского рода, а не народа в целом. Минусинские татары этим именем называли все племена, обитавшие в Саянских горах¹³.

В 1858 г. Тоджу посетил Крыжин — член Сибирской экспедиции Русского географического общества, возглавлявшейся астрономом Шварцем¹⁴. Отправившись 5 июня 1858 г. в сопровождении проводника-тофалара с Окинского караула, Крыжин прошел до верховьев Бий-Хема и через Хамсару на Бирюсинские прииски. В Тодже он провел более месяца, там ему удалось, помимо географических материалов, собрать сведения о родовом составе населения. Крыжин отметил, что в Тодже оленеводством занимаются роды акт-джет, кара-додот и хойек, а скотоводством — акт-додот и кара-додот¹⁵.

Начало специально этнографическому изучению Тоджи было положено П. Е. Островских, который летом 1897 г. совершил поездку в Тоджу по поручению Российского географического общества. Спутником Островских был студент «из минусинских инородцев» М. И. Райков. Островских и Райков познакомились только с бытом скотоводческого населения, оленеводов же, которые находились в это время в горах, они не смогли посетить.

Островских прошел по долине Бий-Хема от Систиг-Хема до оз. Тоджа. Он вел антропологические, этнографические и лингвистические исследования, однако материалы Островских не изданы. Он опубликовал лишь краткие отчеты и небольшие статьи, дающие самую общую характеристику быта тоджинцев¹⁶.

Свои этнографические коллекции Островских передал в Берлин

¹¹ «Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 гг. в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской Империей и Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии чрез Красноярской уезд до бывшего Зенгарского владения», — журн. «Новые ежемесячные сочинения», ч. LXXIX—LXXXII, СПб., 1793.

¹² Гр. Спасский, *Изображение обитателей Сибири*, СПб., 1820, стр. 63.

¹³ А. А. Gastren, *Reisberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, St.-Pet., 1856, Ss. 359, 360.

¹⁴ Л. Шварц, *Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции РГО*, — «Труды Сибирской экспедиции РГО», СПб., 1864.

¹⁵ Там же, стр. 91.

¹⁶ См. работы П. Е. Островских: «Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун урянхайской земли», — ИРГО, т. XXXIV, вып. 4, 1898, стр. 424—432; «Значение урянхайской земли для Южной Сибири», — ИРГО, т. XXXV, вып. III, 1899; «Оленные тувинцы», — «Северная Азия», 1927, № 5—7, стр. 79—94.

ский музей народоведения. Дневники представил в Русское географическое общество, но они не были опубликованы¹⁷.

В 1900 г. в Минусинске Е. К. Яковлевым был издан «Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея». В работе дана в основном характеристика хакасов и тувинцев степных районов. В описании коллекций Минусинского музея не указано, какие вещи происходят из Тоджи. П. Островских обратил внимание на то, что многие описанные Яковлевым вещи как оригинальные в действительности же представляли собою модели и копии, не всегда достаточно точно выполненные. Например, на головном уборе шамана орлиные перья заменены куриными и т. п.¹⁸.

Наибольшая заслуга в деле изучения этнографии Тувы принадлежит Феликсу Кону. Его экспедиция 1902—1903 гг. была организована по поручению Восточного отдела Русского географического общества¹⁹. Собранные Ф. Коном материалы характеризуют хозяйство, быт и культуру тувинцев. Но о тоджинцах, к сожалению, его сведения очень отрывочны. Этнографические коллекции, собранные Ф. Коном, хранятся в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград).

В 1903 и 1914 гг. в Туве побывал известный исследователь Центральной Азии Г. Е. Грумм-Гржимайло. Он написал многотомный труд «Западная Монголия и Урянхайский край», включающий этнографический очерк тувинцев преимущественно степных районов²⁰. К работе следует подходить критически, так как в ней имеются серьезные недостатки методологического и фактического порядка. Вместе с тем нельзя не отметить в целом большую ценность работы, в которой использованы все известные к моменту ее издания литературные источники по истории и этнографии тувинцев.

В 1908 г. по поручению Музея антропологии и этнографии (МАЭ) В. Н. Васильев совершил поездку в Восточные Саяны. Он сделал ценные фотографии и собрал этнографические коллекции, хранящиеся в МАЭ и в Гамбургском музее этнографии²¹.

В 1910 г. в Туве побывала английская экспедиция, изучавшая Центральную Азию. Ее участник Д. Каррутерс в опубликованной им книге²² привел некоторые сведения о Тодже и ее населении.

В 1912 г. проездом в Туве был А. Беннингсен, опубликовавший статью, в которой, в частности, имеются данные об административном составе и численности тоджинцев²³.

В 1914 г. в Восточных Саянах работала норвежская экспедиция, один из участников которой, Э. Ольсен, выпустил в 1915 г. очерк о поездке в Туву²⁴. Эта работа дает более полные по сравнению с пред-

¹⁷ П. Е. Островских, *Оленные тувинцы*, стр. 79, примеч. 3.

¹⁸ Там же, стр. 87.

¹⁹ «Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона», — «Известия ВСОРГО», XXXIV, вып. 1, 1903, стр. 19—66; Ф. Кон, *Усинский край*, — «Записки Красноярского подотдела ВСОРГО», т. II, вып. 1, 1914; Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, т. III, М., 1934.

²⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. III, вып. 1, Л., 1926.

²¹ «Коллекция МАЭ», № 1340; коллекция, хранящаяся в Гамбургском музее, № 12:15.

²² D. Carruters, *Unknown Mongolia. A record of travel and exploration in North-West Mongolia and Dzungaria*, London, 1914. Есть перевод на русский язык: Д. Каррутерс, *Неведомая Монголия*, т. I, СПб., 1914.

²³ А. П. Беннингсен, *Русское дело в Урянхайском крае*, — «Изв. Императ. об-ва востоковедения», 1913.

²⁴ O. Olsen, *Et primitivt Folk. De mongolske rennomader*, Kristiania, 1915. — Краткое изложение некоторых положений этой работы имеется на русском языке (Э. Ольсен, *Оленеводство у сойотов*, — «Труды Сиб. ветеринарного института», вып. X, Омск, 1929, стр. 375—380).

шествующими исследованиями сведения о быте оленеводов, но многие этнографические вопросы освещены в ней крайне бегло. Есть в книге и отдельные фактические ошибки, в особенности в разделах, касающихся оленеводства тоджинцев.

В 1915 г. местный краевед А. П. Ермолаев по поручению заведующего устройством русского населения в Туве посетил Тоджу. Представленный им отчет содержит некоторые факты, характеризующие положение восточных тувинцев²⁵.

Большой интерес представляют сведения, собранные в Тодже в 1916 г. учителем Верхне-Усинской школы Венкелем, совершившим поездку к оленеводам с целью проведения прививки оспы. Он приводит чрезвычайно ценные данные о местах расселения отдельных аалов оленеводов в долине р. Хамсары, населении, количестве скота в аалах и кочевках²⁶.

В 1926 г. М. Г. Левин, будучи участником антропологической экспедиции под руководством В. В. Бунака, проводившей свои работы в Туве, посетил тоджинцев, кочевавших в районе Одугена²⁷. Однако собранные им ценные материалы по этнографии оленеводов не были изданы. С любезного разрешения М. Г. Левина, я получил возможность познакомиться с этими материалами и учесть их в своей работе. Краткие результаты экспедиции, в том числе некоторые этнографические сведения о тоджинцах, были опубликованы В. В. Бунаком в 1928 г.²⁸.

В 1952 г. в Тодже работали антропологический (руководитель М. Г. Левин)²⁹ и этнографический (руководитель Е. Д. Прокофьева)³⁰ отряды Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР, возглавляемой Л. П. Нотаповым. В 1954 г. Е. Д. Прокофьева опубликовала статью о социалистическом строительстве в Тодже³¹. Некоторые этнографические материалы о дореволюционной Тодже использованы в труде В. И. Дулова, посвященном анализу социально-экономических отношений у тувинцев в XIX—начале XX в.³²

В течение ряда лет (1951—1953, 1955, 1958) этнографические полевые исследования в Восточной Туве (Тоджа, Тере-Холь) проводились автором настоящей работы (в экспедиции 1951 г. принимал участие Т. Найден-Оол, в 1955 г. — К. Доржу и А. К. Калзан), часть из собранных материалов опубликована³³.

²⁵ Подробный отчет о поездке А. Ермолаева в Тоджу хранится в Госархиве Тувинской автономной области, Р—123, оп. 2, ед. хр. 131. См. также: А. П. Ермолаев, *Тоджа*, — «Известия Красноярского отдела РГО», 1924, т. III, вып. 1; А. П. Ермолаев, *Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915—1918 гг.*, — «Сибирские записки», 1919, № 4—5.

²⁶ Материалы Венкеля хранятся в Госархиве Тувинской авт. обл., Р—123, оп. 2, ед. хр. 131, лл. 13—15.

²⁷ М. Г. Левин, *К антропологии Южной Сибири*, — КСИЭ, XX, 1954, стр. 18.

²⁸ V. Vouyak, *Un pays de l'Asie peu connu; le Tanna-Touva. Communication préliminaire*, — *Internationale Archiv für Ethnographie*, Bd XXIX, Heft I—III, 1928.

²⁹ М. Г. Левин, *К антропологии Южной Сибири*.

³⁰ Е. Д. Прокофьева, *Работа тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции*, — КСИЭ, XX, 1954.

³¹ Е. Д. Прокофьева, *Социалистические преобразования в Тодже*, — УЗ ТНИИ-ЯЛИ, вып. 2, Кызыл, 1954.

³² В. И. Дулов, *Социально-экономическая история Тувы (XIX—начало XX в.)*, М., 1956.

³³ См. работы С. И. Вайнштейна: «Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев», — XXIX, КСИЭ, 1958; «Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX—нач. XX в.)», — СЭ, 1959, № 6; «К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении», — КСИЭ, XXXIV, 1960.

Собранная нами этнографическая коллекция и часть фотоснимков хранятся в Тувинском областном краеведческом музее (г. Кызыл), остальные фотоснимки находятся в фототеках Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (г. Кызыл) и Института этнографии АН СССР (Ленинград).

Краткие сведения по истории тувинцев-тоджинцев. О времени заселения человеком таежных районов Восточной Тувы мы не имеем пока достоверных данных, но, по-видимому, в позднем палеолите здесь уже жили люди. Это тем более вероятно, что на Верхнем Енисее в Туве открыты позднепалеолитические стоянки. Каменный инвентарь этих стоянок включает наряду с миниатюрными орудиями остроконечники архаического облика (Ийменская стоянка при впадении р. Хемчик в Енисей³⁴), что указывает на сходство позднепалеолитической культуры Верхнего Енисея и других районов Южной Сибири, Северного Китая, Монголии и Казахстана.

Древнейшим памятником обитания человека в Восточной Туве является нижний горизонт Тонмакской стоянки вблизи оз. Тоджа на берегу р. Тонмак³⁵, открытой и частично раскопанной нами в 1955 г. Ее первые обитатели, жившие в саянской тайге около четырех тысяч лет назад, занимались охотой и рыбной ловлей (на стоянке преобладают кости косули, лося, оленя, обнаружены также кости глухаря, утки и рыб).

Тонмакцы знали лук и стрелы, умели делать хорошо обожженную глиняную посуду, плоскодонную и круглодонную, орнаментированную преимущественно разнообразными оттисками гребенчатого штампа. Орнаментом покрывали не только стенки и венчики, но и дно сосудов. Некоторые сосуды тонмакцев украшены резными точечными линиями, а также сочетаниями ямок.

Каменные орудия тонмакцев миниатюрны. Самое крупное из них — ножевидная пластинка с тщательной двусторонней ретушью — имеет длину 4,4 см. Большинство пластинок значительно меньше: их длина от 0,9 до 3,4 см, ширина от 0,1 до 1,1 см. На стоянке найдены также нуклеусы удлинненной призматической формы (длина до 2 см)³⁶.

В верхнем горизонте Тонмакской стоянки сохранились более поздние следы обитания древних охотников и рыболовов, населявших ее вплоть до рубежа нашей эры.

На степных участках Тоджи, по крайней мере со второй половины I тысячелетия до н. э., жили племена, в культуре которых прослеживаются тесные связи со скотоводами степей Центральной и Западной Тувы. Их хозяйственный и бытовой уклад, а также культура известны, хотя и недостаточно полно, по раскопкам земляных курганов в долине р. Ий, датированных скифским временем, точнее V—III вв. до н. э.³⁷

Ийцы занимались, вероятно, не только скотоводством, но и охотой, и собирательством.

В условиях кочевого хозяйства ийцы отказались от глиняной посуды. В ийских погребениях керамика отсутствует в отличие от погребений казылганской культуры в других районах Тувы. Жизнь вблизи леса позволяла им широко использовать для изготовления утвари дерево и бересту. В кургане № 3 (Ийский могильник) мы нашли остатки сосуда, сшитого из вываренной бересты. Ийцы умели хорошо обрабатывать дерево, делать плахи и доски. Основными орудиями обработки дерева были узколезвийные бронзовые топоры и тесла — ими обработаны плахи и доски, найденные в курганах. Для изготовления различных поделок применяли также рог и кость, причем в их обработке было достигнуто высокое совершенство. В курганах Ийского могильника найдены прекрасные образцы бронзовых изделий. Не исключено,

³⁴ См. С. И. Вайнштейн, *Археологические исследования в Туве в 1955 г.* — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, Кызыл, 1956, стр. 38, 39.

³⁵ В первой публикации материалов стоянки (там же, стр. 36) она была названа нами Тоджинской, но такое наименование неудобно, так как Тоджа — это не только название озера, но и всего района.

³⁶ Там же, стр. 36—38.

³⁷ Там же, стр. 33—36.

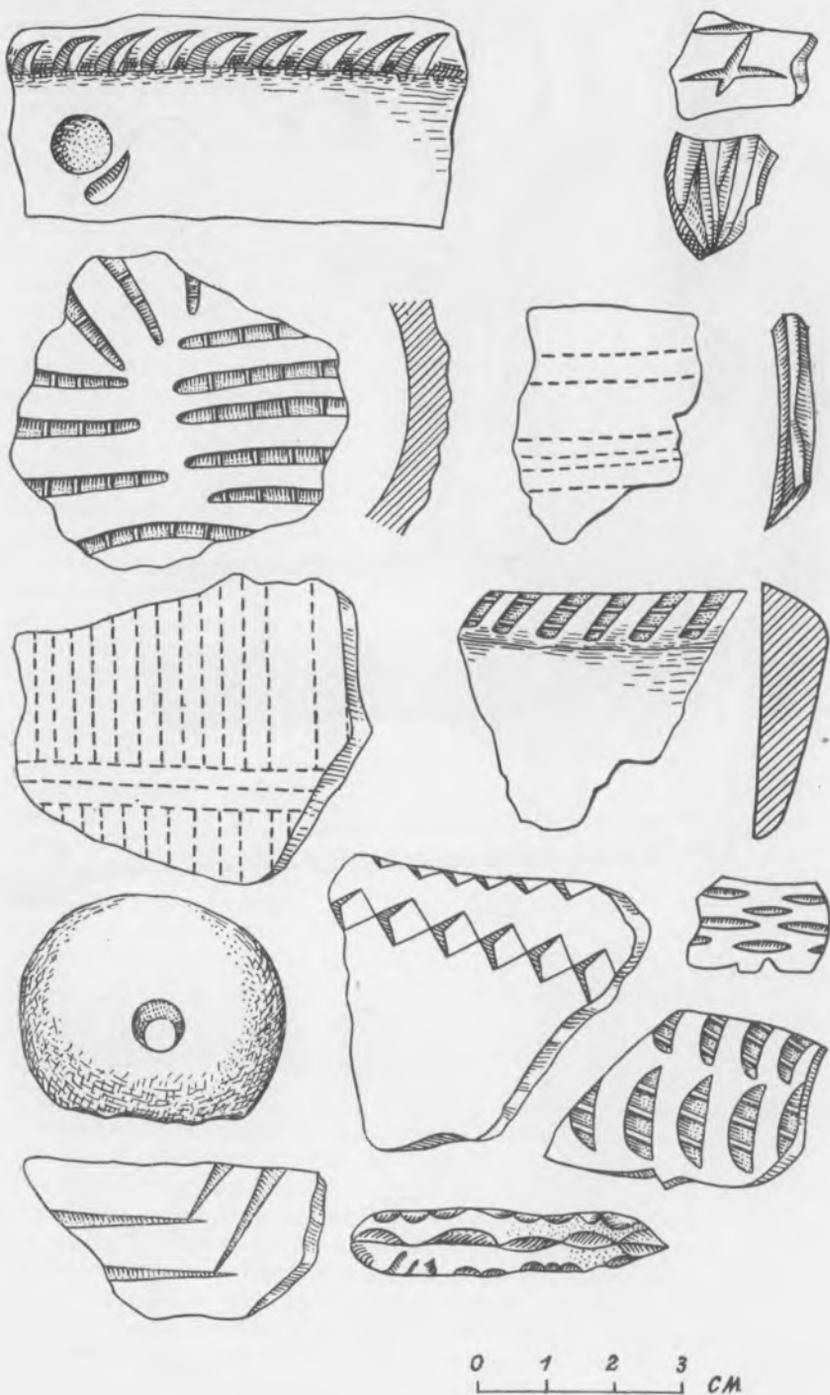

Рис. 5. Керамика и каменные орудия из Тонмакской стоянки

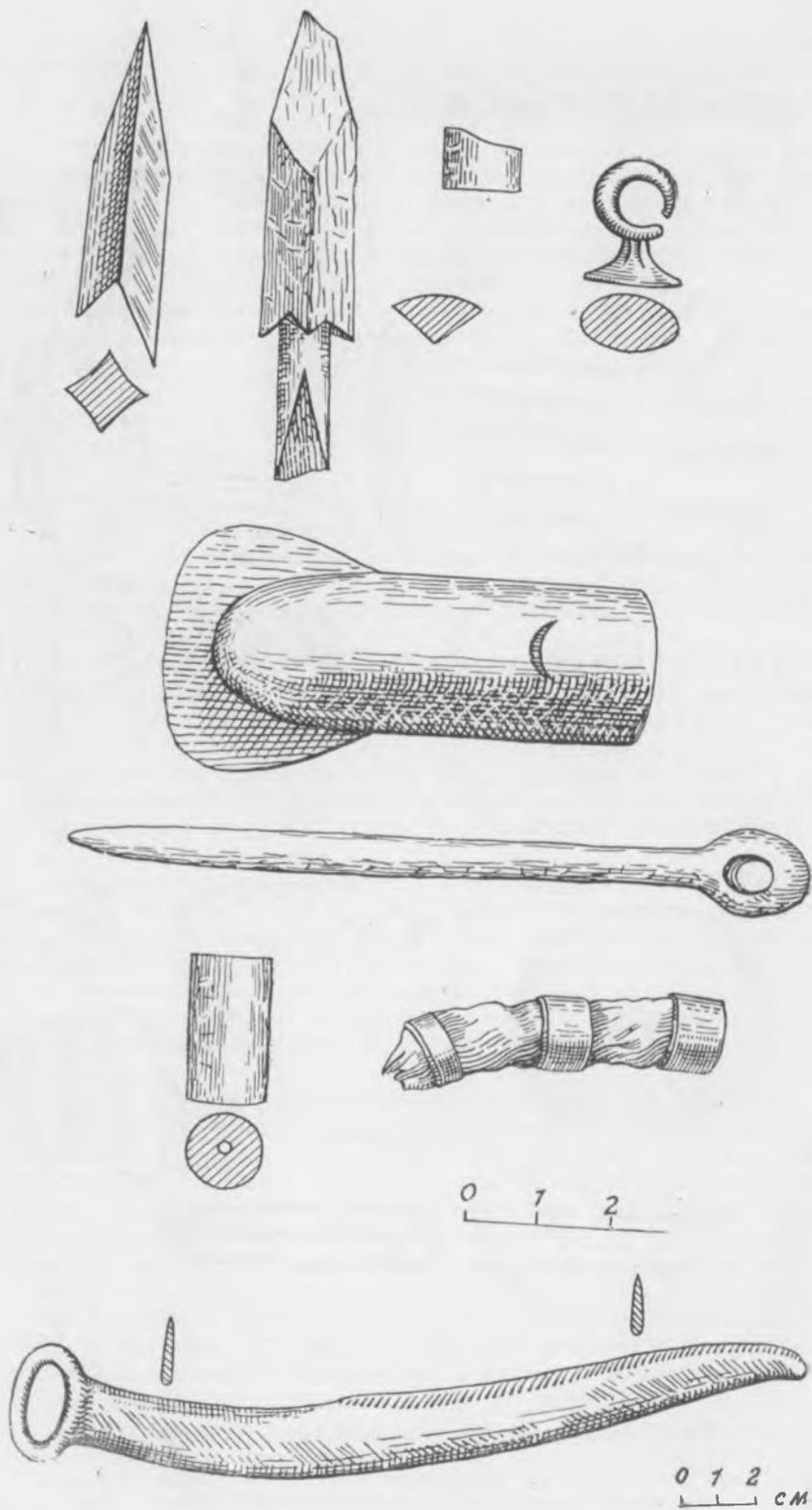

Рис. 6. Изделия скифского времени (бронза, кость)

однако, что эти вещи попали к древним тоджинцам в результате обмена со степными соседями.

В войне и на охоте ийцы применяли лук и стрелы, наконечники которых делали из бронзы и кости. В качестве украшений они употребляли нефрит голубоватых и зеленоватых оттенков.

Умерших хоронили в подпрямоугольных ямах, вытянутых главным образом в направлении СЗ—ЮВ, глубина которых редко превышала два метра. Покойника клали на грунтовое дно могильной ямы в скорченном на боку положении головой на СЗ, что было характерно для погребального обряда господствовавшего в это время у населения всей Тувы вплоть до ее крайнего запада³⁸. Над захоронением делали навес из плах или досок и заполняли могильную яму землей. Над могильной ямой сооружали круглую земляную насыпь.

Материалы раскопок земляных курганов в долине р. Ий позволяют рассматривать культуру оставившего их населения как местный вариант казылганской культуры Тувы³⁹.

Во второй половине I тысячелетия н. э. в Тодже жили племена, упоминаемые в китайской летописи Тан-шу под названием дубо⁴⁰; область их расселения распространялась на Восточные Саяны.

По свидетельству Тан-шу, дубо делились на три аймака. Каждым аймаком управлял начальник. Дубо занимались охотой, рыбной ловлей, а также собирательством. Летописец отмечает, что они жили в шалашах из травы, а также «избах, берестюю покрытых», имели много хороших лошадей, одежду шили из шкур оленя и соболя, а бедные делали одежду из птичьих перьев. Дубо были прекрасными лыжниками: «При каждом упоре подаются шагов на сто вперед чрезвычайно быстро»⁴¹.

Рис. 7. Человек из племени дубо. Китайский рисунок (по Д. Поздневу)

³⁸ См. С. И. Вайнштейн, *Памятники скифского времени в Западной Туве*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955, стр. 78—102.

³⁹ См. С. И. Вайнштейн, *Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг.*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 229—237.

⁴⁰ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348, 354.

⁴¹ Там же, стр. 354.

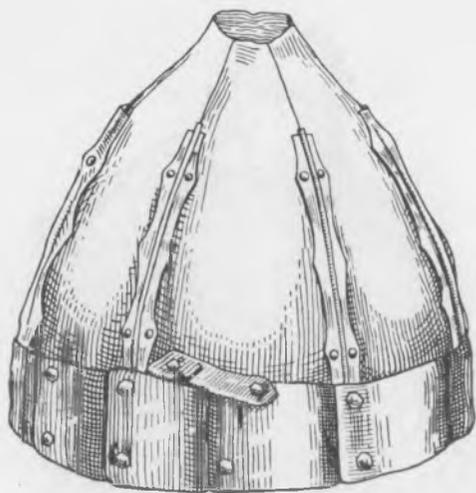

Рис. 8. Средневековый железный шлем, найденный в долине реки Ий

В летописи Рашид ад-Дина содержатся чрезвычайно ценные сведения о лесных урянкатах — племенах, населявших Восточные Саяны и Прибайкалье. Лесные урянкаты не имели обычного домашнего скота, «они выращивали горных быков [и коров], горных баранов [и овец] и джейрана... Во время перекочевков они грузили поклажу на горных быков... В местах, где они останавливались, они делали из коры березы и других деревьев немного навесов и лачуг...». Лесные урянкаты занимались пешей охотой на промысловых животных и дичь. Зимой для передвижения они пользовались лыжами. На охоте «они тащат привязанными другие [лыжи]; на них они складывают убитую дичь»⁴⁶.

С конца XVI в. территория Тувы входила в так называемое «царство» Алтын-ханов. В начале XVII в. русские власти установили дипломатические отношения с правителем Алтын-ханского княжества Шалой-Убаши, к которому в 1616 г. были направлены послы В. Тюменец и И. Петлин. В донесении Василия Тюменца сообщается о «Саянской земле», через которую они проехали: «А ис Табынские земли шли оне на Саянскую землю, а в ней князек Кара-Сакул с товарищи; живут себе меж гор и лесов по речкам, горы каменные, а леса черные, большие; а сколько их всех, того им сметить было нельзя, потому что живут в розни; а слухом оне про них слышели, что их с 5000 человек. А ездят на оленях и на конях, а ясак дают Алтыну царю. А житье их то же, что и в Табынской земле: угодей никаких нет, и хлеб не родитца»⁴⁷.

Следовательно, в начале XVII в. таежное население Саян уже занималось оленеводством и имело лошадей. Из сообщения В. Тюменца о «Табынской земле» можно сделать вывод, что основным жилищем саянцев служил чум, а главным занятием — охота. Одежду делали из кож. Коров и овец не имели⁴⁸.

⁴² Там же, стр. 348.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 354.

⁴⁶ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, т. I, М.—Л., 1952, кн. 1, стр. 123—125.

⁴⁷ Ф. П. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 272.

⁴⁸ Там же

У дубо были еще сильны традиции родового быта, выражавшиеся, в частности, в том, что у них «не было ни наказаний, ни пеней», но уже существовала, вероятно, частная собственность. Косвенным свидетельством этого может служить налажавшийся на вора штраф: «Укравший что-нибудь вдвое платил за кражу»⁴².

Летописец пишет о богатых и бедных дубо, отмечая различия в одежде, в свадебном обряде⁴³.

Покойников дубо клали в гробы и ставили в горах или привязывали к деревьям⁴⁴. Со своими западными соседями кыргызами дубо имели, по-видимому, столкновения. Китайский летописец пишет, что «хягасы ловят их и употребляют в работу»⁴⁵.

Библиотека
Башкирского филиала
Академии наук СССР

Рис. 9. Группа жителей тоджинского аала (1908 г.)

С середины XVII в. Саянская земля, включавшая большую часть территории Тоджи, входила в состав Русского государства, и с 1658 по 1712 г. ее жители вносили ясак в Красноярский или Удинский остроги. Население Саянской земли составляло более 500 человек, входивших в «улусы» Коецкий (Коеков), Шаджигаяв, Хахаев, Карчитаев, Тотоков, князя Эрке-Тархи, Караетов, Ухарский⁴⁹. Они платили ясак очень нерегулярно, так как во взаимоотношения жителей Саянской земли и русских все время вмешивались монгольские и позже калмыцкие (джунгарские) феодалы⁵⁰.

В 1697 г. южную часть Тувы, до хребта Танну-Ола, заняли маньчжуры, а к 1757 г. в их руках была уже вся область. Саянская земля в результате демаркации границы в 1727 г. отошла к цинскому Китаю.

В 1759 г. маньчжурские власти провели в Туве административно-территориальное размежевание, в результате которого было образовано четыре хошуна: Тоджи-Нурский, включавший Северо-Восточную Туву; Тесин-Гольский, расположенный на обоих склонах хребта Танну-Ола; Хем-Гольский, занимавший юго-восточную часть Тувы; Хубсу-Гольский, в районе оз. Косогол⁵¹.

В 1793 г. русский пограничный чиновник геодезист Е. Пестерев опубликовал статью, содержащую ценные сведения о быте тоджинцев. «Кочующие по рекам Тодату, Камсаре и Сыстыгему Тожинского рода Сойоты, — писал Пестерев, — рогатого скота, овец, дворовых козлов, лошадей и верблюдов имеют весьма малое число, а хотя и есть довольно много вышерисанных родов скота, но у редких... а у самых в лесах обитающих Тожинского рода Сойот наперед сего бызали и домовые олени, но в нынешние годы все вывалились (вывелись. — С. В.), да и людей весною много вымерло; у всех же кочующих Сойот никакого хлеба нет, а питаются одним мясом и разных трав кореньями, и когда родятся кедровые орехи, то и их в пищу употребляют, а когда нет мяса и коренья, то очень много пьют кирпичного чая с солью»⁵².

Это сообщение свидетельствует о том, что в XVIII в. тоджинцы в хозяйственном отношении делились на скотоводов, разводящих крупный рогатый скот, овец и коз, и таежных охотников-оленоводов.

Е. Пестерев отмечает резко выраженное имущественное неравенство тоджинцев, подчеркивая, что беднякам богачи «не помощники»⁵³. Многие бедняки умирали от голода, имели место случаи людоедства⁵⁴. Китайское правительство в 1780 г. попыталось переселить ближе к оз. Тоджа бедствовавшее таежное население и выделило ему некоторое количество скота⁵⁵, но это не помогло.

В XIX — начале XX в. положение тоджинцев продолжало оставаться очень тяжелым. Во второй половине XIX в. даже тувинский феодал Ользейочир был вынужден признать, что «до сих пор [положение. — С. В.] тоджинского хошуна не только не улучшилось, но и настолько ухудшилось, что у [тоджинцев. — С. В.] наступил голод»⁵⁶. Д. Каррутерс писал, что тоджинцы находятся на пути постепенного угасания⁵⁷.

⁴⁹ Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке*, М., 1960, стр. 257, 258.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ «Исторические сведения об урянкайских правителях» (перевод с монгольского), рукописный фонд ТНИИЯЛИ, стр. 6.

⁵² «Примечания...», ч. LXXX, стр. 55.

⁵³ Там же, стр. 57.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 62.

⁵⁶ «Хроника Олзейочира» (подлинник на монгольском языке), рукописный фонд ТНИИЯЛИ, л. 38.

⁵⁷ Д. Каррутерс, *Неведомая Монголия*, стр. 151.

В 80-х годах XIX в. в Тодже появились первые русские переселенцы, главным образом крестьяне-промысловики, принесшие с собой более прогрессивные методы ведения хозяйства, в частности животноводства, лова рыбы и т. п. К этому времени в Тодже русские золотопромышленники создали несколько золотых приисков, на которых в очень тяжелых условиях работали русские и тувинские рабочие⁵⁸. В начале XX в. в Тодже развернуло деятельность российские купцы, которые, как и китайские, вели торговлю и занимались ростовщичеством. По данным А. Е. Ермолаева, в 1915 г. тоджинцы были должны российским купцам сотни тысяч белок⁵⁹.

В результате китайской буржуазно-демократической революции (1911 г.) и национально-освободительного движения аратов Тува отделилась от Китая.

В 1914 г. был объявлен протекторат России над Тувой, которая под названием Урянхайского края вошла в состав Иркутского генерал-губернаторства.

Решающее значение для исторических судеб тувинского народа имела Великая Октябрьская социалистическая революция. Под ее влиянием в Туве развернулась национально-освободительная революция, победившая в 1921 г. благодаря помощи русского пролетариата, руководимого коммунистической партией. В 1921 г. была создана Тувинская Народная Республика (ТНР).

В ТНР был проведен ряд важных мероприятий, направленных на развитие хозяйства и культуры страны. Большую экономическую помощь ТНР систематически оказывал Советский Союз.

В народном хозяйстве ТНР существовали три формы собственности: государственная, кооперативная и частнокрестьянская. В промышленности, на транспорте и в связи, во внутренней и внешней торговле господствовала государственная собственность. В Туве начинал складываться рабочий класс и зарождалась молодая тувинская интеллигенция. В 1930 г. с помощью советских ученых была создана тувинская письменность, что способствовало быстрому распространению грамотности среди ранее почти поголовно неграмотного населения; выросла сеть школ. В 1931 г. в Тодже, как и во всей Туве, была проведена национализация собственности феодалов.

В годы Великой Отечественной войны Советского Союза тувинский народ принял активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками⁶⁰.

11 октября 1944 г. Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу трудящихся Тувинской Народной Республики о принятии ее в состав Союза Советских Социалистических Республик. Этот исторический акт открыл тувинскому народу новые широкие возможности для достижения крупных успехов в хозяйственном и культурном строительстве, для социалистического преобразования быта аратов.

⁵⁸ В. Дулов, *Русско-тувинские экономические связи*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954, стр. 106; С. Минцлов, *Секретное поручение*, Рига, 1917, стр. 192, 193.

⁵⁹ А. П. Ермолаев, *Тоджа*, стр. 18.

⁶⁰ История Тувы в период ТНР освещена в следующих работах: В. М. Иезуитов, *От Тувы феодальной к Туве социалистической*, Кызыл, 1956; Х. М. Сейфулин, *Образование Тувинской автономной области РСФСР. Краткий исторический очерк*, Кызыл, 1954; Ю. Л. Аранчын, *Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТУВИНЦЕВ-ТОДЖИНЦЕВ

Этнические процессы, протекавшие в Саянах и Присяянье, вот уже около двух столетий привлекают внимание ученых. И это понятно: исследование этнографов и лингвистов, антропологов и археологов дают все больше доказательств того, что здесь, на границах сибирской тайги и центральноазиатских степей, находился своеобразный узел этнического и культурного взаимодействия самодийских, кетоязычных, тюрко-монгольских и, вероятно, тунгусоязычных народов.

Волны кочевников, двигавшиеся из степей Центральной Азии, докатывались до саянской тайги, оказывая влияние на этнический состав ее обитателей. Одни лесные племена смешивались с пришельцами, другие уходили, покидая веками обжитые места.

Изучение этногенеза тоджинцев показывает, что в его основе лежало не постепенное разрастание одного или нескольких аборигенных племен, а весьма сложные процессы, в которых участвовали разноязычные народы, чьи исторические судьбы в той или иной мере были связаны с Саянской горной страной.

Попытаемся выяснить происхождение родо-племенных групп, вошедших в состав тувинцев-тоджинцев. Рассматривая относящиеся сюда факты, мы приходим к выводу, что часть родовых групп можно отнести по происхождению к самодийским. Это роды чооду (иртиш-чооду), чогду, кыштаг, хаазыт и чооду, возможно, некоторые другие.

Роды чогду и чооду, по-видимому, имеют общее происхождение, причем название последнего является фонетическим вариантом этнонима *чогду* (в соответствии с фонетическими законами тюркских языков¹ выпадение согласного «г» в слове «чогду» привело к удлинению гласного «о»). Тувинцы чооду расселены также на территории Эрзинского района в Юго-Восточной Туве. Роды чогду-чооду известны и в составе других народностей. Род под названием «чогду» есть среди тофаларов (чогду, кара-чогду); чооду — среди алтайцев (кумандинцы, тубалары); чот — среди шорцев². Этноним *чооду* в форме *тйода* был отмечен Радловым у сагайцев³, Кастреном у койбалов⁴.

Тофаларский оленеводческий род чогду, по преданию, записанному Катановым, пришел к тофаларам с верховьев р. Уды⁵, т. е. из района, где издавна жили самодийскоязычные племена. Как известно, Паллас отмечал, что часть тофаларов знает самодийский язык⁶.

¹ В. Г. Исхаков, *Долгие гласные в тюркских языках*, — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I, М., 1955, стр. 164, 165; А. А. Пальмбах, *Долгие и полудолгие гласные тувинского языка*, — там же, стр. 176.

² Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, М., 1953, стр. 158.

³ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, Leipzig, 1884, S. 208.

⁴ А. Кастрен, *Путешествие в Сибирь*, — «Магазин земледения и путешествий», т. VI, М., 1860, стр. 392; см. также: Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей*, — «Живая старина», т. VI, вып. III, СПб., 1896, стр. 74.

⁵ Н. Ф. Катанов, *Предания присаянских племен о прежних делах и людях*, — «Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина», — ЗРГО, XXXVI, СПб., 1909, стр. 185.

⁶ П. С. Паллас, *Путешествие по разным провинциям Российского государства*, т. III, СПб., 1788, стр. 523—526.

Наличие этнонима *чогду* вместе с его фонетическими вариантами только у тех тюркских групп, которые жили по соседству с самодийскими племенами, а также у койбалов и тофаларов свидетельствует в пользу предположения о его самодийском происхождении.

Род кыштаг, если верить преданию, происходит от чооду.

Название рода хаазыт (хааз-ут), — очевидно, монгольская форма множественного числа этнонима *хаас*, который в свою очередь может быть сопоставлен с древним самодийским этнонимом *каса*, сохранившимся даже у северосамодийских групп, например: *хасава* (мужчина) — самоназвание некоторых групп ненцев, энецкое *каса* (мужчина), употреблявшееся в качестве самоназвания, и др.⁷

Родовые названия тофаларов (карагасов — ср. кара-г/к/ас), каш и сарыг-каш также, вероятно, восходят к самодийскому *каса*.

Косвенно о пребывании самодийскоязычных групп в пределах Северо-Восточной Тувы свидетельствует и топонимика. Название оз. Тоджа может быть сопоставлено с названием племенной группы, известной в русских документах XVII в. под именем точки или точигасы и неоднократно упоминаемой на сопредельных с Северо-Восточной Тувой территориях. Например, точигасы с тубинцами, маторцами и мугалами в 1634 г. напали на Красноярский острог⁸. В 1636 г. точки упоминаются в русских документах вместе с соянами и другими племенами⁹. Название точигасов включает самодийский этноним *каса* (точки-г/к/ас)¹⁰.

Если допустить, что род иргит имеет древнее самодийское происхождение¹¹, то определенный интерес вызывает название одной из тоджинских рек Иргит-Хем, так как пребывание в Тодже рода иргит никем из исследователей не было зафиксировано.

В Тодже встречаются реки, названия которых могут быть объяснены из самодийских языков, например реки Ий (впадает в Бий-Хем) и Ия (берет начало в Восточном Саяне на границе с Тоджей). «Я» в некоторых самодийских языках означает «вода»¹². Хотя для р. Ий может быть предложен перевод и из тувинского языка, где «ий» означает «склон» но он маловероятен, так как река течет по относительно ровному степному участку.

Возможно, что и основные элементы названий двух главных притоков Енисея Бий (Бий-Хем) и Каа (Каа-Хем), протекающих в основном по таежным пространствам Восточной Тувы, самодийского происхождения. Непереводимые по-тувински, они получают объяснение из самодийских языков, где «би» означает «вода», а «ку», «ке» — «река»¹³. Название тоджинской р. Сейба (Севи) также включает самодийское «би».

Предки тувинцев-тоджинцев, населявшие Саяны, еще в конце XVIII в. включали, очевидно, отдельные самодийскоязычные группы.

⁷ Г. Н. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна*, — СЭ., 1940, № 3, стр. 69; А. М. Castren, *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, SPb., 1855, S. 80.

⁸ Г. Ф. Миллер, *История Сибири*, т. II, М., 1937, стр. 154.

⁹ Там же, стр. 440; ЦГАДА. ф. 214; ст. 53, лл. 467, 468.

¹⁰ Несколькими столетиями ранее в «Сокровенном сказании» и «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина упоминается могущественное племя тайджиут, стоянки которого были между страной монголов, киргизов и баргутов (Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, т. I, 123). Не было ли название «тожу-точки» связано с древним этнонимом одного из племен Центральной Азии *тайджи*, известным нам в форме «тайджиут», где «ут» — окончание множественного числа в монгольском языке?

¹¹ С. И. Вайнштейн, *Очерк этногенеза тувинцев*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957, стр. 194.

¹² А. М. Castren, *Wörterverzeichnisse*, S. 301; А. М. Castren, *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen*, SPb., 1857, Ss. 97, 98.

¹³ А. М. Castren, *Wörterverzeichnisse*, Ss. 222, 301.

В этом отношении чрезвычайно ценно свидетельство Палласа о том, что в языках койбалов, карагасов, камасинцев, маторов и сойотов, в «горах за Российской границей кочующих», сохранилось сходство с самодийскими языками. «В доказательство сходствия их языков, — писал Паллас, — довольно будет привести сих наречий, коих взять сличить только одни Моторския, как сходственнейшия с незнакомыми мне Сойотскими, что, однако, сами Моторы и Кайбалы, на промыслах на границе с Сойотами встречающиеся, единогласно подтверждают»¹⁴.

Однако господствующим языком у большинства саянских тувинцев во времена путешествия Палласа, очевидно, был все же тюркский, иначе нельзя было бы объяснить тот факт, что почти на столетие ранее этого времени названия улусов Саянской земли (в основном территория Тоджи) содержали тюркские (точнее тюркско-монгольские) языковые элементы (например, караетов, т. е. кара-тодут, карчитаев, т. е. кара-чооду и др.), а русский исследователь Григорий Спасский, на четверть века позднее Палласа посетивший Саянскую землю, записал от саянских тувинцев словарик, свидетельствующий о их несомненной тюркоязычности¹⁵. Никто из последующих исследователей не привел каких-либо фактов, ставивших под сомнение тюркоязычность восточных тувинцев.

В состав тоджинцев вошли также кетоязычные родо-племенные группы. К кетоязычным по происхождению можно отнести род тодут, а также роды ак-тодут и кара-тодут.

По утверждению А. М. Кастрена, род тот имел в прошлом такой же язык, как и койбальский род коллер¹⁶. Отсюда А. М. Кастрен, считавший койбалов самоедским племенем, делает неправильный вывод о самодийском происхождении рода тодут. Между тем еще Г. Ф. Миллер в первой половине XVIII в. отметил, что население койбальского улуса коль является кетоязычным¹⁷.

Род тодут издавна населяет Тоджу. На северо-востоке Тоджи есть река Тодут (Додут). Этноним *тодут* в форме *тодош* известен у алтайцев (телеутов, алтай-кижи¹⁸) и шорцев¹⁹. В русских ясачных книгах XVII в. в Саянской земле упоминают Татоков улус, название которого, вероятно, является несколько искаженной передачей этнонима *тодут*.

Топонимика Тоджи сохранила память о населявших ее кетоязычных племенах. Названия некоторых тоджинских рек оканчиваются на «зас». Например, Азас, Казас. «Сас», «зас» в кетском языке означает «река», «ручей»²⁰. О некоторых других фактах, свидетельствующих о древних исторических связях тувинцев и кетов, нам уже приходилось говорить в специальной заметке о кетском чуме²¹.

К нетюркским, самодийским или кетским по происхождению следует отнести и тоджинский род хойюк, издавна населявший Восточные Саяны и входивший также в состав койбалов под названием кёйек²². По всей вероятности, с этим тоджинским родом связано название «Коетского (коекова) улуса» Саянской земли в русских документах

¹⁴ П. С. Паллас, *Путешествие...*, стр. 524.

¹⁵ Г. Спасский, *Изображение...*, стр. 63.

¹⁶ А. М. Castren, *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, S. 360.

¹⁷ Цит. по кн.: Л. П. Потапов, *Происхождение и этнический состав койбалов*, — СЭ, 1956, № 3, стр. 37.

¹⁸ А. И. Ярхо, *Алтае-Саянские тюрки*, Абакан, 1947, стр. 12, 13; Н. Аристов, *Заметки...*, стр. 339.

¹⁹ Устное сообщение шорца Г. Ф. Бабушкина.

²⁰ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 118; K. Donner, *Ketica*, Helsinki, 1955, S. 80.

²¹ См. С. И. Вайнштейн, *Чум подкаменно-тунгусских кетов*, — КСИЭ, № XI, М., 1954, стр. 39.

²² А. Кастрен, *Путешествие в Сибирь*, стр. 392.

XVII в.²³. В Тодже этот род был отмечен Крыжиным в середине XIX в.²⁴.

Н. А. Аристов приводит этноним *куюк* при перечислении состава абак-киреев Монголии²⁵. Аристов и Грумм-Гржимайло считают, что первоначальной территорией расселения основной группы абак-киреев были Саяны, точнее — их северные склоны, где некоторые реки носят название Кирей²⁶. Это предположение подтверждается, на наш взгляд, тем, что в составе абак-киреев имеется род каракас²⁷.

В состав тувинцев Тоджи вошли и монгольские группы, например род урат. Монгольское происхождение рода отмечается в предании, записанном нами в Тодже. Племя урат (урут) встречается у Рашид ад-Дина в числе древнейших монгольских племен²⁸. Происхождение рода урат от монгольского племени объясняется явлением, вполне типичным для кочевников, когда остатки или часть племен или целых племенных союзов и народов оказываются включенными в состав других народов, принимая вид родовых групп²⁹.

Тувинцы-тоджинцы включают также тюркские роды (по происхождению). К таковым прежде всего относится родовая группа кезек-куулар. *Кезек* означает «часть», а *куулар* — собственное родовое имя (*куу* — по-тувински «лебедь»), отражающее происхождение рода от древнего тюркского племени куулар. Род куулар населял также степные районы Центральной и Западной Тувы. Куу-кижи (челканцы или лебединцы) входят в состав алтайцев. Н. А. Аристов связывал алтайских лебединцев с преданием о происхождении тюрков — тугю³⁰, приведенным в китайских летописях³¹.

По-видимому, к тюркским по происхождению относится также родо-племенная группа соян. Помимо Тувы, этноним *соян* в форме *сойонг* известен у монгольских (алтайских) урянхайцев, алтайцев (алтай-кижи)³², хакасов в форме *саин*³³, киргизов в форме *саяк*³⁴ и даже среди халха-монголов в форме *соен[г]*³⁵.

По преданию, племя (аймак) соян жило в Тодже очень давно, но в результате страшного бедствия оно погибло. Остался только один мальчик — сирота. Человек из рода дарган вырастил его и воспитал. Когда он стал взрослым, его женили на девушке и сказали: «Иди на землю своего рода, живи там, и пусть будут у тебя дети». Он уехал к старым кочевьям соянов, где у него родилось четыре дочери и четверо сыновей. От них и происходит нынешний род соян. Согласно другому преданию, сояны вначале жили в Монголии. Постепенно численность соянов возросла, и они начали кочевать по р. Тесь. Соянов стало так много, что они разделились. Одна часть расселилась по

²³ Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав...*, стр. 257.

²⁴ Л. Шварц, *Подробный отчет...*, стр. 91.

²⁵ Н. А. Аристов, *Заметки...*, стр. 354, прим. 2.

²⁶ Там же; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, стр. 423.

²⁷ Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-Западной Монголии*, вып. II, СПб., 1831, стр. 2, 3.

²⁸ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 78, прим. 21; см. также: Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй Монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934, стр. 171.

²⁹ С. А. Токарев, *Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в.*, — «Сибирский этнографический сборник», М.—Л., 1952, стр. 112.

³⁰ Н. А. Аристов, *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, стр. 5.

³¹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 222.

³² В. Радлов, *Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии*, Иркутск, 1929, стр. 11.

³³ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 208.

³⁴ Я. Р. Винников, *Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии*, — «Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1956, стр. 147.

³⁵ И. Майский, *Современная Монголия*, Иркутск, 1921, Приложение, стр. 14.

степи, а другая ушла в лес. Там лесные сояны приручили оленей. Последнее предание подтверждает предположение о более южной родине соянов.

Несомненно, что к XIX в. все иноязычные группы, вошедшие в состав тоджинцев, были тюркизированы. Предполагали, что они были тюркизированные качинскими татарами. Такой точки зрения, в частности, придерживался А. М. Кастрен³⁶. Радлов, изучавший этот вопрос, пришел к более правильному выводу: «Язык карагасов доказывает нам, что здесь влиял не качинский, а другой тюркский элемент, который стоит близко к тувинскому или якутскому, во всяком случае племя уйгуров, жившее южнее»³⁷.

Современный язык тоджинцев образует диалект тувинского языка, который (по классификации Н. А. Баскакова³⁸) относится к уйгуротуюйской подгруппе северо-восточной группы тюркских языков³⁹.

Таким образом, родо-племенной состав тувинцев-тоджинцев свидетельствует о том, что в их этногенезе приняли участие самодийские, кетоязычные, монголоязычные и тюркоязычные компоненты.

Некоторые родовые этнонимы общи у тувинцев-тоджинцев и тувинцев степных районов. К ним относится куулар (кезек-куулар), соян, чооду, маады⁴⁰. Они являются связующим звеном родо-племенного состава тувинцев Тоджи и других районов Тувы.

³⁶ А. М. Castren, *Reiseberichte...*, S. 291.

³⁷ W. Radloff, *Aus Sibirien*, Bd I, S. 206.

³⁸ Н. А. Баскаков, *К вопросу о классификации тюркских языков*, — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. IX, вып. 2, 1952, стр. 131, 132.

³⁹ Тоджинский диалект делится на говор оленеводов и говор скотоводов. Тоджинский диалект отличается от современного литературного языка, в основе которого лежит центральнотувинский диалект как по фонетике, так и по лексике и грамматике.

Отличия в области фонетики. В системе согласных: 1) в начале некоторых слов употребление носового *й* вместо *ч*: *чаа* (новый) произносится как *йаа*; *ч* вместо *й* (*чо* вместо *ё*, *ча* вместо *я* и т. п.): *ядыы* (бедный) произносится как *чадыы*; 2) в некоторых словах произносится глухое *т* вместо звонкого *д*: *турген* (быстрый), *тангырак* (клятва); 3) особое произношение *ж* в интервокальном положении: а) если он находится между фарингализованными гласными, его произносят как *й*: *кыйын* вместо *кыжын* (зимой); б) если согласный *ж* находится между краткими гласными, его произносят как *ч*: *кучур* вместо *кужур* (солончак); 4) добавление *х* в начале некоторых слов, начинающихся с гласной: *хугу* вместо *угу* (сова); 5) произношение вместо *г* звука, близкого к *х*: *аьрха* (лес); 6) в некоторых словах употребление *х* вместо *к* или же наоборот: *кадчан* (лысый) произносится как *халчан*; 7) произношение между сонорными и гласными глухих звуков вместо звонких: *сылдыс* (звезда) произносится как *сылтыс*. В системе гласных: 1) сочетание гласного *а* с *й* в начале и середине слова произносится как *эй*, где *э* — промежуточный звук между *а* и *э*, а в конце слова — как *ий*, например вместо литературного *кайда* (где?) произносится *кэйда*; 2) сочетание гласного *е* с *й* в конце слова произносится как долгое *и*, например *дулейлей берген* (оглох) — *дулейлии берген*; 3) краткое произношение долгих гласных, или же, наоборот, долгое произношение кратких гласных, например вместо *идээрээр* (кичиться) — *идэргээр*.

Отличия в области лексики. Значительная часть лексических различий сводится к фонетическим расхождениям, но есть небольшая разница и в словаре. Например, лодыжку в Тодже называют *шанай*, *шаний* (у оленеводов), а в других диалектах тувинского языка — *кажык*; ливень соответственно *кудук* и *чайык*, град — *мондур* и *долу* и т. д. Интонация речи тоджинцев также отличает их от тувинцев других районов. Тоджинцы говорят протяжно, с напевом в нос, характерно фарингализованное произношение гласных. В конце предложения голос повышается. Имеются некоторые отличия и в области морфологии. Изучение тоджинского диалекта показывает, что в нем сохранился ряд архаичных особенностей. Тоджинский диалект очень близок языку тофаларов. (З. Б. Арагачи, *Тоджинский диалект*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960, стр. 204—211; Т. И. Арцыбашева, *О некоторых особенностях диалекта Тоджи*, — «Языки зарубежного Востока», сб. 1, М., 1935, стр. 18—28).

⁴⁰ В 1956 г. нам удалось записать предание от старика из рода маады (Маады Аир Картумбаевич), в котором говорится, что маады в далеком прошлом пришли в Туву из-за Саян, где вначале жили на р. Ус. Обращает на себя внимание также несомненное созвучие этнонима *маады* у тувинцев, *матор* — у южносамодийских групп, *мады* (*мадду*, *манду*, *самату*) — у северосамодийских групп.

Некоторые этногенетические выводы позволяет сделать анализ материальной и духовной культуры тоджинцев.

В материальной культуре тоджинцев прослеживаются два комплекса — «лесной» и «степной»: «степной»: «степной», характеризующийся халатообразной одеждой монгольского типа (*тон*), некоторыми видами головных уборов (*будээлге* и др.), обуви (*кадык идик*), своеобразной утварью (*хөгөр* и др.), конским верховым седлом и сбруей, способами приготовления пищи, в особенности молочной (*хойтпак*, *өреме*, *быштаг*, *арага* и др.).

«Лесной» комплекс, включающий берестяной чум (*алажы-өг*), лыжи (*хаак*), некоторые виды утвари (*соо*, *одуш* и др.), одежды и обуви (*бышкак идик*, *чагы* и др.).

«Степной» комплекс материальной культуры сформировался у тувинцев-кочевников степных районов и содержит как элементы, восходящие, по всей вероятности, к культуре древних тюрков (головной убор *будээлге*, аналогичный изображенным на древнетюркских каменных изваяниях, и др.), так и черты более позднего влияния культуры монголов (например, халатообразная одежда с полукруглым вырезом на левой доле, некоторые способы приготовления молочной пищи, характерные для монголов, и др.).

«Лесной» комплекс материальной культуры наиболее древен в Тодже и восходит к культуре «лесных» племен Восточных Саян домонгольского времени. Так, в Тодже сохранилось древнее название лыж — *хаак*, аналогичное названию *хаакры* (*хаак* — корень слова) — лыж-голиц у ангарских эвенков, область расселения которых в древности смыкалась с Восточными Саянами⁴¹.

К местной культуре «лесных племен» восходят и некоторые предметы, связанные с оленеводством. Например, вьючное оленьё седло (сходное с тофаларским и селькупским), намордник (*мөнгуй*) для оленят (подобные приспособления с подвижной втулкой, неизвестные у тюрко-монгольских народов, бытуют у нганасан как ошейники для оленегонных собак).

Оленеводство тоджинцев — также весьма важный этнический признак, указывающий на древние связи с самодийскими племенами. Оленеводство самодийского типа, как убедительно показали Г. М. Василевич и М. Г. Левин, генетически связано с саянским типом оленеводства, распространенным у тувинцев и тофаларов⁴².

Если в происхождении тувинских маады и приняли участие самодийскоязычные маторы, то это было значительно ранее XVII в., т. е. того времени, когда, как это предполагает Л. П. Потапов, маады (маты, матцы), возможно, были даже родственны енисейским кыргызам, с которыми они находились в тесных отношениях («Краткие очерки истории и этнографии хакасов», Абакан, 1952, стр. 89).

В связи с рассматриваемым вопросом необходимо отметить, что в литературе встречается утверждение об упоминании этнонима *маады* в древнетюркской эпитафии Уюк-Аржан (А. А. Пальмбах, *О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея*, — «Под знаменем Ленина — Сталина», ч. 1, Кызыл, 1944, № 1, стр. 2).

В. Радлов и С. Малов в своих переводах енисейских памятников не отмечают в указанном тексте этнонима *маады*.

А. М. Кастрен, не приводя каких-либо подробностей, утверждает, что у тувинских маады (маттар) есть предания об их происхождении от маторов (А. М. Castren, *Reiseberichte...*, S. 360).

Б. О. Долгих высказывает предположение о том, что в названии племени самату (маду) «сохранился какой-то древний этноним, который был распространен в прошлом гораздо шире» (см.: Б. О. Долгих, *О родоплеменном составе и распространении энцев*, — СЭ, 1946, № 4, стр. 23).

⁴¹ Имеются и другие языковые параллели с тунгусо-маньчжурскими языками. Например, лось носит название *тош*; ср. *тохо* — маньчжурский *токи* — эвенкийский, *то* — нанайский.

⁴² Г. М. Василевич и М. Г. Левин, *Типы оленеводства и их происхождение*, — СЭ, 1951, № 1, стр. 63—87.

Рис. 10. Оленевод

Особенности этнической истории тувинцев Тоджи отражала также их духовная культура, в том числе фольклор, народное изобразительное искусство, верования. Весьма показательны в этом отношении принадлежности шаманского ритуала. Например, шаманский костюм, отличаясь по ряду признаков от распространенного в степных районах Тувы, имел сходство с тофаларским и эвенкийским (изображения скелета на костюмах, нагрудник). На тоджинских бубнах, как и на тофаларских, как правило, нет рисунков, характерных для бубнов шаманов остальных районов Тувы. Вместе с тем некоторые культовые принадлежности тоджинских шаманов находят аналогии у селькупов и кетов, например в устройстве бубна (резонаторы, ручка, ширина обода и др.).

Необходимо выяснить не только, какая этническая группа тюркизировала нетюркские компоненты в этногенезе тувинцев-тоджинцев и близко родственных им тофаларов и в каких исторических условиях протекал этот процесс, но и по возможности ответить на вопрос о том, как сложился современный расовый тип тоджинцев.

В этом отношении весьма важны выводы об антропологических особенностях тоджинцев. М. Г. Левин отмечает, что тоджинцы-олeneводы и тофалары обнаруживают своеобразное сочетание антропологических признаков, отличающих их от тувинцев степных районов «еще более слабым ростом бороды, сравнительно мягкими волосами, более сильно выступающими скулами, более тонкими губами»⁴³.

В настоящее время антропологический тип, характерный для тоджинцев-олeneводо (рис. 10) и тофаларов, — «катангский тип», по Г. Ф. Дебецу, — распространен также у западных эвенков, чулымцев и, возможно, селькупов и ненцев⁴⁴.

Тоджинцы-скотоводы по своему расовому типу занимают промежуточное положение между тувинцами-олeneводами и тувинцами-скотоводами степных районов⁴⁵.

Тувинцы степных районов, отличаясь антропологически от тоджинцев, сближаются с северными монголами и бурятами⁴⁶.

Расовые особенности, характерные для антропологического типа тоджинцев (низколицость), обнаружены и на весьма древних черепках, относящихся к скифскому времени из погребений в Туве и в Забайкалье.

⁴³ М. Г. Левин, *Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока*, М., 1958, стр. 146.

⁴⁴ Там же, стр. 298.

⁴⁵ М. Г. Левин, *К антропологии Южной Сибири*, — КСИЭ, XX, 1945, стр. 17—26.

⁴⁶ Там же, стр. 17—26.

М. Г. Левин рассматривает катангский антропологический тип как «древний тип бассейна Енисея»⁴⁷.

Следовательно, есть серьезные основания сделать вывод, что в этногенезе тоджинцев большую роль сыграло древнее, «лесное» население Саян, определившее антропологический облик населения Северо-Восточной Тувы, в особенности оленеводов. Кем могло быть в этническом отношении древнее дотюркское население Восточных Саян?

Сходство инвентаря таежной Тонмакской стоянки и нижнего горизонта Усть-Собакинской стоянки, описанной В. Г. Карцовым⁴⁸, дает право говорить не только о культурных связях, но, очевидно, и о существовании условий для сложения этнической общности населения Среднего Енисея и Саянской тайги уже в позднелихитическое время.

По мнению А. П. Окладникова, в позднелихитическое время и эпоху бронзы в культуре племен Среднего Енисея заметно усиление западных элементов, свидетельствующее о появлении здесь обитателей Приуралья и Западной Сибири — предков самодийских племен⁴⁹.

Однако в скифское время на территории Тоджи наряду с низкими монголоидами жили и европеоиды с небольшой монголоидной примесью, о чем свидетельствуют черепа из раскопанных нами земляных курганов на степных участках долины Бий-Хема, которые, возможно, принадлежали племенам, известным из китайских летописей под названием диньлинов, по-видимому, кетоязычных⁵⁰.

Изложение дает нам право считать, что по крайней мере со скифского времени Тоджу населяло неоднородное в этническом отношении население. До проникновения сюда тюрок одну группу местных жителей составляли, вероятно, древние самодийскоязычные охотничье-рыболовецкие племена, обитавшие в тайге; другую — кочевые племена охотников-скотоводов, жившие в степных долинах Бий-Хема и его притоков, по всей вероятности, кетоязычные.

Как мы уже отмечали, древнейшим свидетельством письменных источников о племенах Восточной Тувы является запись в танской династийной истории о «поколениях дубо», в транскрипции Ф. Хирта «ту-по»⁵¹. Дубо были расселены на сравнительно большом пространстве от «Малого моря» (по-видимому, оз. Байкал)⁵² до Хягас. На юге дубо граничили с хойху (уйгурами).

Кем были племена дубо в этническом отношении? Большинство исследователей считает дубо (ту-по) китайской транскрипцией этно-

⁴⁷ М. Г. Левин, *Этническая антропология...*, стр. 162, 298.

⁴⁸ В. Г. Карцов, *Материалы к археологии Красноярского района*, Красноярск, 1929.

⁴⁹ А. П. Окладников, *Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея*, — СА, 1957, № 1, стр. 26—55.

⁵⁰ См. С. И. Вайнштейн, *К вопросу об этногенезе кетов*, — КСИЭ, XIII, 1951, стр. 3—7.

⁵¹ F. Hirt, *Nachwort zur Inschrift des Tonjukuk* — в кн. W. Radloff, *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei* 2. Folge, SPb., 1899, Ss. 9, 14.

⁵² В примечаниях Н. Я. Бичурина к сообщению китайской летописи о дубо («Собрание сведений...», стр. 348, прим. 2), Малое море отождествляется с оз. Косогол. С этим согласны редакторы нового издания трудов Н. Я. Бичурина. Но как тогда объяснить следующее место, где, по мнению редакторов, речь также идет об оз. Косогол (там же, стр. 354): «Все реки текут на северо-восток, минуя Хягас, соединяются на севере и входят в море...»? Известно, что не в Косогол, а в Байкал впадают реки, текущие вначале на северо-восток (Егин-Гол, Селенга, Орхон), которые, сливаясь у Алтын-Булата, текут затем на север до Байкала.

В тексте «Тан-шу-ди-ли-чжи» Малое море можно еще более определенно отождествить с оз. Байкал: «На север от двух поколений Гулигань и Дубо имеется небольшое море... Когда лед крепок, лошади, идя восемь дней, могут переправиться. На север от моря много больших гор... Малое море и есть эти воды» (цит. по кн.: А. П. Окладников, *Якутия до присоединения к русскому государству*, М.—Л., 1955, стр. 309).

нима *туба*⁵³. Георги сближал *туба* с самоедами⁵⁴. Радлов также считал *дубо* самоедами, указывая на их прямое генетическое родство с позднейшими *тубинцами* (в русских источниках), которых он, так же как и *Кастрен*, относил к самоедам⁵⁵.

Между тем в *Тан-шу* *дубо* упоминаются в числе уйгурских поколений (*Тан-шу*, гл. 217-а) и как один из тугуйских аймаков (*Тан-шу*, гл. 217-б)⁵⁶. Вероятно, в первом случае речь идет об этнической, а во втором — о политической⁵⁷ принадлежности *дубо*. Наша точка зрения подтверждается и тем, что в китайских источниках суйского времени (581—617 гг.) в числе племен *т'ие-ле* (*теле*) указаны *ту-по*, живущие к югу от Северного моря (*Байкал*)⁵⁸.

Представляет интерес сообщение в «*Вэнь-сянь-тун-као*» о том, что *дубо*, ранее не имевшие связи с Китаем, услышав, что *гулигань* явились для сношения с Китаем в 21 год правления *Чжен-Гуаня*, через *гулигань* представили *дань*⁵⁹. Уместно напомнить, что *Тан-шу* относит *гулигань*, так же как и *дубо*, к поколениям уйгуров (*хойху*)⁶⁰. Тюркоязычность *гулиганей* (*куруканов* — в орхонских текстах) никем из современных исследователей не оспаривается.

Наши археологические раскопки в Северо-Восточной Туве, входившей в область расселения *дубо*, показали наличие там группы памятников в форме небольших круглых в плане каменных насыпей, под которыми обнаруживались ямки, наполненные золой и углем. В центре ямок находились деревянные столбики, а также кости лошадей. Эти сооружения имеют некоторые аналогии в поминальных памятниках древних тюрков степных районов Тувы — в центре поминальных оградок, заполненных камнем, встречаются неглубокие ямки с золой и остатками деревянных столбиков. Любопытна бытовая деталь, отмеченная *Тан-шу* у *дубо*: «*провожая покойника*, производили плач так же, как и *тукюесцы*»⁶¹. Эта черта, вероятно, подтверждала в глазах китайского летописца сходство некоторых особенностей поминальных обрядов *дубо* и тюрков-тугую.

Можно возразить, что быт *дубо*, описанный в *Тан-шу*, имеет черты сходства с бытом, характерным для самодийских охотничье-оленоводческих народов, и отличается от традиционного представления о быте тюрков — степных кочевников.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в танское время у самодийских народов уже несомненно существовало оленеводство. Между тем *Тан-шу* говорит о *дубо* как о коневодах и, несмотря на подробное описание их быта, совершенно не упоминает оленеводство, хотя, например по свидетельству *Тан-шу*, у народа *увань* имелись домашние олени⁶².

Дубо вряд ли были однородны в этническом отношении. Вероятнее

⁵³ W. Radloff, *Aus Sibirien...*, S. 207; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 25.

⁵⁴ И. Георги, *Описание...*, ч. III, стр. 17.

⁵⁵ W. Radloff, *Aus Sibirien...*, S. 207.

⁵⁶ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 49, 354.

⁵⁷ Термин *тюрк* («*ту-гю*» в китайской транскрипции), по мнению В. Бартольда, в орхонских надписях и позднее, вплоть до средневековья, выступает не как этнический, а как политический термин (В. В. Бартольд, *Очерк истории туркменского народа*, — «Туркмения», I, 1927, стр. 9, 10). С. П. Толстов считает, что термин «*тюрк*» в рассматриваемое время выступает как собирательное имя военного союза племен (С. П. Толстов, *К истории древнетюркской социальной терминологии*, — ВДИ, 1938, № 1, 2, стр. 81).

⁵⁸ Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken (t'u-kü)*, Bd I, Wiesbaden, 1958, S. 128.

⁵⁹ См. А. П. Окладников, *Якутия до присоединения...*, стр. 316.

⁶⁰ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 301.

⁶¹ Там же, стр. 348.

⁶² Там же, стр. 350.

всего, носителем этнонима *дубо* являлось одно из тюркоязычных уйгурских племен, которое в силу тех или иных причин было вынуждено уйти из Приселенгинских степей — древней родины уйгуров⁶³ — и переместиться в расположенные по соседству на западе (северо-западе) горно-таежные районы Восточных Саян. Утратив при этом некоторые черты степного быта, дубо должны были воспринять новые бытовые особенности, обусловленные иной природной средой. При этом создавалась благоприятная почва для заимствования у таежных соседей отдельных элементов их «лесной» культуры.

Вместе с тем как мог бы сохраниться традиционный быт степняков-скотоводов у народа, переселившегося в горную тайгу? Допуская возможность переселения, правильнее будет предположить, что хозяйство и быт должны были приспособиться к новым условиям жизни⁶⁴.

Необходимо отметить, что этноним *туба* проник также в самодийскую среду к северу от Саян⁶⁵, но то обстоятельство, что он применялся в качестве самоназвания лишь у тюркизированных южносамодийских групп и неизвестен у северных⁶⁶, подтверждает выдвинутое нами положение.

Сообщение Тан-шу о том, что дубо делились на три аймака, каждый из которых управлялся своим начальником⁶⁷, возможно, является указанием на разнородность племенного состава дубо. Нельзя не обратить внимания и на следующее. В главе 217-б Тан-шу сообщается, что Му-ма-ту-кюе, т. е. буквально «деревянно-лошадные тюрки» (здесь «деревянно-лошадные» значит — «лыжные»), делятся на три племени: тупо, ми-лие-ко и о-тши⁶⁸ (в транскрипции Н. Бичурина: дубо, милигэ и эчжы)⁶⁹, причем область расселения этих групп приблизительно совпадает с территорией расселения дубо, отмеченной в главе 217-а. Хирт делает попытку отождествить ми-лие-ко с племенем балиг, а о-тши — с племенем ач, которые упоминаются в древнетюркских рунических памятниках⁷⁰.

Письменные источники XIII—XIV вв., связанные с периодом монгольских завоеваний, дают весьма ценный материал для суждения об этнической истории тоджинцев. В летописи Рашид ад-Дина встречаются интересные сведения о племени лесных урянкатов (хойин-урянка), которые «не есть коренные монголы»⁷¹. Рашид ад-Дин локализует лесных урянкатов наряду с племенами кори, баргут и тумат к северу от Селенги, т. е. на территории Восточных Саян и ближайших к ним горных массивов. Этот лесной район, примыкающий к верховьям Енисея вблизи области кэм-кэмджиутов, Рашид ад-Дин часто упоминает в своем труде, называя его Баргуджин-Токум⁷². Территория Северо-

⁶³ Г. И. Рамsted, *Перевод надписи Селенгинского камня*, — «Труды Троицко-савско-кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», т. XV, вып. 1, СПб., 1914.

⁶⁴ В этом отношении весьма любопытны сведения, приводимые Абу-л-Гази в «Родословном древе тюрков» об ушедшем в лесные районы Иртыша «колене» уйгуров, которое «не разводило скота, а занималось рыболовством и охотой на выдр, соболей, куниц и белок, питалось их мясом и одевалось в их шкуры; они в жизни своей никогда не видели ни скота, ни льняных, ни бумажных тканей...» В. В. Радлов, *К вопросу об уйгурах*, — «Записки Имп. Акад. наук», т. 72, СПб., 1893, кн. 1, стр. 55.

⁶⁵ Г. Н. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна*, стр. 69, 70.

⁶⁶ Энци именуют нганасанов таубу (Г. Н. Прокофьев, *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна*, стр. 69), но здесь этноним выступает не в качестве самоназвания, так как сами себя нганасаны так не называют.

⁶⁷ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

⁶⁸ F. Hirt, *Nachwort zur Inschrift...*, S. 40.

⁶⁹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 354.

⁷⁰ F. Hirt, *Nachwort zur Inschrift...*, S. 40.

⁷¹ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 156.

⁷² Там же, стр. 74, 121, 124, 150 и сл.

Восточной Тувы, вероятно, входила в эту весьма широко понимаемую Рашид ад-Дином область.

В быте лесных урянкатов мы находим многие черты, характерные для тоджинцев-оленоводо-в. Имеются косвенные указания о существовании у них оленеводства и доения оленей.

Названия у лесных урянкатов для чума — *لاجوق* (аладжуг) и коры березы, которой покрывали чум, — *توز* (тоз, туз)⁷³, приведенные Рашид ад-Дином, аналогичны названиям, бытующим у современных тувинцев Тоджи, и говорят в пользу тюркоязычности лесных урянкатов (эти названия для чума и бересты известны, помимо тувинского, также в различных фонетических вариантах — в хакасском, алтайском, киргизском, башкирском и других тюркских языках)⁷⁴. Возникает вопрос, почему в древнейшем памятнике монгольской письменности — «Сокровенном сказании», написанном лишь немного ранее «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, при перечислении лесных племен, покоренных Джочи в 1207 г., ничего не говорится о лесных урянкатах, хотя упоминаются жившие с ними, как утверждает Рашид ад-Дин, на одной территории племена кори (хори), баргут (бархун) и тумат. Вместе с тем в «Сокровенном сказании» называются тубасы⁷⁵, которых мы не встречаем у Рашид ад-Дина. Вполне вероятно, что тубас «Сокровенного сказания» — это самоназвание группы племен, именуемых у Рашид ад-Дина лесными урянкатами⁷⁶, сформировавшихся из тюр-

⁷³ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, пер. Березина, — «Труды Вост. отд. Росийского Археологического общества», СПб., 1858, ч. 1, стр. 91. — У тоджинцев кора березы называется «тос». К названиям чума и бересты у лесных урянкатов, приведенным Рашид-ад-Дином, можно относиться с доверием. Известно, что Рашид-ад-Дин придавал важное значение языку как этническому признаку. Достаточно напомнить следующее место в сообщении о племени ойрат: «Несмотря на то, что их язык монгольский, он [все же] имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен, например такую: нож другие [монголы] называют китуга, а они [говорят] мудага» (Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. 1, 1952, стр. 118).

⁷⁴ Лесные урянкаты называли лыжи тюрко-монгольским словом чанэ (Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 123—124). Тоджинцы называют лыжи *хаак* или *шана* (ср. *чанэ*), но последнее название малоупотребительно. В прошлом *хаак* означало, вероятно, у тоджинцев лыжи — голицы. Ср. *хаакры* — голицы у некоторых групп эвенков; *хангха* — голицы у тофаларов; у шорцев, кумандинцев, телеутов, лебединцев голицы называются *кангай*, в отличие от подшитых лыж — *чана, шана*. В настоящее время у тоджинцев отдельного названия для голиц нет.

⁷⁵ Юан-Чо-би-ши, *Сокровенное сказание*, стр. 174.

⁷⁶ Вопрос об этнониме *урянкат* (*урянх*) и его отношении к современным тувинцам, которые долгое время были известны в литературе под названием *урянхов*, имеет несомненный интерес. Некоторые исследователи, в том числе Г. Н. Потанин («Очерки Северо-Западной Монголии», вып. IV, СПб., 1883, стр. 663), Г. Е. Грумм-Гржимайло («Западная Монголия...», т. II, стр. 578, прим. 2) и Ф. Кон («Экспедиция в Сойотию», стр. 3), отрицали этническое значение названия «урянх».

Исторические факты, однако, свидетельствуют о том, что *урянкат* (*урянх*) является древнейшим тюрко-монгольским этнонимом. В «Сокровенном сказании» урянхи упоминаются среди племен, существовавших еще до мифической прародительницы чингизидов Алангоа (Юан-Чо-би-ши, *Сокровенное сказание*, стр. 80). Среди сподвижников Чингис-хана «Сокровенное сказание» указывает на нескольких лиц «из племени урянхана» (там же, стр. 107). Согласно Рашид ад-Дину, один из видных чингисхановских предводителей — эмир Субэдей-Бахадур был из племени урянкат (Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 159). О том, что урянкат служило этническим именем, косвенно свидетельствует то, что сын Субэдей-Бахадур, известный предводитель войск Хубилай-хана, носил имя Урянкатын (там же). Примеры использования племенного этнонима в качестве собственного имени в татаро-монгольской среде достаточно известны. Так, сын монгольского правителя Ирана Аргуниака (XIII в.) из племени ойрат носил имя Ойратай (там же, стр. 121).

В своей летописи Рашид ад-Дин утверждает, что урянкаты известны под этим этнонимом с древнейших времен (стр. 75), и приводит различные о них сведения, в том числе характеризующие их кочевой быт и верования (шаманизм). Ряд слов урянхов, приведенных летописцем, существует и в современном тувинском языке; например, *харгас* — верхушка юрты (у тувинцев *харача* — верх юрты в виде обруча,

коязычных групп, а также самодийскоязычных и кетоязычных племен, находившихся в процессе тюркизации. Название племени туба в форме тубас в монгольском тексте «Сокровенного сказания» закономерно, так как оформлено во множественном числе при помощи древнемонгольского показателя множественности «с»⁷⁷.

Длительный контакт «степных» и «лесных» групп в Тодже и на ее границах приводил к заимствованиям в материальной культуре, что объясняет появление многих этнографических особенностей у тоджинцев. В этом отношении большой интерес представляет анализ материалов по оленеводству.

Вопросу происхождения оленеводства посвящена обширная литература⁷⁸. Новейшие исследования устанавливают, что население Саян

это название известно также монголам), *уг* — войлочный чулок (у тувинцев — *ук*), это слово тюркское, в монгольском языке его нет.

Весьма любопытен приводимый Рашид ад-Дином обычай урянкатов: «...Когда падает много молний, они поносят и небо, и тучи, и молнии и кричат на них». В этом отношении они отличаются от других монголов, которые «во время грозы... не выходят из кибиток и в страхе сидят [дома]» (там же, стр. 156).

Чрезвычайно интересно то, что о таком же обычае говорит китайская летопись Вэй-шу, которая относит его к уйгурам: «При каждом громовом ударе производят крик и стреляют в небо...» (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 215—216). Вполне вероятно, что этот обычай был распространен у уйгурских племен (напомним, что китайцы относили дубо к уйгурам) в отличие от их соседней монголов. В этой связи любопытно, что дархаты называют язык своих соседей — восточных тувинов — уйгурским (Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-Западной Монголии*, вып. IV, стр. 13).

Косвенное подтверждение этих сведений Рашид ад-Дина о монголах мы находим в предании одного из бурятских родов, где говорится, что члены этого рода по завету своих предков боятся грома и молнии и от них прячутся (Ю. Д. Талько-Гринцевич, *Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии*, вып. I, Л., 1926, стр. 7).

Как мы уже отмечали выше, наряду с урянкатами, относящимися, по всей вероятности, к степным племенам, у Рашид ад-Дина приводятся сведения о лесных урянкатах, причем наряду с ними к лесным племенам отнесены также урасут, теленгут и куштеми («Сборник летописей», стр. 123). Следовательно, не принадлежность урянкатов к лесным племенам, как считают некоторые авторы, определила их название. *Урянхай* не было общим названием для лесных народов.

Как известно, якуты в торжественных случаях называли себя урянгай-сахэ (В. Л. Серошевский, *Якуты*, т. I, СПб., 1896, стр. 203, 204). Этот факт может рассматриваться как отражение древних этнических связей якутов с племенами урянкат, а возможно, и общности происхождения южного компонента в этногенезе якутов и племени урянкат, подтверждающей тюркоязычность последнего.

Этноним *урянкат* до недавнего времени сохранился в качестве самоназвания отдельных, ныне монголоязычных, групп. Среди волжских калмыков был род урянхус (П. Небольсин, *Очерки быта калмыков хошоутского улуса*, — «Библиотека для чтения», СПб., 1852, стр. 18). Среди селенгинских бурят известно пять «костей» (*ясу*), носящие имя «урянхат» (Ю. Д. Талько-Гринцевич, *Материалы...*, стр. 60, 61). Среди «костей», зафиксированных на Ордосе в Монголии, Г. Н. Потанин называет также урянхит («Тангуты-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», т. I, стр. 403). Эти факты не противоречат тому, что по крайней мере в монгольское время существовала племенная группа урянкат, осколки которой могут находиться в составе различных народов. Аналогичное явление мы наблюдаем у ряда народов Средней Азии, среди которых встречаются группы, носящие имя в прошлом крупных народов Центральной Азии.

В последние столетия монголы называли всех тувинов урянхами. Буряты называли тофаларов (карагасов) «урянха» (Н. Ф. Катанов, *Поездка к карагасам в 1890 году*, — «Записки РГО по отделению этнографии», т. XVII, вып. II, СПб., 1891, стр. 170). В XIX в. имя «урянх» отмечено от Кореи на Востоке до калмыков на Западе (Г. Василевич, *Материалы языка, фольклора и этнографии к проблеме этногенеза тунгусов*, ч. II — *Материалы фольклора*, — Архив ИЭ АН СССР). В русских документах XIX — начала XX в. Тува носила название Урянхайской земли, Урянхайского края.

⁷⁷ См. С. А. Козин, *К вопросу о показателях множественности в монгольском языке*, — «Ученые записки ЛГУ», серия филологическая, вып. 10, Л., 1946, стр. 124. — С. А. Козин, анализируя монгольские тексты XIII в., приходит к выводу, что большинство родовых наименований в этих текстах засвидетельствовано во множественном числе всех типов (там же, стр. 123).

⁷⁸ Библиография и обзор литературы даны в статье А. Н. Максимова «Происхождение оленеводства» («Уч. зап. РАНИОН, Ин-т истории», т. VI, М., 1928, стр. 3—37), а также в статье Г. М. Василевич и М. Г. Левина «Типы оленеводства...»

было знакомо с оленеводством уже на рубеже нашей эры, а возможно и ранее.

На этом основании можно было бы предположить значительную древность оленеводства и у тувинцев.

Между тем некоторые собранные нами этнографические факты не подтверждают это.

Так, употребляемые тувинцами-оленеводами конские верховые седла и способ седлания мало пригодны для оленей и нередко служат причиной их гибели (об этом подробнее см. ниже, в разделе «Оленеводство»). Эти седла не свидетельствуют о древности верхового оленеводства.

Если признать большую древность тувинского оленеводства, то непонятно, почему в народном календаре оленеводов, основанном на годовом хозяйственном цикле, совершенно не нашло отражение оленеводство, хотя роль его в последние столетия в жизни тоджинцев была очень велика.

Вряд ли случайно в фольклоре тувинцев-тоджинцев отсутствуют мотивы оленеводства. Среди многочисленных сказок лишь в одной упоминается домашний олень (сказка о приручении оленя). Надо отметить, что бубен осмыслялся тоджинскими шаманами-оленеводами обычно как ездовая лошадь, в отличие, например от селькупов, у которых шаманский бубен считался оленем.

Самым ранним, не вызывающим сомнений свидетельством существования верхового оленеводства у тувинцев является сообщение русского посла Василия Тюменца к Алтын-хану, относящееся лишь к XVII в., в котором он писал про жителей Саянской земли: «А ездят на оленях и на конях...»⁷⁹.

Тан-шу рисует племена дубо, как таежных жителей-коневодов⁸⁰. Никаких упоминаний об оленеводстве у дубо в Тан-шу нет, хотя, как известно, многие факты из быта дубо, приведенные в Тан-шу, подтверждаются этнографическими материалами. Раскопанные нами в восточносаянской тайге (Тоджа) поминальные каменные курганы, по всей вероятности, относящиеся к древнетюркскому времени, содержат кости лошадей, но в них совершенно отсутствуют кости оленей.

Эти факты могут найти объяснение, если предположить, что тюркоязычные племена коневодов-дубо в послетанское время заимствовали у «лесных» соседей выючное оленеводство, на которое позднее (возможно, лишь в середине II тысячелетия) были перенесены навыки верхового коневодства.

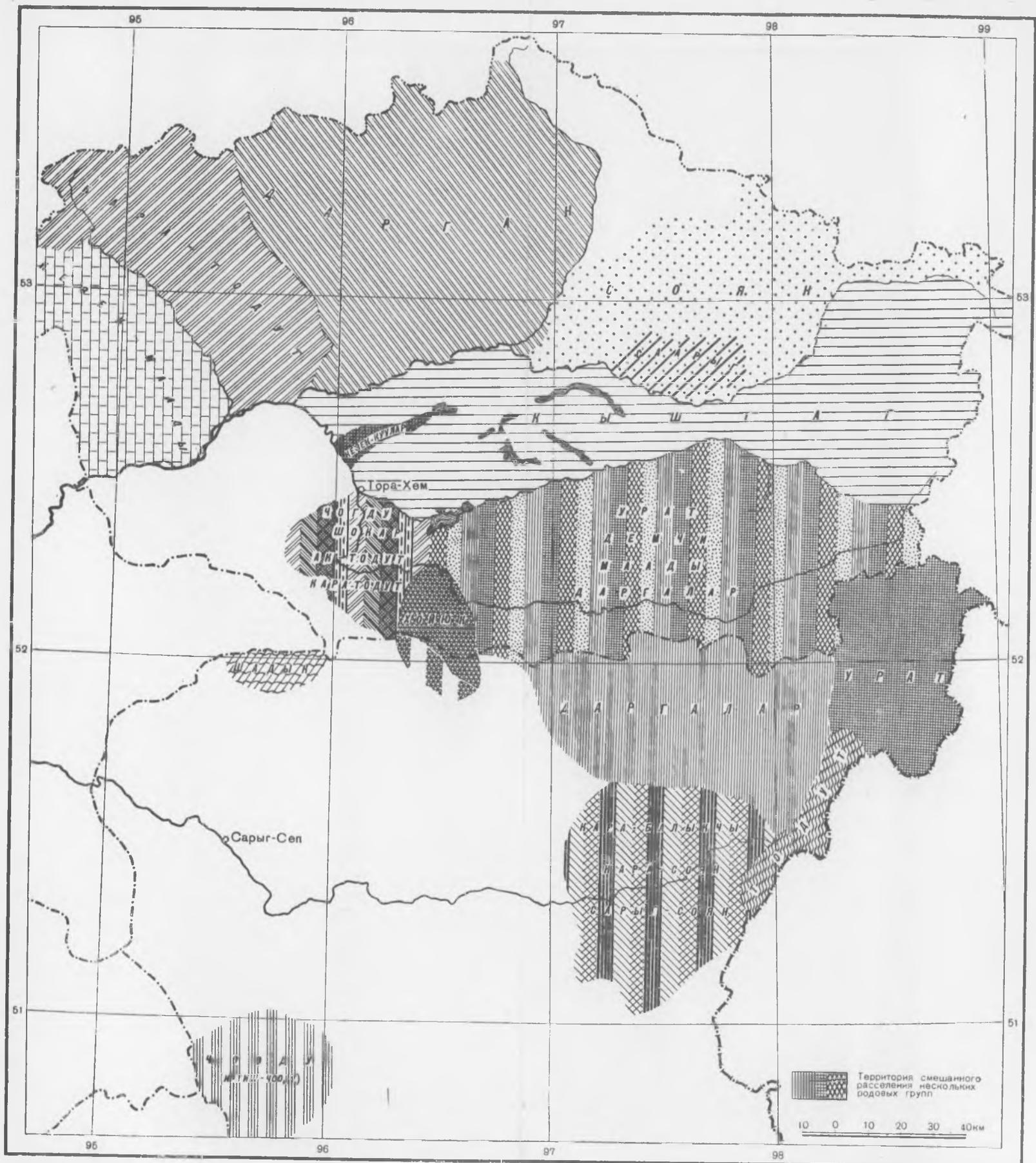
Вероятно, под влиянием тюркоязычных коневодов-скотоводов в Саянах распространились верховая езда на оленях с использованием конского седла (в том числе специального седла для детей), способ седлания, доение оленей (поныне неизвестное самодийским народам) и сложилась новая тюркская оленеводческая терминология. В этой связи любопытно, что ездовой кастрированный олень у тувинцев называется *куудай*, что означает «серый конь» (*дай* как название для коня сохранилось в тувинском фольклоре).

Можно предположить, что древним жителям Саян олени служили для перевозки грузов вьюком. Специального верхового седла для оленя не было. Даже в настоящее время некоторые народы, применяющие оленя под вьюк, не знают верховой езды (саамы, некоторые группы эвенков, сымских и живущих в верховьях Нижней и Подкаменной Тунгусок, а также в верховьях Лены)⁸¹.

⁷⁹ Ф. П. Покровский, *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 году*, стр. 272.

⁸⁰ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

⁸¹ Г. М. Василевич и М. Г. Левин, *Типы оленеводства...*, стр. 71.

Рашид ад-Дин, довольно подробно описав быт «лесных» племен Саян и прилегающих к ним территорий, отмечал, что «лесные урянкаты» во время перекочевков «грузили поклажу на горных быков (очевидно, оленей. — С. В.) и никогда не выходили из лесов»⁸², но ничего не сообщает о верховом оленеводстве.

Сравнительное изучение оленьих седел в этом отношении весьма показательно. Так, вьючное седло тувинцев и тофаларов такое же, как у селькупов, а верховое седло — как конские седла других тюрко-монгольских степных народов, детское оленье седло с перекрещивающимися дужками бытует как детское конское седло у казахов и киргизов. Виды этих верховых и детских седел не встречаются у самодийских народов.

Предположение о том, что найденные в Сырском чаатасе деревянные статуэтки оленей с изображенными на них уздами якобы свидетельствуют о существовании в Саянах уже в первых веках нашей эры верхового оленеводства⁸³, ничем не доказано. На этих статуэтках нет даже следов изображения верховых седел.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют считать, что саянский тип оленеводства сложился в результате заимствования оленеводства у «лесных» племен тюркоязычными племенами, проникшими в таежные районы, и перенесения на эту отрасль хозяйства навыков кочеводства. Новый тип оленеводства распространился также среди нетюркских групп Саян, подвергшихся сильнейшему влиянию культуры «степных» племен, проникших в тайгу, что ускорило процесс их ассимиляции. Заключительный этап тюркизации самодийскоязычного населения Саян протекал уже на глазах исследователей.

То, что некоторые скотоводческие группы тувинцев перешли к оленеводству, еще поныне живет в памяти народа и сохраняется в преданиях (например, в предании о тоджинском роде кара-тодур). Об этом свидетельствует и существование родо-племенных групп, одна часть которых до недавнего времени занималась скотоводством, а другая — оленеводством (соян, чогду).

Наряду с процессом проникновения в тайгу степных племен, по всей вероятности, происходило и продвижение в степь отдельных таежных племен, освоивших скотоводство. Этим можно объяснить, например, существование самодийских по происхождению родов чогду и чооду не только у оленеводов, но и у скотоводов. У тоджинских скотоводов известен род чогду, многочисленные скотоводы чооду широко расселены и в степях Тувы⁸⁴.

Вернемся к вопросу об этнической принадлежности племен носителей этнонима *туба*. На их основе сложилось несколько этнических групп Южной Сибири. Население бассейна р. Тубы, или Упсы, правого притока Енисея, в русских исторических источниках XVII—XVIII вв. фигурирует под названием тубинцев. Как показал Б. О. Долгих, в состав Тубинской земли входили тюркоязычные и кетоязычные группы⁸⁵. Вполне возможно, что уже во второй половине I ты-

⁸² Рашид-да-Дин, *Сборник летописей*, стр. 124. — Эти сведения подтверждаются приводимым В. Шоттом сообщением китайского источника «История династии Юань» (1271—1368) о вьючном оленеводстве у тувинцев (W. Schott, *Über die ächten Kirgisien*, — «Abhandlungen der königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», Berlin, 1865, S. 436—437).

⁸³ Л. Р. Кызласов, *Древнейшее свидетельство об оленеводстве*, — СЭ, 1951, № 1, стр. 44.

⁸⁴ Процесс продвижения лесных племен в степи Тувы мог протекать еще в скифское время. На это указывают находки в курганах скифского времени в степях Тувы низколицых монголоидных черепов («лесных», по В. Алексеву).

⁸⁵ Б. О. Долгих, *Племена Средней Сибири в XVII в.*, — КСИЭ, вып. VIII, стр. 47.

сячелетия н. э. в бассейне Тубы наряду с кетоязычным жило тюркоязычное население, оставившее там памятники орхоно-енисейской письменности⁸⁶.

Тюркоязычность тубинцев XVII в. подтверждается их близостью к енисейским кыргызам, с которыми они, по-видимому, были в родственных отношениях.

Характерно, что в русских документах иногда даже отождествляли тубинцев с енисейскими кыргызами: «...А по другую (правую. — С. В.) сторону Енисея, по Упсе (Тубе. — С. В.) реке, живут Киргизы же, имя им Тубинцы»⁸⁷. Г. Миллер, сообщая в 1735 г. о нескольких тубинцах, составлявших Тубинский улус, населявший долину Абакана, даже счел их за остатки кыргызов.

Самодийскоязычные и кетоязычные группы, населявшие Тубинскую землю до начала XVIII в., являлись в основном данниками (кыштымами) собственно тубинцев. Известно, что после того как джунгары увели енисейских кыргызов и основную массу тубинцев из Минусинской котловины, Иван Злобин, посланный туда для сбора ясака, вынужден был сообщить, что ему удалось найти, помимо «остальцев тубинцев семи человек», различных бывших данников кыргызов и тубинцев⁸⁸; эти кыштымы были главным образом самодийскоязычными и кетоязычными⁸⁹.

Тубаларами называли себя некоторые группы алтайцев. Родовая группа туба входила в состав качинцев⁹⁰. Этноним *туба* является самоназванием тофаларов⁹¹; *тыва (тыва-кижи)* — самоназвание тубинцев.

Как уже отмечалось, этноним *туба* применялся в XIII в. к лесным племенам-тубасам «Сокровенного сказания». Фонетический вариант этнонима *туба* входил также в название племени тумат, тумат (Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, I, стр. 77, 128 и сл.). Изменение самоназвания *туба, тува, тума* — вполне закономерно для уйгурской группы тюркских языков⁹², а окончание (*y*) *t* является признаком множественности в древнемонгольском языке⁹³.

Что касается степного населения Тувы, то в XIII в. у него еще не было общего самоназвания. У Рашид ад-Дина под собирательным именем кэм-кэмджиутов, вероятно, фигурируют племена степей Западной и Центральной Тувы, обитавшие по соседству с кыргызами⁹⁴. Название области Кэм-Кэмджиут, связанное с р. Кэм-Кэмджиут, неоднократно упоминается Рашид ад-Дином.

Рекой Кэм-Кэмджиут Рашид ад-Дин называет, очевидно, верхний Енисей. Об этом свидетельствует не только то, что в основе названия лежит Кэм, тождественное названию Енисея — Кэм в древнетюркское время⁹⁵ и позднее (ср. Улуг-Хем — в тувинском), но и географическая

⁸⁶ W. Radloff, *Alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Bd III, SPb., 1895, Ss. 342—343.

⁸⁷ «Акты исторические», т. V, 1676—1700, СПб., 1842, стр. 165.

⁸⁸ «Памятники Сибирской истории», кн. I, СПб., 1882, стр. 233—236.

⁸⁹ Л. П. Потапов, *Происхождение и этнический состав койбалов*, — СЭ, 1956, № 3, стр. 36, 37.

⁹⁰ Н. Катанов, *Письма из Сибири и восточного Туркестана*, СПб., 1893, стр. 22.

⁹¹ Н. Катанов, *Поездка к карагасам в 1890 году*, стр. 133.

⁹² Н. А. Баскаков, *Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования*, — «Труды Института языкознания АН СССР», т. I, 1952, стр. 48.

⁹³ С. А. Козин, *К вопросу...*, стр. 123, 124. — В китайских источниках упоминается племя ту-ма (E. Bretschneider, *Mediaeval researches from eastern asiatic sources*, vol. I, London, 1888, pp. 27, 28).

⁹⁴ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 150, 151.

⁹⁵ В Радлов, *Опыт словаря тюркских наречий*, т. II, СПб., 1899, столб. 1202. — В современном тувинском языке «хем» означает река, и, хотя в указанном значении это слово в других тюркских языках (за исключением тофаларского и хакасского) не употребляется, но, по-видимому, входит к древнейшей тюркской лексике. В. Кастрен

локализация р. Кэм-Кэмджиут. По Рашид ад-Дину, это «большая река, одною стороною она соприкасается с областью монголов [Могулистан] и одна [ее] граница — с рекой Селенгой... одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир»⁹⁶.

Проникновение этнонима *туба* в среду племен степной части Тувы было связано, вероятно, с переселением тюркоязычных тубинцев на территорию Тувы в XVIII в. Как мы отмечали выше, в начале XVIII в. тубинцев вместе с енисейскими кыргызами увели джунгарские зайсаны. Нет оснований отрицать возможность поселения в то время тубинцев в степной части Тувы, которая, очевидно, находилась тогда под властью джунгаров. Правитель джунгаров Цэвэн-рабтан вел ожесточенную борьбу с маньчжурами. Известны также притязания его на Западную Туву⁹⁷.

Оставшаяся за Саянским хребтом часть тюркоязычных тубинцев продолжала в последующее время переселяться в Туву, на земли, занятые родственными им народом.

Постепенно *туба* становится этническим именем всех тюркоязычных племен, населявших территорию, ограниченную на севере Саянским, а на юге — Танну-Ольским хребтами.

Утверждение самоназвания у тубинцев *тыва-кижи* было довольно длительным процессом, связанным с формированием тувинской народности.

Самоназвание тубинцев ранее XIX в. в письменных источниках не упоминается.

Если у восточных тубинцев этноним *туба* был известен еще во второй половине I тысячелетия, то в качестве самоназвания всего тувинского народа он выступает значительно позднее. Об этом, в частности, свидетельствует следующее. Предки тофаларов, находившиеся с XVII в. в составе России⁹⁸, в XVIII в. были отделены от родственных им племен Восточной Тувы, попавших под власть циньского Китая. Это привело к образованию отдельной народности тофаларов. Тем не менее они называют себя *туба*. Что касается родственных тувинцам племен «алтайских урянхайцев», населявших сопредельные с Западной Тувой районы монгольского Алтая, то, будучи переселены в первой половине XVIII в. в юго-восточную часть монгольского Алтая, они были оторваны от формирующейся тувинской народности, и им этноним *туба* в качестве самоназвания неизвестен. Монголы называют их мончак-урянхайцами, однако сами себя они называют по принадлежности к родовым группам: кара-соенг, ак-соенг и мончоог (мончак)⁹⁹.

Аналогичное явление можно отметить и в отношении родственных тувинцам теленгитов, основная масса которых, населявшая сопредельные с Тувой районы Алтая, была в XVII в. отделена государственной границей. Однако тувинцы еще в конце XIX в., как это отметил Е. Яков-

делает предположение о том, что «кем» — финское название, так как по-фински «кеми» означает река (А. М. Castren, *Ethnologische Vorlesungen...*, S. 97, 98. — Вряд ли это положение Кастрена может быть принято.

⁹⁶ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 150.

⁹⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, — II, стр. 666.

⁹⁸ Предки тофаларов в XVII в. входили в пять улусов Удинской земли Красноярского уезда. В настоящее время тофалары населяют Нижнеудинский район Иркутской области, граничащий с Тоджинским районом. Язык и многие черты культуры тофаларов и тоджинцев очень близки.

⁹⁹ Об этих родовых группах имеются сведения в письме алтайского урянхайца, школьного учителя Тайбаноола из Баин-Ульгейского аймака МНР, присланном им в Кызыл в 1956 г. Алтайские урянхайцы говорят на тюркском языке, близком к тувинскому, но имеющем вместе с тем ряд отличительных особенностей (см. также А. П. Позднеев, *Монголия и монголы*, I, СПб., 1896, стр. 363). По сообщению Позднеева, алтайские урянхайцы называют себя «саин».

лев, сохраняли память о своем родстве с алтайскими урянхайцами и теленгитами¹⁰⁰.

Сложные политические события в конце XVII и начале XVIII в., связанные с борьбой против маньчжурских завоевателей, должны были ускорить процесс объединения племен Верхнего Енисея в тувинскую народность.

Административное деление, установленное китайцами в Туве, основанное главным образом не на родовом, а на территориальном принципе, в условиях феодальных отношений также способствовало стиранию племенных различий. Действительно, никто из исследователей конца XIX — начала XX в. не отмечает у тувинских родо-племенных групп отдельных диалектов, являющихся, как известно, одним из основных признаков племени¹⁰¹. Диалектные особенности наблюдались, за редкими исключениями, только у территориальных групп тувинцев, входивших в крупные административные единицы. Постепенно исчезала родовая экзогамия, которая сохранялась в конце XIX в. лишь в Восточной Туве. Со второй половины XIX в. ученые, изучавшие тувинцев, уже отмечают их общее самоназвание *туба (тыва)*¹⁰². Тувинцы центральных и западных районов начинают забывать свою родо-племенную принадлежность, нередко путая ее с названиями сумонов, что отмечалось исследователями Тувы в конце XIX и начале XX в.

В XIX в. в основном завершается процесс образования тувинской народности¹⁰³.

В условиях Советской Тувы окончательно стираются диалектные различия в языке отдельных территориальных групп тувинцев, развиваются экономические и культурные связи между всеми районами области, быстро растет общетувинская культура, завершается процесс национальной консолидации.

¹⁰⁰ Е. К. Яковлев, *Этнографический обзор...*, стр. 88.

¹⁰¹ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1950, стр. 29, 30.

¹⁰² В. Радлов, *Этнографический обзор...*, стр. 14; М. Ядринцев, *Об алтайских и черневых татарах*, — ИРГО, XVII, вып. 4. 1881; W. Radloff, *Aus Sibirien...*, S. 207.

¹⁰³ См. С. И. Вайнштейн, *Очерк этногенеза тувинцев*, стр. 178—214.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО, РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ

К началу XX в. соседская община сменила родовую, кочевые поселения — аалы — включали представителей различных родовых групп¹; тем не менее большинство тоджинцев, в особенности охотников-оленоводов, продолжали жить на старых родовых территориях. Наряду с административным сохраняло значение старое родо-племенное деление. Поэтому в известном смысле можно говорить о территориях расселения отдельных родов тоджинцев на рубеже XIX и XX вв.

В административном отношении Тоджинский хошун делился на четыре сумона: Ак-Чооду, Кара-Чооду, Кол и Хойюк, которые состояли из отдельных арбанов, включавших различное число хозяйств. По данным Беннигсена, в сумон Кара-Чооду входило около 300 юрт, Ак-Чооду и Кол — примерно по 100 юрт и в сумон Хойюк — около 50 юрт².

Сумон Ак-Чооду (Ак) включал в основном семьи из родов (оленоводов) дарган, кыштаг, соян, саарыг.

Территория кочевков большинства семей рода дарган (в переводе означает «кузнец») охватывала правые притоки р. Хам-Сыры: Казас, Кудыргалыг, Чазлыг, Уузю, Кадырос, Кызыл-Дыш, левобережье Чаваш и правобережье Кжи-Хем.

В одном из преданий рассказывается о том, что в прошлом дарганы жили южнее тех мест, которые они заселяли в начале XX в. До того как здесь поселились дарганы, земли между реками Чаваш и Кжи-Хем принадлежали роду хаазыт. Как-то хаазыты убили мальчика-даргана. Дарганы потребовали столь большую плату за мальчика, что хаазыты не смогли ее собрать. Тогда дарганы изгнали хаазытов. В настоящее время осталось всего несколько семей хаазытов, которые живут по Систиг-Хему³. Дарганы составляли отдельный арбан, насчитывавший 25—30 хозяйств⁴. Название рода дарган, по-видимому, может быть сопоставлено с названием дархатов. Большинство членов рода кыштаг (что значит «зимовье») населяли бассейн верхнего течения Хам-Сыры по рекам Соруг-Хем, Изиг-Суг, в районе озер Ноян-Холь, Дерлиг-Холь, Кадыш-Холь, Эр-Кара-Холь, Борзу-Холь, восточный берег оз. Тоджа, а также оз. Чойган-Холь и Кара-Холь на территории современной МНР. В начале XX в. в арбан Кыштаг входило примерно 30—40 семей.

В предании говорится, что когда-то была страшная война, в которой племя чооду было разбито. Несколько человек из этого племени укрылись на острове оз. Чойган-Холь. Оленей у них не было, и они жили там не только летом, но и зимой. От них происходит род кыштаг.

¹ См. главу 4.

² А. П. Беннигсен, *Русское дело в Урянхайском крае*, стр. 36—37. — Сведения, приводимые Беннигсеном о числе хозяйств в сумонах, расходятся с данными, собранными нами на основе опроса стариков. Данные Беннигсена в отношении сумонов Кара-Чооду и Хойюк, по всей вероятности, несколько преувеличены, а в отношении сумона Кол — преуменьшены. В 1931 г. (по данным переписи) коренное население Тоджинского района насчитывало 2115 человек (568 хозяйств). В Тоджинском районе в 1931 г. было 350 хозяйств оленеводов, в Каа-Хемском — 36 хозяйств.

³ Хаазыты населяют также район оз. Косогол (МНР).

⁴ Сведения о численности родовых групп получены нами в результате опроса лиц старшего поколения, принадлежавших к тем родовым группам, состав которых мы пытались установить.

Кочевники рода (оленеводов) соян охватывали местность от правобережья верхнего течения Хам-Сыры на юге до р. Торгуос-Хем на севере. На востоке сояны кочевали до р. Кижиг-Хем, а на западе — до верховьев р. Додут.

На территории сумона Ак-Чооду сояны составляли отдельный арбан. До революции в арбане Соян было около 40 хозяйств.

С этнонимом *соян* несомненно связано и название Тоджи в русских документах как Саянской земли. Сояны населяли не только Тоджу, но и жили также на территории Оюнарского хошуна (по левобережью р. Тесь, по рекам Казын, Можалык и оз. Кучей) и современной МНР.

По-видимому, по племенному имени соян всех тувинцев в дореволюционное время русские и монголы именовали сойотами⁵. Происхождение этого названия от «соян» доказывается тем, что до сих пор монголоязычные тувинцы южных и юго-восточных районов Тувы называют людей из рода соян словом «сойт», что весьма близко по звучанию к «сойот».

Между реками Бедый и Хам-Сыра, в районе озер Малый и Большой Саарыг, в конце XIX в. обитало несколько семей оленеводов, которые вели свое происхождение из рода саарыг и входили в арбан Соян сумона Ак-Чооду. В начале XX в. часть их семей вымерла, а остальные смешались с соянами⁶.

В сумон Кара-Чооду, или Бараан (темный), в начале XX в. входило несколько родовых групп: чооду, демчи, даргалар, маады, урат, объединенные в три арбана.

Семьи, которые вели свое происхождение из рода чооду (иртиш-чооду), населяли местности Харгы, Буландык, Орбажик, Оруктуг-Ой, Ак-Ой, Ак-Хая, Эзир-Уя, Кокерик, Иртиш на территории Юго-Восточной Тувы. Основным занятием членов этого рода было оленеводство и охота.

От тяжелых условий жизни и болезней многие из рода чооду вымерли. В начале XX в. в нем осталось всего 11 семей. Тоджинцы называли их иртиш-чооду, по названию р. Иртиш, где жило большинство чооду. Иртиш-чооду образовывали отдельный арбан Иртиш, входивший в сумон Кара-Чооду. Эта группа жила замкнуто и мало общалась с другими оленеводами.

Мы записали любопытный рассказ старушки Бараан Алданай из рода демчи об иртиш-чооду: «Однажды, когда я была еще маленькой, к нам в стойбище на р. Серлиг пришли три человека в лохмотьях; их небольшое имущество везли два исхудавших больных оленя. Они сказали, что являются людьми чооду из арбана Иртиш. Они не были похожи на наших людей: были темными, загорелыми, в их разговоре были слова, непонятные нам. Что с ними случилось, я не знаю. Они просили, чтобы мы дали им оленей, какую-нибудь одежду, порох, свинец, пищу. Я помню, им дали несколько больных оленей. Они обещали в следующем году прийти вновь и возвратить оленей, но больше никогда здесь не появлялись. Охотники говорили, что эти люди не дошли до своего стойбища и погибли в пути. Их кости, обглоданные волками, нашли в тайге».

«Чооду» в прошлом было, вероятно, племенным названием. Чооду-скотоводы широко расселены на территории Тувы, в конце XIX в. они жили в Оюнарском хошуне, в хошуне Да-Вана по р. Тапсы, на Танну-Ола и к югу от него. 100—150 лет назад чооду-оленеводы занимали значительно большую территорию, чем в конце XIX в. Так, старики

⁵ Некоторые исследователи приводят легенду о том, что название «сойот» происходит от имени князька Сойота (Н. Ф. Катанов, *Опыт исследования Урянхайского языка*, Казань, 1903, стр. 399).

⁶ В статье Е. Д. Прокофьевой «Работа тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции» (КСИЭ, XX, 1954, стр. 14) в составе группы ак-чооду ошибочно указаны роды: саат, ханты, койбал, шешкиг, темчи.

вспоминают предание о том, что группа семей чооду жила по р. Узуую, впадающей в Хам-Сыру, но потом часть из них ушла на р. Тапсы, а часть смешалась с заселившимися эти места дарганами; другая группа семей чооду жила между верховьями Каа-Хема и Бий-Хема, но почти вся вымерла.

Скотоводы-тоджинцы называли всех оленеводов *чооду*, хотя сами себя (за исключением одного рода чооду) оленеводы так не называли⁷. Согласно административному делению, введенному маньчжурской администрацией, оленеводческое население, кочевавшее к северу от р. Азас, было включено в сумон Ак-Чооду, а оленеводы, населявшие тайгу к югу от р. Азас, — в сумон Кара-Чооду.

Предание о том, что в прошлом в Тодже существовала группа кара-чооду, подтверждают русские ясачные книги XVII в., в которых имеются сведения об «улусе» карчитаев. Нетрудно видеть в нем измененное название кара-чооду.

Род демчи жил по рекам Хюнжюс, Агой, Хадын, Азас, правым притокам Бий-Хема от Булун-Ажи-Хема до Серлиг-Хема и по правым притокам р. Серлиг-Хем. На востоке этот род кочевал до р. Кара-Балык. В начале XX в. род включал более 50 семей, входивших в арбан Хюндюлюг.

Большинство членов рода даргалар жило по р. Серлиг-Хем. В начале XX в. род насчитывал около 30 семей. По преданию, он происходил от богатыря Ала Дарга, воевавшего с Хорламай-ханом в XVIII в.

Род маады был представлен в сумоне Кара-Чооду шестью-восемью семьями оленеводов, кочевавшими между реками Баш-Хем и Мандаш-Хем, а также в долине р. Биче-Баш. Род жил смешанно с другими родовыми группами, входил в различные арбаны. Основная масса маады занималась скотоводством и жила за пределами Тоджи на территории нынешнего Бий-Хемского района.

Члены рода урат в основном занимались оленеводством. Они населяли бассейн рек Белим, Малый и Большой Белдиг, Тоймас и др. В начале XX в. более 30 семей рода урат входили в арбан Белим сумона Кара-Чооду.

Сумон Кол (в переводе «основной»), по данным П. Е. Островских, состоял из шести арбанов — Кол, Кара-Тод, Соен, Шагда (Чагда), Хаазот, Хемде — и по численности был самым большим (1000 человек). Однако, по данным А. Беннигсена, в сумоне было всего 100 юрт (500 человек)⁸. Ф. Кон приводит название родов, входивших в сумон Кол: «ак-тоду, кара-тоду, соен, кыргыз, хамачи, маты, тархат, шакар»⁹.

Судя по материалам, собранным нами во время полевых исследований, в сумон Кол входили следующие родовые группы: ак-тодут, кара-тодут (куу-тодут), кара-балыкчы, кара-соян, кезек-куулар, кезек-маады, сарыг-соян, тодут, хаазыт, чогду, шадык, шокар.

Род ак-тодут населял местности Толбул и Эн-Суг; несколько семей жило в урочище Чадын-Шол в Тора-Хемской степи. Ак-тодуты занимались скотоводством, жили смешанно с кара-тодутами (куу-тодутами) и входили в арбан Кол сумона того же названия.

В хозяйственном отношении род кара-тодут делился на две группы — оленеводов и скотоводов. Последние населяли степные участки в долинах р. Бий-Хем и ее притоков: Улуг-О, Толбул, Талым, несколько семей жило в Ийской степи.

⁷ Скотоводы называли оленеводов также *ивилиг улус* (оленные люди, люди, имеющие оленей), оленеводы называли скотоводов *хемде улус*, т. е. люди, живущие у реки.

⁸ А. П. Беннигсен, *Русское дело...*, стр. 36.

⁹ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 144.

Группа кара-тодудов, занимавшаяся скотоводством, насчитывала около 30 семей и входила в арбан Кол. Их обычно называли в отличие от оленеводов куу-тодудами, что, по объяснению наших информаторов, «смягчало» название, так как кара-тодуд означает черный тодуд, а куу-тодуд — серый тодуд.

Кара-тодуды, занимавшиеся оленеводством, делились на две группы. Одна из них, насчитывавшая более 15 семей, обитала между реками Систиг-Хем и Чазлыг-Хем и образовывала арбан Кара-Тодут, входивший в сумон Кол (в начале XX в., после ликвидации арбана Хаазыт, часть семей кара-тодудов, кочевавшая совместно с родом маады по р. Чаваш, вошла в арбан Чаваш). Другая группа оленеводов кара-тодуд жила по рекам О-Хем, Харал, Ак-Хем, смешанно с оленеводами рода хойюк, образуя арбан Кара-Тодут сумона Хойюк.

Старики из рода кара-тодуд рассказывали, что в прошлом все кара-тодуды занимались скотоводством и только впоследствии часть их, поселившаяся в тайге, занялась оленеводством под влиянием соседей-олeneводоов. Это подтверждается сообщением Крыжина, посетившего Тоджу в середине XIX в., который отнес род кара-тодуд, как и ак-тодуд, к числу скотоводов¹⁰.

В ясачных книгах XVII в. упоминаются улусы Татоков и Караетов, которые могут быть связаны с названием тоджинских родов тодуд и кара-тодуд в русских документах XVII в. О Татоковом улусе сказано там, что он находился «вниз по Канцаре реке»¹¹, т. е. вниз по Хам-Сыре.

Оленеводческий род кара-балыкчы¹² кочевал в местности Оргу и Тожумаа (на территории нынешнего Каа-Хемского района). В начале XX в. род насчитывал около 20 семей. Входил он в арбан Соян сумона Кол. После революции часть семей из местности Тожумаа перекочевала на р. О-Хем.

Оленеводческий род кара-соян обитал по левобережью верховьев р. Кызыл-Хем и по р. Илэгтыг и входил в арбан Соян. В начале XX в. кара-сояны насчитывали около 70 семей. Они брали жен в основном из рода сарыг-соянов, а те в свою очередь женились на девушках из рода кара-соян. Эти роды сознавали свое племенное родство («аймак улус» — народ одного племени). Племенного родства с соянами, жившими в верховьях Хам-Сыры, эти сояны не признавали. В говоре сарыг-соянов и кара-соянов сохранились отличия от говора соседних родовых групп.

Оленеводческий род сарыг-соян жил по соседству с кара-балыкчы по рекам Хыяй, Хамдыш, Кара-Хем, Сарыг-Чезы. В начале XX в. он насчитывал около 40 семей. Иногда в соседних родовых группах сарыг-соянов называли ак-соянами. Этот род входил в арбан Соян.

Род кезек-куулар населял долины рек Ий и Тора-Хем, занимался скотоводством. В начале XX в. он насчитывал около 10 семей.

О роде кезек-куулар сохранилась интересная поговорка: «Кошпеш барбас кезек-куулар, дашпас барбас Ий-Хемни» (Кезек-куулар, никогда не кочующие, как Ий, никогда не разливающийся). По преданию, через р. Ий, в долине которой жили кезек-куулары, однажды проходили войска Чингис-хана. В это время р. Ий сильно разлилась и в реке утонул любимый жеребец Чингис-хана. Возмущенный этим, Чингисхан приказал, чтобы р. Ий никогда не разливалась, а кезек-куулар, жившие на ее берегах, никуда не кочевали. На следующий день, за-

¹⁰ См. Л. Шварц, *Подробный отчет...*, стр. 91.

¹¹ Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав...*, стр. 260; ЦГАДА, ф. 214, кн. 479, л. 840.

¹² Местность, прилегающую к оз. Тере-Холь (Каа-Хемский район), населяет род балыкчы (в переводе «рыбак»). Основное занятие членов рода — рыболовство, в меньшей степени — скотоводство.

канчивает предание, буря засыпала войлочные юрты кезек-кууларов песком до верхней части решеток. Они больше не кочуют, а Ий никогда не разливается и никогда не высыхает.

Большинство кезек-кууларов вымерло в XIX в. В начале XX в. оставалось всего несколько семей. Они входили в арбан Кол сумона этого же названия.

Родовое имя куулар известно также в других районах Тувы, где куулары населяли урочище Шеми, а также долины рек Чадан, Чергарик, Суг-Бажи, Барлык и др.

Род кезек-маады населял главным образом притоки р. Бий-Хем от р. Сейбы на западе до р. Систиг-Хем на востоке; эта родовая группа составляла отдельный арбан Шагда. Основным занятием рода было оленеводство. Отдельные семьи кезек-маады занимались скотоводством в долине Систиг-Хема. Существует предание о том, что кезек-маады раньше жили в верховьях р. Хам-Сыры, но потом большинство их откочевало на р. Систиг-Хем.

Оленеводческий род тодут состоял в начале XX в. из 10—15 семей, населявших верховья р. Бусин-Гол и входивших в арбан Соян. Впоследствии они перекочевали на территорию МНР.

Оленеводческий род хаазыт зимой жил в долине р. Чаваш, вблизи ее впадения в р. Хам-Сыру; летом откочевывал в ее верховья. В начале XX в. этот род насчитывал около 20 семей и составлял отдельный арбан Хаазыт, или Чаваш (по названию реки, где он кочевал).

Род чожду населял местность Майыктыг по левобережью р. Тора-Хем. Основным занятием рода было скотоводство. Большинство семей рода вымерло в XIX в.

Род шадык обитал в долине рек Терсиг и Бурен-Хем и входил в арбан Хемде сумона Кол. Основным занятием было скотоводство. В конце XIX в. оставалось всего несколько семей, происходивших из этого рода. В русских ясачных книгах XVII в. упоминается род шад-жигает¹³.

Род шокар (в переводе — «пестрый», что, по-видимому, отражало его смешанное происхождение) населял местность Чадын Шол (Тора-Хемская степь) и входил в арбан Кол. Основным занятием рода было скотоводство.

В сумоне Кол жило также несколько человек из родов кыргыз и дархат. Это были чиновники и ламы, приехавшие в Тоджу из других районов. В летние месяцы в Тоджу, в высокогорную тайгу на территорию арбанов Шангда и Чаваш, входивших в сумон Кол, иногда перекочевывала из-за пределов Тувы группа, которую тувинцы называли хамачи. Отдельные ее хозяйства оставались здесь и на зимний период. Возможно, что это был один из родов камасинцев. По-видимому, Ф. Кон, называя роды кыргыз, дархат и хамачи¹⁴, имел в виду указанные выше группы.

Сумон Хойюк включал два арбана. В один арбан в конце XIX в. входили 10—15 семей оленеводов рода кара-тодут, другой арбан образовывали 15—20 семей рода хойюк.

Оленеводы сумона Хойюк кочевали по рекам О-Хем, Улуг-О, Ойна, Харал и в верховьях Тапсы.

Б. О. Долгих связывал род хойюк с «коетским улусом», упоминаемым в русских ясачных книгах XVII в. среди других тоджинских родов¹⁵. В конце XIX в. П. Е. Островских писал, что, по свидетельству русских торговцев, «хуюк вымерли от голода и оспы»¹⁶.

¹³ Б. О. Долгих, *Племена Средней Сибири в XVII в.*, стр. 46.

¹⁴ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 144.

¹⁵ Б. О. Долгих, *Родовой и племенной состав...*, стр. 257.

¹⁶ П. Е. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 427.

ГЛАВА 3

ХОЗЯЙСТВО

ОХОТА. РЫБОЛОВСТВО. СОБИРАТЕЛЬСТВО

По формам хозяйственной деятельности, как уже было отмечено, тоджинцы делились на охотников-оленоводов и скотоводов. Охота имела первостепенное значение в хозяйстве тоджинцев-оленоводов. Весьма важную роль играла она и для скотоводов, в особенности бедняцких семейств, для большинства которых служила основным источником существования.

В рассматриваемое время пушной промысел имел исключительно товарное направление, охота на копытных велась главным образом в потребительских целях.

«Охота на зверя... главное занятие мужской части населения Тоджинского хошуна, и к этому промыслу они приучаются с юных лет», — отмечал в начале XX в. Г. Е. Грумм-Гржимайло¹.

Охотой занимались лишь мужчины. Религиозный запрет исключал для женщин не только возможность участвовать в охотничьем промысле, но даже прикасаться к оружию².

Обучение охотничьему искусству начинали еще в детстве, а подростки в 10—12 лет вместе со взрослыми участвовали в промысле — весьма типичный для сибирских народов обычай, объясняющийся в конечном счете теми тяжелыми условиями, в которых эти народы боролись за свое существование.

Главным объектом промысла были белка (*дишн*, *сырбык*), соболь (*киш*, *алды*), выдра (*кундус*), бобр (*кара кундус*)³, лисица (*дилги*), россомаха (*чекпе*).

Охотились также и на крупных копытных — лося (*тош*), косулю (*элик*), марала (*сын*) и др. В случае удачи охотники обеспечивали свои семьи не только мясом, но и шкурами, которые шли на изготовление одежды, обуви, домашней утвари, покрышек для чума.

Охота на белку начиналась осенью, в конце сентября, в октябре. На промысел выезжали группами в два-четыре человека на оленях или лошадях, взяв с собой собак.

В поисках белки в основном полагались на собаку. Услышав ее лай, охотник подъезжал к дереву, среди ветвей которого скрывался зверек, и слезал с оленя. Увидев белку, стрелял, стараясь попасть в голову, чтобы не испортить шкурку.

К вечеру охотники собирались у костра, пили крепкий соленый чай, ели поджаренное на палочках беличье мясо, кормили собак и, поспав тут же на земле несколько часов, с рассветом следующего дня вновь разъезжались по тайге.

В середине октября с выпадением первого снега оленоводы начинали промысел соболя, ради которого небольшими группами уез-

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 49.

² Аналогичное явление отмечено также у алтайцев и ряда других народов. См. Д. К. Зеленин, *Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии*, — сб. МАЭ, VIII, 1929, стр. 27—31.

³ К началу XX в. выдры и бобры были почти полностью истреблены.

Рис. 11. Охотник-олeneвод на промысле

жали в далекую горную тайгу, где отстреливали попутно также белку. Лишь охотники-скотоводы продолжали промысел белки в ближайшей к аалу тайге.

Охотник (олeneвод), обнаружив след соболя, пускал за нему собаку, а сам двигался за нею верхом на олene. Преследование зверя нередко затягивалось на много часов. Спасаясь от собаки, соболь обычно забирался на дерево или прятался в расщелине скалы. Охотник выжидал момент, когда соболь выглянет из своего укрытия, чтобы поразить его выстрелом в голову. Если животное долго не показывалось, он разводил костер и выкуривал зверька из его убежища. В погоне за соболем охотники часто удалялись на большое расстояние от стойбища. Вернувшись через 10—15 дней в аал, они пополняли припасы и вновь уезжали в тайгу.

По рассказам старых охотников-олeneводоv, их деды охотились на соболя только на родовых территориях. На рубеже XIX и XX вв. этот обычай уже не соблюдался.

В конце ноября (в отдельные годы — в декабре), когда снеговой покров становился глубоким и собака уже не могла долго идти по следу, промысел соболя прекращался и начиналась пешая, на лыжах⁴, охота на белку вблизи стойбища. Обычно после того как на ближайших угодьях ее выбивали, аал целиком перекочевывал в новое место. Некоторые охотники добывали соболя и белку при помощи самострелов, которые устанавливали в тайге.

В отличие от пушного промысла индивидуальная охота на крупных копытных не прекращалась в течение всего года. Охота на косуль велась в лесистых окрестностях стойбищ. Для охоты на лосей, маралов и диких олeneй отправлялись из аала за десятки километров.

Преследуя копытных по следу, охотник-лыжник нередко использовал крутой спуск, чтобы развить большую скорость и настичь жи-

⁴ Применяли лыжи двух типов: подшитые мехом и не подшитые (голицы). Голицами охотники пользовались только для передвижения по насту.

вотное. Такой способ охоты (*сүрүп өлүрөр*) таежные жители Тоджи применяли издавна. Еще Рашид ад-Дин писал о лесных урянках: «Они так гоняются на лыжах по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают [их]»⁵.

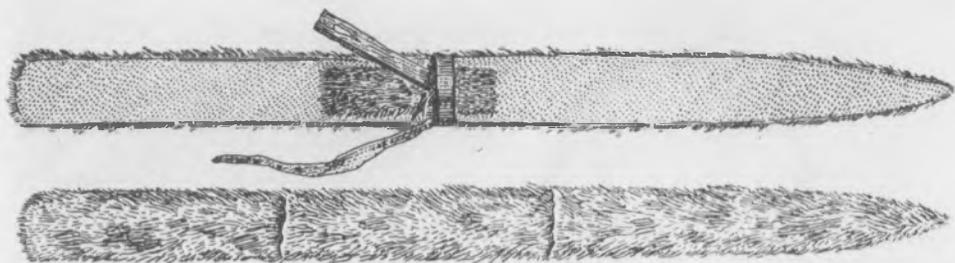

Рис. 12. Лыжи

Обычно каждый охотник делал лыжи (рис. 12) сам. Их изготовляли летом из березы или ели без сучков. Вырубленную и отделанную основу нагревали у костра и мочили в воде, после чего сгибали при помощи тяжа из веток. Между тяжем и основой вставляли деревянный брусок (иногда два-три бруска), служивший распоркой. Согнутую основу сушили у дымового отверстия в продолжение пяти-шести дней. По краю основы выжигали раскаленным стержнем через каждые 10—12 см круглые отверстия. Лыжи обтягивали камусами⁶ (*быш-как*). Для покрытия одной лыжи требовались три лосиных или конских камуса, которые сшивали в длинную полосу и аккуратно выкраивали по форме лыжи, оставив лишь небольшой запас. Камусы шерстью наружу затягивали на лыже сухожильными нитями и пришивали к основе, используя имевшиеся в ней отверстия; иногда камус прикрепляли деревянными гвоздями. Накладку для ног (*изен*) делали из продолговатого куска камуса шерстью наружу (длина 37—40 см), который также пришивали к основе. Крепления состояли из широкой полоски кожи (ширина 4,8—5,2 см), концы которой пришивали к основе лыж, и двух кожаных ремешков (*хаак баа*), завязываемых на ноге («крепление с двумя петлями», по классификации В. В. Антроповой)⁷. Длина лыж 1,4—1,8 м, ширина — 12—15 см. Длина лыж должна была несколько превышать рост охотника.

Во время охоты на лыжах обычно пользовались одним посохом (*даяк*) — палкой, верхний конец которой представлял собой деревянную лопатку или был увенчан металлическим крюком. Нередко на лыжах ходили и без посоха.

Весной, покидая зимние стоянки, лыжи вешали на деревья, (рис. 13), где они хранились до зимы.

С древних времен сохранился у тоджинцев способ охоты при помощи деревянной дудки (*мургу*)⁸, имитирующей крик самца-марала. В сентябре, когда у маралов начинался гон, охотник, спрятавшись в лесной чаще, издавал на *мургу* призывные звуки (охотник не дул в *мургу*, а втягивал воздух в себя). Заслышав их, марал выходил, чтобы принять бой с самцом-соперником, и падал, сраженный пулей,

⁵ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 124.

⁶ Камус — шкура с ноги оленя, лося, лошади и некоторых других копытных животных.

⁷ В. В. Антропова, *Лыжи народов Сибири*, — сб. МАЭ, XIV, 1953, стр. 8.

⁸ В других районах носит название *амырга*.

Рис. 13. Хранение лыж на дереве

посланной из засады. Длина *мургу* составляла 60—70 см. Изготавливали ее так: куску кедрового дерева придавали конусообразную форму, разрезали пополам и выдалбливали каждую половину изнутри. Обе половинки скрепляли клеем и обматывали берестой. Суженную часть *мургу* вставляли в роговой наконечник с отверстием⁹.

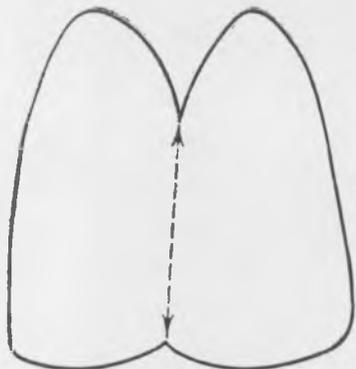

Рис. 14. Форма *эдиски*

В весенние месяцы и осенью при охоте на косулю и кабаргу издавна применялся особый звукоподражательный инструмент *эдиски* (рис. 14), представлявший собой сложенный вдвое кусочек бересты размером приблизительно 4,5 × 5 см¹⁰. Охотник, находясь в кустарнике, вблизи открытой полянки, взяв в рот *эдиски*, издавал при помощи ее определенные звуки: высокий — напоминал крик козленка и привлекал косулю-самку, низкий, похожий на крик самки кабарги и ее детеныша, заманивал самца.

В конце XIX — начале XX в. коллективная охота, восходящая к периоду первобытнообщинных отношений, сохраняла еще важное значение. Она велась на копытных, медведей, волков, лисиц и зайцев.

Еще в конце XVIII в. в облавных охотах в Тодже участвовали десятки людей. Е. Пестерев были свидетелем облавной охоты тоджинцев, в которой приняло участие около ста человек, вооруженных луками. В результате охоты было добыто более тридцати маралов и козлов¹¹.

В XIX и начале XX в. облавы *аглаар*, включавшие несколько десятков вооруженных охотников, проводились главным образом на волков и реже на копытных. Наибольшее распространение имела облавная охота *туралаар*¹². В облаве обычно участвовало от четырех до десяти охотников.

Группа, например, численностью в семь человек состояла из двух загонщиков (*агжылар*) и пятерых стрелков (*туражылар*). *Туражылар* поднимались на перевал и, вытягиваясь в цепочку, устраивали засады. Тем временем загонщики, ударяя палками по стволам деревьев, оглашая лес громкими криками, двигались пешком или на лошадях в сторону засады. Испуганные животные бежали сквозь заросли к перевалу, где их ждали стрелки.

В конце XIX в. тоджинцам была известна архаичная облавная охота с засекой (*дес*). Засеку делали на перевалах в тех местах, где проходили тропы лосей, маралов, косуль, кабарги. Засеки представляли собой загородки из наваленных друг на друга деревьев, достигавшие 1,2—1,5 м высоты. В загородках устраивали свободные проходы шириной до 3 м, в которых устанавливали самострелы. Длина засеки превышала иногда 10 км.

Участники облавы (четыре-шесть человек, а иногда и больше) шли цепью в сторону засеки на значительном расстоянии друг от друга. Каждый загонщик старался громко кричать и производить шум. В ре-

⁹ К. М. Патачаков описывает у хакасов сходную по назначению дудку *пыргы* (К. М. Патачаков, *Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом. XVIII—XIX*, Абакан, 1958, стр. 26).

¹⁰ Известен также хакасам под названием *сымысха*.

¹¹ См. «Примечания...», ч. LXXX, стр. 44.

¹² В других районах Тувы носит название *сегит кедээр*.

зультате такой облавы иногда целые стада животных становились добычей охотников.

Устройство громоздких засек стоило очень большого труда и вело к хищническому истреблению животных. Засеки стояли многие годы. Перед охотой их обновляли¹³.

До начала XX в. у тоджинцев бытовала еще одна форма коллективной охоты на копытных, носившая название *кедээр*. Охотники осенью и в начале зимы замечали по следам путь стада животных из горной тайги в долину, а весной в теплые дни, когда животные той же тропой возвращались в горы, они перерезали им путь, устраивая засаду.

В конце марта многие мужчины объединялись в группы для участия в коллективной охоте *ыдалаар* на лыжах по насту.

В отличие от оленеводов для ведения *ыдалаар* охотники-скотоводы уезжали в тайгу на длительный срок — 10—15 дней.

В состав группы входили загонщики и стрелки (*туснаар*). Рано утром, пока сохранялся наст, стрелки прятались в низине, а загонщики, взяв с собой двух-трех лучших собак, обученных преследовать зверя по насту, поднимались на лыжах в горы. По следам зверей пускали собак. Животные, спасаясь от преследования, устремлялись в долину, но там наталкивались на засаду. Объектом охоты *ыдалаар* были копытные и пушные звери, в том числе соболь.

Широкое распространение имела летняя коллективная охота (*со-руг манаар*)¹⁴ на копытных, в особенности на марала, вблизи солончаков (*кучур*). Недалеко от солончака выкапывали яму или делали укрытия из валежника. Сюда прятались два, иногда три охотника. Ждали всю ночь. Когда, наконец, животные приближались к солончаку, чтобы полизать соль, охотники одновременно стреляли в них.

Животные приходили лизать соль также к берегам соленых озер. Вечером охотники взбирались на деревья, растущие на берегу озер, и ожидали появления животных.

Добыча, полученная в результате коллективной охоты на копытных, делилась поровну между всеми ее участниками.

Охота *дужуруп аңнаар* при помощи ловчих ям (*тамы*), широко распространенная у тоджинцев в прошлом, уже в XIX в. почти не применялась. По рассказам стариков, оленевод Уш-белдир из рода кыштаг, умерший в начале XX в., был последним охотником, применявшим ловчие ямы. Он делал ловчие ямы на берегу р. Тонмак, через которую животные часто переходили. На расстоянии 1—1,5 м от берега Уш-белдир и несколько его сородичей выкапывали яму. Ее длина доходила до 6—8 м, глубина до 2,5—3 м, а ширина до 2 м. На дне ямы забивали много остроконечных колышков, высотой до 1 м каждый, и прикрывали ее тонкими ветками и слоем мха. Такие же ямы подготавливали в разных местах по соседству. В эти ловушки попадались лоси, маралы, косули и даже медведи.

Охота на медведя поздней осенью и зимой велась коллективно. Охотник, заметивший во время промысла берлогу, сообщал об этом жителям аала. Обычно собиралось четыре-шесть человек. Если дело происходило осенью, охотники сразу же выходили из стойбища: «Медлеть нельзя, — объясняли они, — медведь осенью еще спит некрепко, может почувствовать запах находившегося поблизости человека и уйти».

Неподалеку от берлоги срубали несколько молодых деревьев и делали из них толстые кольца (до 4 м длиной и 25—30 см толщиной).

¹³ Установка самострелов в проходах засек была широко распространена в прошлом у многих народов Сибири.

¹⁴ В других районах Тувы называется *хайыр манаар*.

Двое охотников пятью-шестью кольями, воткнутыми в берлогу крест-накрест, закрывали выход из нее. Остальные стояли наготове с ружьями. Затем охотники, громко крича, начинали дразнить медведя тонким шестом. Определив место, где находится его голова и туловище, они стреляли в берлогу, стремясь попасть в голову зверя. Тушу убитого медведя охотники делили между собой, после чего совершали особый обряд (см. ниже, о «медвежьем празднике» в главе «Религиозные верования»).

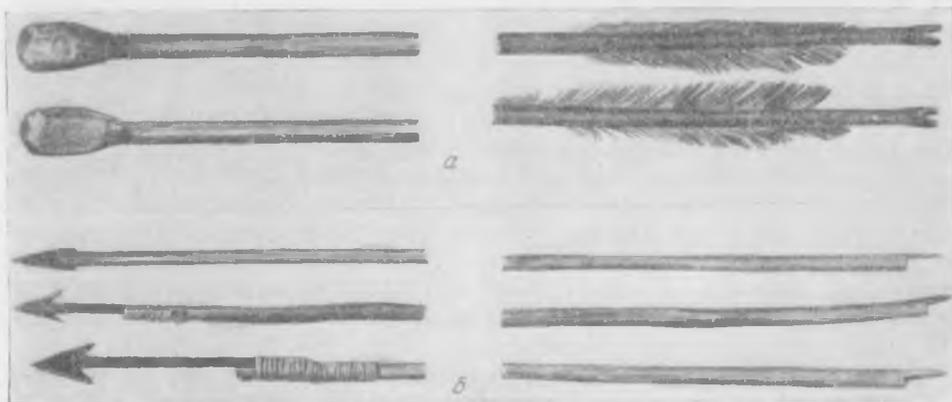

Рис. 15. Стрелы: а—для охоты на белку из лука (с тупыми роговыми наконечниками); б— для самострела

Летняя охота на медведя велась, как правило, индивидуально, с собаками.

С древних пор жители Тоджи охотились на водоплавающую и боровую дичь, но в конце XIX — начале XX в. охота на дичь была мало распространена, хотя водоемы и леса Тоджи изобиловали промысловой птицей. Это объясняется тем, что охота на птиц отнимала сравнительно много времени и давала меньше мяса, чем охота на копытных. Охота на глухаря (*кара-куш*), тетерева (*курту*), рябчика (*үшпүл*)¹⁵ и др. носила в основном случайный характер, более или менее постоянно ею занимались только подростки, а иногда даже дети 8—10 лет. Лишь на глухарей во время токования охотились специально. Если в мае случайно обнаруживали в тайге тетеревиные тропки, ставили на них волосяные петли (*дузак*).

В первой половине XIX в. на промысле наряду с кремневыми ружьями еще применяли лук (*ча*), но к началу XX в. он совершенно вышел из употребления. Были известны луки двух типов — простые и сложные. На мелких животных и дичь охотились при помощи простых луков, сделанных из стволов ели или лиственницы. Длина лука доходила до 1,5 м. Для его изготовления срубали дерево, снимали кору, раскалывали ствол вдоль и отбирали для луковища часть, которую обрабатывали ножом. Толщина луковища не превышала 4 см, лишь в его средней части оставляли утолщение (до 6 см). Для большей упругости к луковищу приклеивали жилу, а через некоторое время его сгибали и связывали тетивой (*кириш*), которую делали из скрученной кожи лошади, лося или марала. Предпочитали кожу лошади, так как она лучше сохраняла упругость во время мороза.

На крупных животных охотились обычно при помощи сложных луков, склеенных из трех слоев: рога (из рогов марала, отпавших в мар-

¹⁵ В других районах Тувы рябчик называется *кушкүл*.

те), дерева и сухожилий. Длина лука достигала 2 м. Тетиву делали из кожи, скрученной с жилой марала. Сложный лук умели делать немногие, и он ценился сравнительно высоко (до 40 белок).

Древки (ун) стрел (согун) изготавливали из ыргай (вид кустарника) или березы. Их длина достигала 1 м, но были и меньшего размера. На нижнем конце стрелы делали вырез (кес) и, отступая от него на несколько сантиметров, наклеивали (иногда наискось по отношению к оси стрелы) чуг — перья орла или сокола.

Наконечники (ок) стрел были разными (рис. 15). В охоте на мелких пушных зверьков (белку и др.) использовали роговые, костяные и деревянные наконечники; передняя часть костяных и роговых была обычно тупой, у деревянных — слегка заостренной. Для изготовления наконечников использовали рог лося, марала, оленя.

В охоте на белку часто употребляли так называемые свистящие стрелы (хоош согун, или сырыглык ок, сыры). Они состояли из древка, в передней части которого под железным наконечником был установлен молдурук — роговая свистунка овальной или круглой формы со сквозными отверстиями (рис. 16), проделанными в ней перпендикулярно к оси стрелы. В овальной свистунке делали обычно два отверстия, в круглой — три или четыре¹⁶. Ее размер не превышал 5 см в длину и 2—3 см в ширину. Нередко свистящую стрелу применяли без железного наконечника.

Если встречали белку, спрятавшуюся между веток, пускали свистящую стрелу выше дерева. Испугавшись свиста, белка опускалась ниже или перепрыгивала на другое дерево. Тогда, пустив в нее новую стрелу, убивали ее.

Стрелы со свистункой применяли также в охоте на лося или марала. При этом старались, чтобы она пролетела впереди бегущего животного. Испуганный свистом зверь останавливался, и в этот момент его настигала вторая стрела.

Как известно, древнейшие стрелы-свистунки применялись еще гуннами¹⁷. Позднее они были широко распространены у древних тюрков. Китайская летопись свидетельствует, что древние тюрки «из оружия имеют роговые луки с свистящими стрелами...»¹⁸. Среди находок в древнетюркских могилах Тувы¹⁹ и Алтая²⁰ (VI—IX вв.) часты трехперые железные наконечники с надетыми на черешок костяными шариками с отверстиями в них. В XVIII в. П. С. Паллас наблюдал охоту со

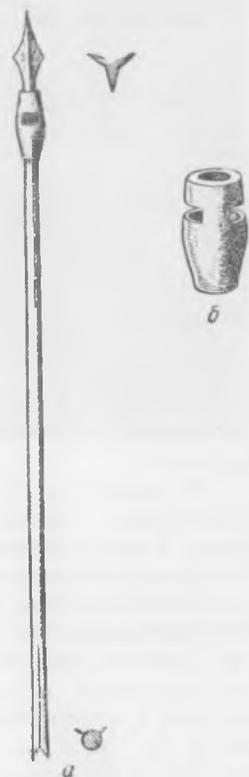

Рис. 16: а — свистящая стрела; б — роговая свистунка

¹⁶ Тупые роговые не свистящие наконечники на стрелах также иногда называли молдурук. Для изготовления свистунки твердую часть рога опускали на несколько часов в кипящую воду. Когда рог становился мягким, его обрабатывали ножом.

¹⁷ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 46. — Свистящие стрелы гуннского времени были найдены в Туве, в частности, во время проводившихся нами (в составе Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографик АН СССР) раскопок курганов могильника Кёк-Эль (Сют-Хольский район).

¹⁸ Там же, стр. 229.

¹⁹ См. С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, *Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы*, — УЗ ТНИИЯЛИ, VIII, 1960, стр. 192—203.

²⁰ С. В. Киселев, *Древняя история Южной Сибири*, М., 1951, стр. 251, 252.

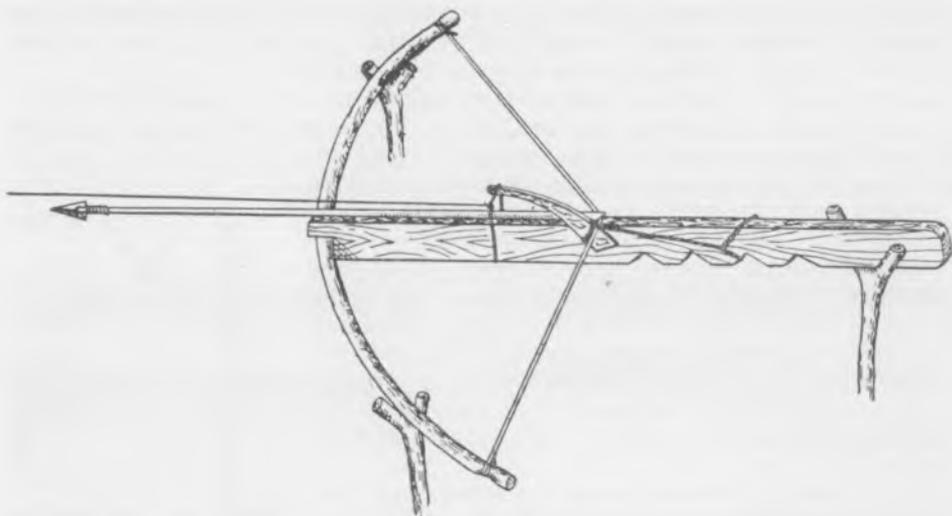

Рис. 17. Самострел

свистящими стрелами у монголов²¹, в XIX в. Р. Маак описал ее у якутов²².

В охоте на крупных животных применяли стрелы с железными трехперыми черешковыми наконечниками (*демир ок*) длиной 12—16 см. Стрелы хранили в кожаном колчане (*саадак*), который носили на ремне, перекинутом через плечо.

Единственным, но широко применявшимся самоловным орудием был самострел *ая*²³. При помощи самострела охотились на лося, марала, оленя, косулю, лису, волка, медведя, соболя, бобра, белку и других животных. Многие охотники, в особенности старики (для них самострел служил основным орудием охоты, так как выследивать в тайге зверя им было не под силу), имели по несколько десятков самострелов. П. Островских сообщает об одном тоджинском охотнике, который имел 180 самострелов²⁴.

В начале XX в. охота с самострелами была запрещена²⁵, и они начинают выходить из употребления, но еще в 1931 г. у тоджинцев было зарегистрировано 1210 самострелов²⁶.

Самострел состоял (рис. 17) из ложа (*кырык*), изготовленного из лиственницы. В передней части ложа укреплялось луковище (*ая*). В верхней части ложа был сделан паз (*ковул*) для стрелы (*уну*). Тетиву, свитую из кожаного ремня, устанавливали на деревянном курке (*эргектээш*) при помощи волосяной петли-взво-

Рис. 18. Деревянный предмет для установки самострела на определенной высоте

²¹ П. С. Паллас, *Путешествие...*, стр. 280.

²² Р. Маак. *Виллюйский округ Якутской области*, ч. III, СПб., 1887, стр. 163.

²³ Петли *дузак* применялись лишь для ловли птиц и мелких животных.

²⁴ П. Островских, *Оленные тувинцы*, стр. 85.

²⁵ Самострел нередко был причиной несчастных случаев. Охотники, не зная точно, где установлены чужие самострелы, случайно задевали их и получали смертельные ранения. В настоящее время самострелы не применяются.

²⁶ ТСПД, стр. 60, 61.

Рис. 19. Настораживание самострела

да (*мунгаштааш*). К петле была привязана длинная волосяная нить (*сээңү* в западных районах — *сээн*)²⁷, перегораживавшая путь зверю; задев ее, он спускал стрелу. Высота установки самострела намечалась с таким расчетом, чтобы пущенная из него стрела смертельно ранила животное. Поэтому высоту самострела охотники определяли в

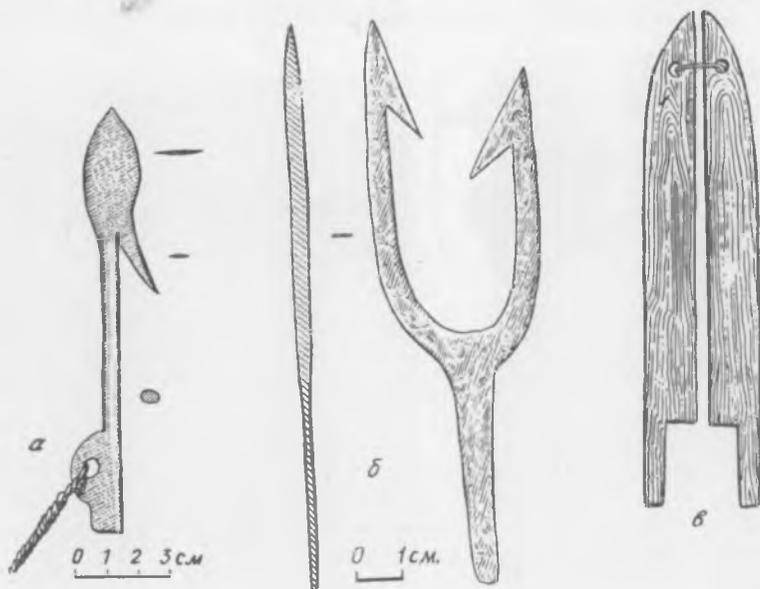

Рис. 20. Наконечники стрел самострела для охоты: а — на соболя; б — на рысь и росомуху; в — приспособление для натягивания шкурки соболя

²⁷ Нить вили из конского волоса.

Рис. 21. Охотник заряжает кремневое ружье

зависимости от вида животных, на которых велся промысел. С этой целью охотник обычно имел предмет (рис. 18) с соответствующими замерами (*чаң*). Самострел устанавливали на трех деревянных палочках с развилками в верхней части (*ая адагажы*).

В охоте на соболя, выдру и бобра применяли наконечники стрел с боковым шипом. При охоте на бобра и выдру к наконечнику привязывали длинную волосяную веревку.

Для охоты на росомых пользовались наконечником с развилкой, каждый зуб которой имел внутренний шип (рис. 20). При охоте на зайца и белку иногда применяли деревянные и костяные, но чаще железные (плоские ромбовидные) наконечники, последние применяли также в охоте на копытных. Стрела употреблялась без оперения.

Основным видом оружия у тувинцев, как и у бурят и монголов, в конце XIX — начале XX в. было архаичное кремневое ружье (*чактыр боо*)²⁸. Оно состояло из ствола (*боо уну*), ложа (*хын*), приклада (*ужа*) и двух сошек (*бут*).

Воспламеняющее устройство ружья было простым: нажав на взведенный спусковой крючок (*мажы*), охотник приводил в действие затвор (*тонак*). Вставленный в него кремьень (*оттук дажы*) ударял о железную

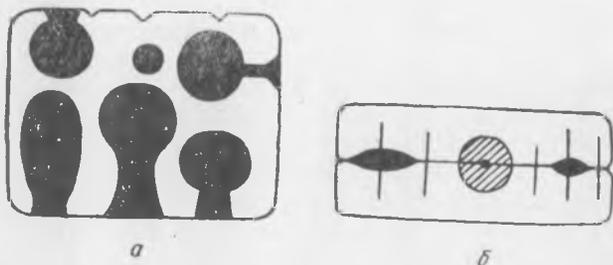

Рис. 22. Каменная форма для отливки пуль: а — нижняя половина формы; б — вид сбоку (обе половины формы соединены)

наковаленку (*оттук*), вызывая искру, которая воспламеняла порох в железной коробочке (*халбага*), установленной у бокового отверстия в задней части ствола, а затем следовало загорание пороха в стволе. Ружье заряжалось через дуло (рис. 21).

²⁸ Огнестрельное оружие появилось у тувинцев не ранее конца XVII в. В русских документах середины XVII в. отмечается, что на Хемчике на посольство Степана Бобарыкина напали соянцы, которые стреляли из луков («Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, стр. 270). Ружье, очевидно, проникло в Туву из Монголии, так как *боо* (ружье) — слово монгольского происхождения.

Рис. 23. Стрельба с колена из ружья с сошками

Пули (ок) отливали в специальных каменных (хеп, или ок хеви), реже металлических формах. Формы изготовляли из чонар-даш (камень — агальматолита, месторождения которого имеются в Тодже)²⁹.

Для охоты на крупных животных применялись круглые (борбак ок) и продолговатые пули, заостренные в передней части (бөк). Для охоты на белку и дичь использовали дробь (тараа ок).

Рис. 24. Стрельба стоя из ружья с сошками

Рис. 25. Ношение ружья с сошками

²⁹ Подробнее об отливке пуль см. в нашей статье «Народные способы металлического литья у тувинцев», — «Советская этнография», 1956, № 4, стр. 149.

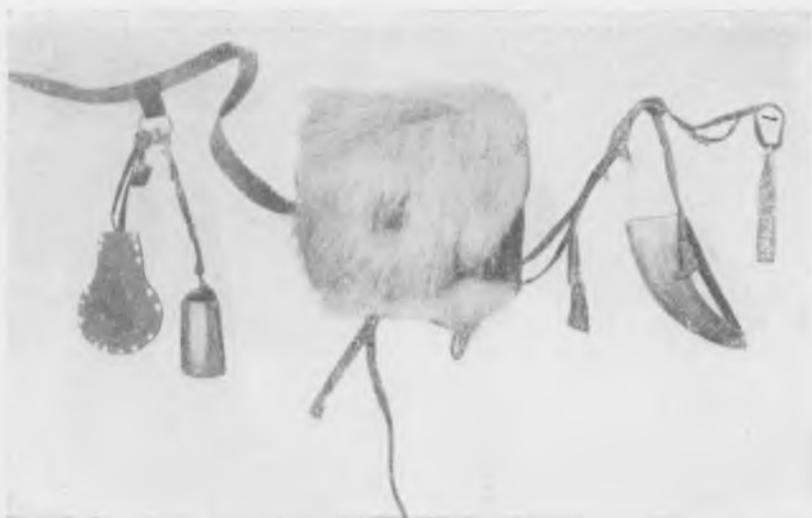

Рис. 26. Пояс с охотничьими принадлежностями

Свинец для отливки пуль и порох покупали преимущественно у русских купцов. Фунт пороха стоил 25 белок, слиток свинца — 20 белок. Кремневые ружья покупали у бурятских купцов за 200—250 белок³⁰.

В начале XX в. только несколько тоджинских охотников имели патронные ружья. Даже кремневое ружье было доступно далеко не всем охотникам. Нам говорили, что в этот период иногда на трех-четыре охотников приходилось одно пригодное для промысла ружье.

Охотничьи принадлежности (*саадак*)³¹ — пороховницу, мерку для пороха, мешочек для пуль и др. — носили на ремennom поясе (рис. 26). Длительные дожди, метели и снегопады нередко срывали охотничий промысел. В такое время бедняцкие семьи были обречены на голод.

Рыболовство у оленеводов имело меньшее значение, чем охота³². Среди скотоводов долины Бий-Хема рыболовством занимались только бедняки.

Рыбу (хариуса, тайменя, щуку, окуня, ленка) ловили главным образом весной и осенью, а при неудачах на охотничьем промысле — и зимой (в полыньях).

Основным орудием лова служила волосяная сеть (*четки*), сплетенная из волос конского хвоста. Длина сетей достигала 20 м, ширина — 2 м; ширина ячеек — 4—5 см. Поплавки из дерева или бересты привязывали к пропущенной через всю сеть по верхнему краю волосяной веревке. Грузила из гальки прикрепляли к нижнему краю сети лыком. Сети оленеводы покупали у скотоводов долины Бий-Хема, лишь некоторые семьи оленеводов изготавливали их сами.

Помимо сетей, рыбаки применяли острогу (*серээ*) и багор (*тыртна*). Острога имела форму трезубца, иногда двузубца. Багор делали с одним или двумя крюками. Острогу и багор насаживали на длинные шесты, достигавшие нередко 2,5 м. Наконечники для острог и багров оленеводы доставали в обмен на другие предметы у скотоводов, либо покупали их у бурятских купцов.

³⁰ П. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 428.

³¹ *Саадак* означает также колчан; этот любопытный факт можно объяснить тем, что для охотника, начавшего пользоваться на промысле ружьем, пояс с новыми охотничьими принадлежностями заменил колчан.

³² По переписи 1931 г. рыболовством занимались 137 хозяйств тоджинцев, — ТСДП, стр. 30, 31.

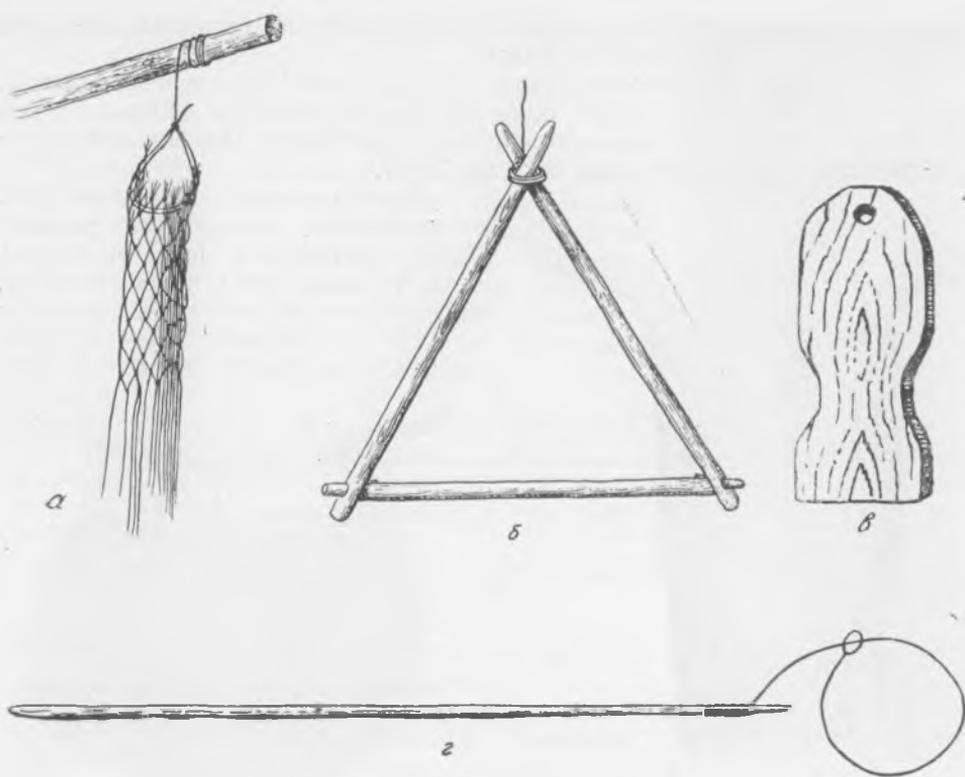

Рис. 27: а — сеть в процессе плетения; б — приспособление для плетения сетей; в — поплавок для сети; г — палочка с волосяной петлей для ловли рыбы

Изредка рыбу ловили удочкой, состоявшей из лески (*шылбаа*) — тальникового лыка до 10 м длиной. К ней был привязан деревянный, сделанный из еловых, кедровых или березовых сучков, либо роговой крючок (*хетне*)³³. В начале XX в. получили распространение железные крючки.

Иногда для рыбной ловли употребляли морды³⁴ (*бара* — у оленеводов, *суген* — у скотоводов), которые изготовляли из тальниковых прутьев.

Оленеводы, как и скотоводы долины Бий-Хема, практиковали следующие способы рыбной ловли.

Тыртпалаар — лов рыбы с багром. Опустив багор в воду, рыбацк шел вдоль берега небольшой мелкой речки и быстрым резким движением поддевал рыбу.

Серээлээр — лов рыбы с острогой. Применялся главным образом для ловли крупных рыб. Лов велся днем с берега реки. Ночной лов острогой был заимствован у русских в конце XIX в.

Тикпелээр — лов рыбы сетью в стоячей воде. Сеть устанавливали вечером, а утром ее снимали.

Чедер. Рыбак держал конец сети на берегу, его товарищ, удерживая другой ее конец и стоя на плоту, плыл по течению. Постепенно

³³ В западных и центральных районах Тувы крючок носит название *кармак*, а удочка — *сырткыш*.

³⁴ Морда, или верша, — рыболовная снасть в форме цилиндра, сделанная из прутьев.

плот, на котором иногда находилось два человека, подходил к берегу, и рыбаки извлекали сеть из воды.

Одуганнаар или *чырыткылаар* — ночной лов рыбы в мелководных местах. Два человека, держа один конец сети, шли по воде, а третий с противоположным ее концом двигался по берегу. Пройдя некоторое расстояние, они вытаскивали сеть на берег.

Өксээр — индивидуальный лов в маленьких, неглубоких речках. Рыбак заходил в реку и тащил сеть по воде, один конец которой, привязанный к палке, был воткнут в землю на берегу. Для лова употреблялась сеть длиной до 10 м.

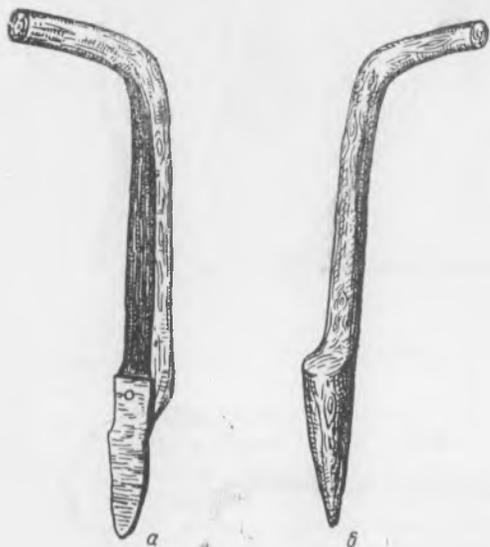

Рис. 28: а — корнекопалка с железным накопчиком; б — деревянная корнекопалка

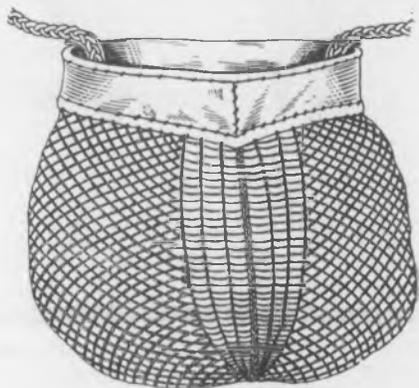

Рис. 29. Сумка для сараны

Сүгеннээр. На маленьких речках весной и осенью во время путины устраивали заторы. Речку перегораживали камнями, стволами деревьев, оставляя для воды небольшой проход, в который вставляли морду — весной против течения, а осенью по течению.

Женщины не могли участвовать в рыбной ловле, так как считалось, что они оскверняют орудия лова своим прикосновением.

А. Ермолаев сообщал (в 1915 г.), что тоджинцы ловили рыбу главным образом по Систиг-Хему, Хам-Сыре и ее притокам, а также по Бий-Хему и в озерах Торак-Холь, Тоджа и др. В начале XX в. рыбу не только употребляли в пищу, но и продавали купцам. Русские купцы скупали у тоджинцев в течение года около 1500 пудов рыбы (хариус, сиг, щука) ³⁵.

Тоджинцы не знали лодок — они были заимствованы от русских в конце XIX в. Единственным средством передвижения по воде был плот (*сал*), состоявший из бревен, связанных ветвями ивы или березы.

Древнейшим видом хозяйственной деятельности населения Восточных Саян являлось *собирачество*. В Тан-шу отмечено, что у дубо «много сараны: собирали ее коренья...» ³⁶.

О собирании сараны у тоджинцев в XVIII в. сообщает Пестерев ³⁷. Луковицы сараны (*Lilium marthagon*) (*ай*) тоджинцы выкапывали в осенние месяцы до появления снега. Извлекали луковицы специальной корнекопалкой (*озук*), представлявшей собой кусок дерева длиной до 1 м, шириной до 20 см, с ручкой и заостренным концом, на котором

³⁵ Госархив ТАО, Р — 1123, оп. 2, ед. хр. 1131, л. 32.

³⁶ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

³⁷ Е. Пестерев, *Примечания...*, LXXX, стр. 55.

обычно укрепляли железный наконечник (рис. 28). В каждой семье было несколько *озуков*. В бедных семьях нередко *озуки* употребляли без железного наконечника.

Выкопанные луковицы сараны отрезали от стебля специальным железным или бронзовым ножом (*дүвектээ*)³⁸ (рис. 30), который женщины носили у пояса или привязывали к сумке, куда складывали сарану. Этим ножом резали также мясо; применяли его и для других целей. Клубни сараны, очищенные от земли, складывали в сумку (*кымзар*) (рис. 29), которую привязывали за спиной к поясу.

Сарану собирали в основном женщины, им обычно помогали мужчины и дети. После каждого сбора сарану сушили на специальном устройстве (*аткыс*). Зимний запас сушеной сараны доходил до 100 кг.

Для бедняков-оленоводов сарана была очень важным продуктом питания. Но запасти ее в нужном количестве бедняки не могли, так как у них не хватало оленей для перевозки сараны во время перекочевков.

Помимо сараны, собирали и употребляли в пищу корни некоторых других растений: *бес*³⁹ (*Erythronium dens canis*), *мыйрак* (*Polygonum viviparum*), *шеңге* (*Raeonia apomala*).

Осенью, в августе — сентябре, отдельные семьи скотоводов заготавливали кедровые орехи (*кузук*)⁴⁰, в сборе которых участвовали не только женщины, но и мужчины. Шишки сбивали, ударяя о ствол кедра деревянной колотушкой (*эктин*), насаженной на шест длиной до 5 м.

Рис. 30. Нож для обрезания луковиц сараны

ОЛЕНЕВОДСТВО

Тувинцы разводят оленей так называемой карагасской породы, принадлежащей к виду северных оленей (*Rangifer tarandus sibiricus*). Карагасский олень более одомашнен, чем все другие породы северных оленей⁴¹, и очень неприхотлив в пище.

Тувинское оленеводство относится к саянскому типу⁴² и совершенно аналогично оленеводству, распространенному у тофаларов. Особенности саянского типа, как мы уже отмечали, сложились, вероятно, в результате перехода к оленеводству проникших в таежные районы Саян степных коневодов-скотоводов⁴³. Роль оленеводства в жизни та-

³⁸ Ножи такого типа приобретали у бурятских купцов. Отдельные кузнецы-толжинцы делали их сами. Рукоятка и клинок ножа составляют единое целое и в некотором отношении напоминают ножи скифского времени. Нередко на ножах был выгравирован орнамент.

³⁹ Известен также под названием *кандык*.

⁴⁰ В центральных и западных районах Тувы кедровые орехи называют *пей тооруук*.

⁴¹ С Карцелли, *Карагасский олень и его хозяйственное значение*, — «Северная Азия», 1925, № 3, стр. 89.

⁴² Г. М. Василевич и М. Г. Левин, *Типы оленеводства...*, стр. 63—87.

⁴³ См. С. И. Вайнштейн, *К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновения*, стр. 54—60.

Рис. 31. Олени в стойбище

ежного населения Тоджи была весьма велика. Транспортное вьючно-верховое использование оленей позволяло осваивать большие промысловые угодья. Олени очень выносливы. В зимних условиях могут проходить под седлом около 60 км в день даже там, где лошадь выбивается из сил, не пройдя и 15—20 км. Доеение оленей обеспечивало семью охотника часть года молоком и некоторыми молочными продуктами. Имея большое число оленей, байские хозяйства делали на зиму значительные запасы молочных продуктов, а также в отличие от бедняцких хозяйств могли постоянно употреблять оленьё мясо.

Оленеводство было основано на экстенсивном использовании пастбищных угодий и, как и охота, требовало постоянных перекочевок.

По данным А. Бенцигсена, у тоджинцев в 1912 г. было 2500 оленей⁴⁴. Другие авторы называют для 1915 г. гораздо большие цифры. Так, Ермолаев⁴⁵ говорит о 20 тыс. оленей, а Турчанинов⁴⁶ — 78 тыс. Но эти цифры бесспорно завышены. Учитель Венкель, обследовавший часть Тоджи, встретил 97 хозяйств, около трети всех оленеводческих хозяйств, владевших 4300 оленями⁴⁷. Семьи, имевшие менее десяти оленей, считались бедняцкими, но были и совершенно безоленные хозяйства.

Большая часть оленей принадлежала баям, многие из которых владели сотнями голов (300—400)⁴⁸.

Баи эксплуатировали своих сородичей путем раздачи оленей в пользование беднякам, за что последние уплачивали пушниной и выполняли различные хозяйственные работы (обработка шкур, шитье одежды, пастьба байского стада и т. п.).

Верхом ездят, как правило, на быках-производителях и кастратах,

⁴⁴ А. Бенцигсен, *Русское дело в Урянхайском крае*, стр. 36.

⁴⁵ А. Ермолаев, *Урянхайский край (Материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении)*, Минусинск, 1919, стр. 8.

⁴⁶ См. Р. М. Кабо, *Очерки истории и экономики Тувы*, М.—Л., 1934, ч. 1, стр. 66 (без ссылки на источник).

⁴⁷ Госархив ТАО, ф. Р — 123, оп. 2, ед. хр. 131, лл. 13—15.

⁴⁸ Там же.

на которых также перевозят грузы. Под выюк используют и важенок. Нарты тоджинцами не применяются⁴⁹.

Существует ряд специальных названий, отличающих оленей по полу, возрасту, масти и т. п.⁵⁰.

Олени всех хозяйств аала паслись вместе недалеко от стойбища, без присмотра пастухов, и постоянно находились на подножном корму. Специальных загонов для оленей не делали.

В период отела олени уходили сравнительно далеко от аала, поэтому за ними в это время требовалось наблюдение, для чего их с наступлением темноты пригоняли к стойбищу и здесь держали на привязи до утра. В Тодже встречаются дикие северные олени, но к стадам домашних оленей, за очень редкими исключениями, они не присоединяются⁵¹.

В середине августа мужчины начинают спиливать рога у быков-производителей, оставляя лишь нижнюю часть рога длиной не более 15—20 см; в конце месяца рога спиливали у кастрированных оленей; в середине сентября у важенок спиливали края роговых отростков.

С середины сентября и до конца октября проходила случка оленей.

В конце апреля — начале мая идет отел важенок. К этому времени оленеводы откочевывали в места весенних стоянок, для которых выбирали открытые большие поляны поблизости от тайги. Во время отела никакой помощи важенкам не оказывали, их даже не отделяли от стада, что вело к большому падежу молодняка. Затем переходили на летние стоянки, расположенные высоко в горах, туда, где больше ягеля, значительно прохладнее и меньше мошек.

После отела важенок начинали доить один-два раза в день. В солнечную жаркую погоду олени, спасаясь от обильной мошки, рано утром приходили в стойбище и собирались возле затененных дымокуров «*ыштаар*». Важенки в стойбище находились около телят, привязанных к стволу поваленного дерева или к длинной жерди с помощью особого педоуздка, или, точнее, намордника «*мунгуй*», состоящего из деревянной втулки «*согунак*», вращающейся в костяном или деревянном полукруге, к концам которого прикреплен кожаный ремешок «*хээрик*», охватывающий морду оленя и две вязки, соединяемые на шее у затылка. Сообщение Э. Ольсона о существовании у тоджинцев загонов для важенок⁵² не подтвердилось. Перед доением к важенке подводили олененка и немного давали ему сосать вымя, затем его оттаскивали и вновь привязывали, а важенку доили. В период дойки олененок сосал всего один раз в день. После дневной дойки важенок отпускали на пастьбу, а с наступлением сумерек они возвращались в стойбище к телятам. Вечером важенок доили вторично и вместе с теленком отпускали пастись на ночь. От одной важенки в июне — июле надаивали за день в среднем 300 г молока с очень высоким содержанием жира (16—25%). В августе — сентябре надой значительно уменьшается. Дойка прекращалась в конце сентября — начале октября.

⁴⁹ Сообщение Г. Е. Грумм-Гржимайло о существовании у тувинцев оленьих нартов ошибочно («Западная Монголия...», т. III, стр. 49).

⁵⁰ Общее название для оленей — *иви*; яловая важенка — *кызыр мынды*; стельная важенка — *колчангы*; важенка после отела — *мынды*; бык — *эдер чары*; молодняк до двух лет — *даспан*; теленок до шести месяцев — *анай*; теленок до одного года — *куу анай*; теленок-самец старше года — *доңгур*; самка до первой стельности, до двухлетнего возраста, — *мындычак*; самец до двух лет — *дүктүг мыйыс*; бык старше трех лет — *эдер дүктүг мыйыс*; бык старше четырех лет — *чары*; ездовой бык — *мунар чары*; кастрированный олень, которого применяют для перевозки выюка и верховой езды, — *куудай*; бык, кастрированный в возрасте старше четырех лет, — *доңгур*; одичавший домашний олень — *ан иви*.

⁵¹ Утверждение Ольсона (см. O. Olson, *Et primitivt volk*, s. 51—54), что тоджинцы лютят диких оленей и приручают их, ошибочно.

⁵² См. O. Olson, *Et primitivt volk*, s. 63.

Рис. 32. Намордник для олененка; намордник на олененке

Рис. 33. Забой оленя

В холодную, пасмурную погоду, особенно если шел дождь, олени не возвращались, и их приходилось созывать криком, объезжая места, где они паслись. В плохую погоду редко удавалось собрать в стойбище даже половину оленей. Отсутствие пастушеского надзора за оленями вело к большим потерям от нападения волков и медведей.

Сена на зиму оленеводы не заготавливали⁵³. Когда стойбище было расположено вдали от естественных солончаков, оленей подкармливали возле чумов солью.

В большинстве хозяйств оленей резали редко, главным образом очень старых оленей. Каррутерс отмечает, что «оленье мясо составляет для них (тоджинцев. — С. В.) редкое лакомое блюдо»⁵⁴. При забое оленя вначале обухом топора ударяли по голове, затем упавшего оленя кололи заостренной палкой (*шиш*), стараясь попасть в сердце⁵⁵.

Кастрацию (*чазаар*) оленей производили осенью, в середине сентября. Кастрировали обычно всех самцов в возрасте 16 месяцев, за исключением оставляемых в качестве производителей⁵⁶. У тувинцев-олeneводо-в, как и у тофаларов, распространен так называемый «кровоавый» способ кастрации, аналогичный способу, применяемому скотоводами для кастрации лошадей.

Кровоавый способ кастрации — одна из отличительных особенностей саянского типа оленеводства, так как у всех других оленеводческих народов практикуется бескровное кастрирование путем раздавливания семенников (кроме нганасанов, которым известны оба способа кастрации)⁵⁷. В этом, как и во многих других особенностях саянского оленеводства, прослеживается его древняя связь со скотоводством. Это подтверждает гипотезу о происхождении оленеводства под влиянием скотоводства.

Оленеводам-тоджинцам были известны три типа седел: верховое (*эзер*), вьючное (*ынгыржак*) и детское (*эримээш*).

Верховое оленье седло аналогично конскому седлу, применяемому у скотоводов, и имеет то же название. Верховые седла умели делать только немногие оленеводы. Седла, сделанные самими оленеводами, считались плохими, и их употребляли только бедняки. Стремена на таких седлах зачастую были из дерева (рис. 34). Оленеводы, приобретая конское седло, снимали с него две подпруги и переделывали их на подшейные и подхвостовые ремни.

Баи, как правило, пользовались богато украшенными бурятскими седлами.

Вьючное деревянное седло применялось для перевозки грузов. Оно состояло из двух узких досок, скрепленных деревянными луками. Передняя лука (*башкы бажы*) была обычно покрыта резным геометрическим орнаментом. В верхней части передней луки имелось небольшое возвышение (*токша*) в виде ромба. Все части седла скрепляли тонкими кожаными ремешками (*көзк*), для продевания которых имелись

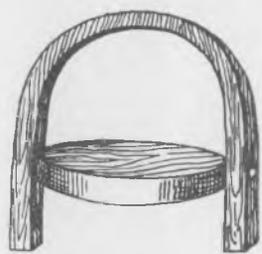

Рис. 34. Деревянное стремя

⁵³ Сообщение Г. Е. Грумм-Гржимайло («Западная Монголия...», стр. 48) о том, что оленеводы заготавливали сено, неверно.

⁵⁴ Д. Каррутерс, *Неведомая Монголия*, I, СПб., 1914, стр. 233.

⁵⁵ Тофалары также при забое оленя применяли заостренную палочку (В. Петри, *Оленеводство у карагас*, — «Известия биолого-географического НИИ при Госуд. Иркутском университете», т. III, вып. 2, Иркутск, 1929, стр. 13).

⁵⁶ В стаде одного аала обычно было не более четырех-пяти оленей-производителей.

⁵⁷ Г. Василевич и М. Левин, *Типы оленеводства...*, стр. 75.

специальные отверстия (*уз*). Вьючное седло укреплялось при помощи нагрудного ремня (*хондуруг*), подхвостного ремня (*кудурга*) и подпруги (*тыртыг*). Доски седел снизу не были обшиты. Под них клали потник из сложенного войлока и куска кожи.

Детское седло состояло из двух деревянных досок (*чаагы*), скрепленных крестообразными дужками — лучками. Передняя называлась *башкы бажы* (передняя голова), задняя — *сонгу бажы* (задняя голова). Такие седла применяли для перевозки маленьких детей во время

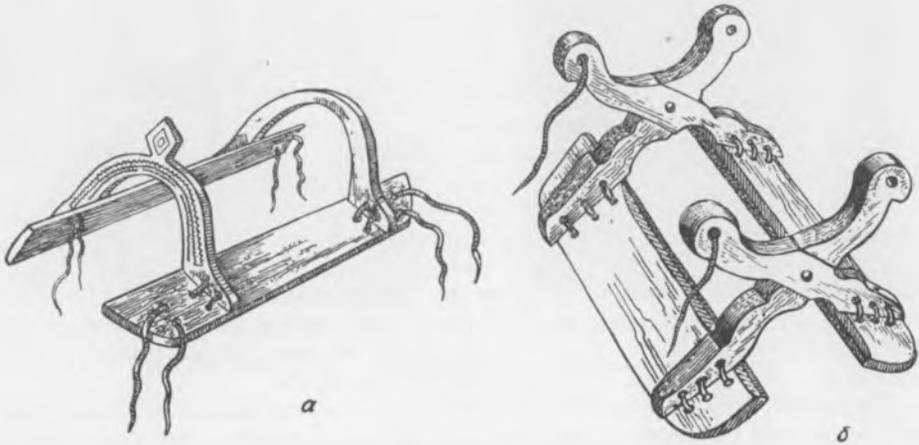

Рис. 35: а — вьючное седло; б — детское седло

перекочевок. На седле устанавливали люльку и закрепляли ее кожаным арканом. Часто к лукам седла прикрепляли дугообразно выгнутые прутья, за которые держались дети, сидевшие в седле. Чтобы ребенку было теплее, поверх дужек во время перекочевок клали шкуры.

Потником (*аямдыт*), подкладывавшимся под седло, служил прямоугольный кусок войлока или шкуры.

Когда седлали оленей, седло клали таким образом, чтобы передняя его часть лежала на лопатках животного. Такой способ седлания, когда основная тяжесть ложилась почти на середину спины, нередко приводил к гибели оленей (позвоночник не выдерживал груза и ломался). Садятся тоджинцы на оленя так же, как и на коня, слева. Другие оленеводческие народы (кроме тофаларов) при седлании кладут седло на лопатки оленя, а садятся с правой стороны⁵⁸.

Садясь на оленя, используют различные возвышения в виде кочек, пней, поваленных деревьев, деревянных кольев (стременами при посадке не пользуются); иногда опираются на деревянный посох (*даянгыши*) — обычно им пользуются пожилые мужчины и женщины. В отличие от других оленеводческих народов посадка при помощи прыжка тувинцами не практикуется.

Недоуздок (*баг*) состоит из ремной обороти (*баш баа*), охватывающей морду оленя. К обороти прикреплялись два ремешка-вязки (*ускун*), охватывавшие голову оленя со стороны затылка. От нижней части обороти отходил ремной повод (*узун баа*), пропускаемый при езде с левой стороны шеи оленя (у остальных оленеводческих народов, кроме тофаларов, поводок проходит справа). Недоуздки каждый оленевод делал сам из кожи лося.

В период приучения оленя к верховой езде к *баш баа* обычно привязывали два повода, через несколько дней правый повод снимали, оставляя только левый.

⁵⁸ Там же, стр. 73.

Рис. 36. Перевозка грудного ребенка в люльке на олене

Рис. 37. Седлание оленя

Рис. 38. Посадка на оленя

При перекочевках, а также на охоте, если охотник вез груз на нескольких оленях, составлялся караван (*кожуглу мал*). При этом повод навьюченного оленя привязывали к ремешку на левой полке седла идущего впереди оленя. Караван охотника во время зимнего промысла обычно не превышал трех-четырех оленей. При перекочевках байских хозяйств караван включал 30 и более оленей.

Около 40% хозяйств оленеводов имели по одной-две лошади на семью. Только у нескольких баев было более десяти лошадей. По данным Венкеля, число лошадей в обследованных им хозяйствах составляло всего 5,2% к числу оленей.

Весной в период откочевки в горы лошадей обычно оставляли в долинах рек небольшими табунами, принадлежавшими всем хозяйствам одного аала. Их не пасли. Каждые 10—15 дней кто-нибудь из оленеводов спускался на один-два дня в долину проверить табуны. Ранней весной, осенью и зимой лошади находились в аалах.

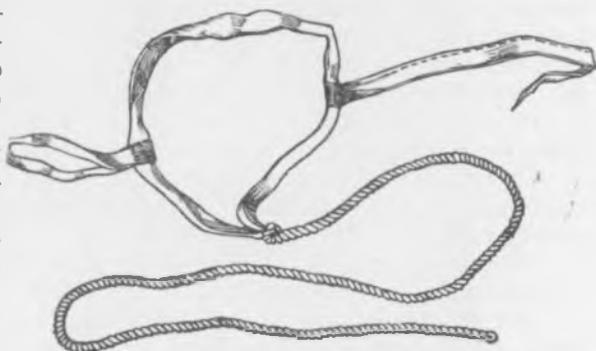

Рис. 39. Олений недоуздок

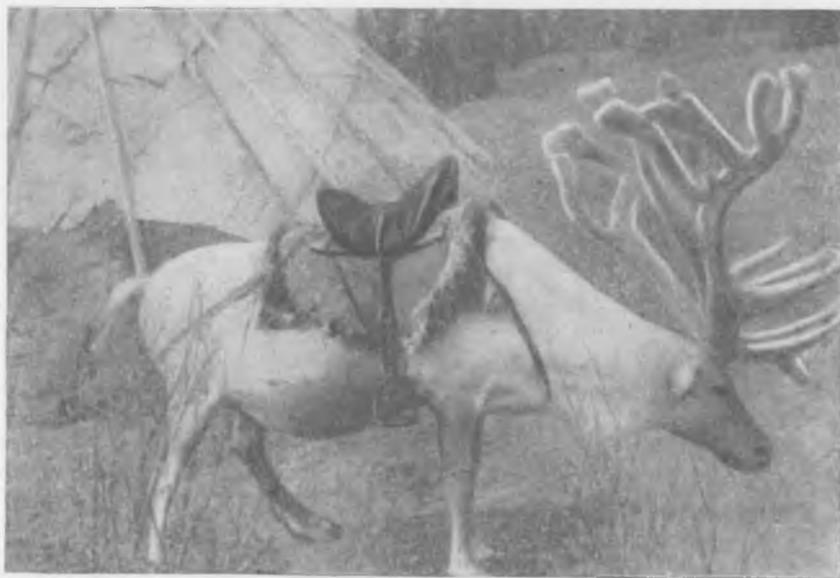

Рис. 40. Оседланный олень

Сбруя лошадей была аналогична сбруе, применяемой у степных скотоводов, у которых ее приобретали. Кобылиц не доили. Лошадей использовали для верховой езды и под вьюк, в особенности как транспортное средство на охоте осенью и весной.

ГОДОВОЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ЦИКЛ ОХОТНИКОВ-ОЛЕНЕВодов

Интересы оленеводства обуславливали строго сезонный цикл кочевок с намеченными заранее остановками в местах, наиболее благоприятных для отела, выпаса, гона и т. п. Маршруты и количество кочевок зависели не только от необходимости обеспечить оленей пригодными пастбищами, но и от требований промысла, стремления создать наиболее благоприятные условия для охоты и охватить ею как можно большую территорию. Собираательство также требовало определенных сезонных перемещений. В течение года оленеводы совершали до 18—20 перекочевок, расстояния между кочевками были различны — от 8—10 до 20 км и более. Расстояние между летними и зимними пастбищами в среднем составляло 60 км, а максимальное — 100—120 км.

Зимой жили в долинах рек; осенью поднимались выше, в таежные массивы; летом стойбища оленеводов находились высоко в горах, на гольцах (рис. 41).

Рассмотрим перекочевки оленеводов в связи с их хозяйственной деятельностью на примере одного из аалов рода дарган в начале XX в.

Ак ай (белый месяц) — февраль. Первый месяц народного календаря. Аал, состоявший из двух-пяти чумов, находился в долине р. Хам-Сыры. Вели на лыжах охоту вблизи аала на белку, косулю, лося, марала. Отдельные мужчины уходили в дальнюю тайгу, где ставили самострелы на соболя. В близлежащей тайге один-два раза устраивали коллективную облавную охоту с засекой.

Өл харлыг ай (месяц мокрого снега) — март. Продолжалась пешая охота вблизи аала. В конце месяца коллективно охотились на копытных по насту (*ыдалаар*).

Ыдалаар ай (месяц охоты с собаками по насту) — апрель. В начале месяца аал совершал несколько перекочевок по долине Хам-Сыры в места, где больше зверя. Перекочевки были небольшие, на расстояние меньше одного дня пути. На одном месте находились 2—10 дней, в зависимости от количества зверя в окружающей тайге и корма для оленей. Охота по насту — основное занятие мужчин.

В апреле обычно быстро таял снег, поэтому охота на лыжах прекращалась. Лыжи вешали на деревья, где они должны были храниться до следующей зимы, когда аал вновь вернется в эти места. В конце месяца перекочевывали выше в горы, в урочище Чазлыг, на весеннее пастбище — место отела оленей.

Шовур ай (месяц появления почек и ростков травы) — май. Идет отел оленей. Отелившихся важенок доили. Вели индивидуальную охоту на крупных копытных. В полыньях рек ловили сетями хариусов и других рыб. Кожаные покрышки чумов меняли на берестяные.

Бак тозаар ай (месяц плохо снимающейся бересты) — июнь. Откочевывали к вершинам гор. Аал в это время состоял из большего, чем обычно, числа хозяйств: летом в него входило до 15, а иногда и более семей⁵⁹. Женщины в этом месяце и последующие три месяца продолжали доить оленей. Велась индивидуальная охота на копытных. Начинали заготавливать бересту для изготовления покрышек чума и утвари, обрабатывали шкуры. Пили березовый сок.

Эки тозаар ай (месяц хорошо снимающейся бересты) — июль. Мужчины уезжали из аала для охоты на крупных копытных. Женщины выделывали бересту и изготавливали посуду. Продолжалась обработка шкур.

Айлаар ай (месяц сбора сараны) — август. Жители аала делились на группы в две-пять семей. Каждая группа откочевывала ближе

⁵⁹ Д. Каррутерс пишет, что ему встретился аал оленеводов, состоявший из 27 чумов («Неведомая Монголия», стр. 133).

Рис. 41. Аал оленеводов (1908 г.)

Рис. 42. Перевозка груза на оленях

к долине в таежные места, изобиловавшие сараной. Охота в этот период почти не велась. С раннего утра до захода солнца женщины, дети и мужчины собирали сарану. Находились на одном месте до тех пор, пока не было собрано необходимое количество сараны. Начинали спиливать рога оленей.

Хулбус айы (месяц косули)⁶⁰ — сентябрь. Закончив сбор сараны, оленеводы переходили на осенние пастбища, расположенные в местах обитания соболя. Охотились также на крупных копытных. В конце месяца начинали охотиться на белку. В последних числах сентября обычно прекращалось доение оленей. Велась кастрация оленей.

Алдылаар ай (месяц охоты на соболя) — октябрь. Аал совершал частые короткие перекочевки. На одном месте аал находился не более трех — пяти дней, пока охотники не выбивали в окрестной тайге белку. Затем он перекочевывал на расстояние одного дня пути и т. д. С середины месяца отдельные охотники уходили далеко в горную тайгу на соболиный промысел. Через 10—15 дней они возвращались в аал, который за это время успевал откочевать на многие километры.

На одной из стоянок, расположенной поблизости от мест летних кочевок, жители аала оставляли берестяные покрышки чумов и покрывали жилища выделанными кожами.

Өргүглээр ай (месяц постоянно падающего снега) — ноябрь. В конце месяца охота на соболя, как правило, прекращалась. Перекочевывали в более низкие места. Там продолжали охотиться на белку. Отдельные жители аала вели охоту на крупных копытных. В конце месяца начинали вести коллективные облавные охоты.

Башкы соок айы (первый холодный месяц) — декабрь. В конце месяца в поисках хороших пастбищ для оленей делали небольшие перекочевки. Глубокий снег не позволял вести охоту с собакой, поэтому ограничивались установкой в близлежащих местах самострелов.

Сонгу соок айы (последний холодный месяц) — январь. В это время охота велась главным образом с самострелами.

⁶⁰ *Хулбус* — самец косули. В сентябре идет гон, и саянская тайга оглашается его криками.

СКОТОВОДСТВО. КОНЕВОДСТВО. ПЕРЕКОЧЕВКИ СКОТОВОДОВ

Скотоводческое население Тоджи разводило овец (*хой*), коз (*өшкү*), коров (*инек*), лошадей (*аът*)⁶¹.

В отличие от населения других районов Тувы жители долины Бий-Хема имели сравнительно небольшое количество скота. По данным А. Ермолаева, в 1915 г. всего у тоджинцев было 2000 голов крупного рогатого скота, 1000 лошадей, 1000 овец и коз⁶². В конце 20-х годов XX в. в среднем на одно скотоводческое хозяйство в Тодже приходилось 13,5 головы скота всех видов (вместе с молодняком), а в других районах Тувы — 66,6 головы, т. е. почти в пять раз больше⁶³. В Тодже лишь несколько баев имели значительные стада, исчислявшиеся сотнями голов. Многие бедняки не имели скота и жили исключительно охотой, рыболовством и собирательством, либо батрачили у баев.

Круглый год скот содержали на подножном корму.

Для овец и коз на зимних пастбищах строили примитивные кошары (*хой кажазы*), в которых животные находились в ночное время. Кошара представляла собой сруб высотой около 1,5 м из бревен или жердей, как правило, не очищенных от коры. Стены обмазывались с внешней и внутренней сторон свежим навозом (*инек мыя*). Обмазку обновляли каждый год. Крышу делали из шестов, уложенных плотно друг к другу, засыпанных сверху землей и прикрытых кусками коры. В кошару вело входное отверстие (*эжик*) высотой около 1 м, шириной 60—75 см.

После того как овец и коз вечером загоняли в кошару, ее вход закрывали куском древесной коры либо закладывали досками. Помещения для скота были тесными, их очищали от навоза всего два-три раза в год.

Зимой овцы и козы не могли пробить глубокий снег на пастбище. Поэтому они обычно шли следом за крупным рогатым скотом, впереди которого нередко уже проходили лошади. О ног овцы и козы ранили ноги до крови и с трудом добывали пищу. Многие из них гибли от истощения. В отдельные зимы погибало более 30% общего поголовья. Чтобы спасти животных, перекочевывали в горы, где снеговой покров был меньше, либо пасли скот в зарослях кустарника или в березовом лесу; ветки деревьев рубили на корм скоту.

Молодняк содержали в чумах до наступления тепла и кормили сеном, скрученным в жгуты, которые подвешивали к стене.

С наступлением весны по ночам овцы и козы находились вблизи юрт и чумов в загонах из жердей.

Овец и коз доили весной и летом три раза в день, а осенью два раза, надаивая до 300—400 г молока. Козленка или ягненка подпускали к матери перед дойкой на несколько минут, а после дойки — на час и более. После этого маленьких ягнят приводили в жилище и помещали в небольшой загончик из жердей до следующей дойки. С появлением травы козлят и ягнят выпускали из юрт и чумов, и они паслись отдельно от взрослых коз и овец. В трех-, четырехмесячном возрасте часть самцов кастрировали, оставляя лишь производителей. Кастрировали так называемым кровавым способом, надрезая семенники. Овец и коз стригли раз в год в начале июня. С овцы настригали

⁶¹ У Е. Пестерева имеется указание на то, что в конце XVIII в. в Тодже разводили верблюдов, которые, как и другой скот, составляли «весьма малое число» («Примечания...», LXXX, стр. 55). Однако уже в XIX в., по единодушному утверждению наших информаторов, верблюдов в Тодже не было. Не разводят в Тодже и сарлыков (яков), распространенных в некоторых горных районах Тувы.

⁶² Госархив ТАО, ф. Р — 123, оп. 2, ед. хр. 131, л. 32.

⁶³ Подсчеты сделаны мною по материалам ТСДП, стр. 70, 71.

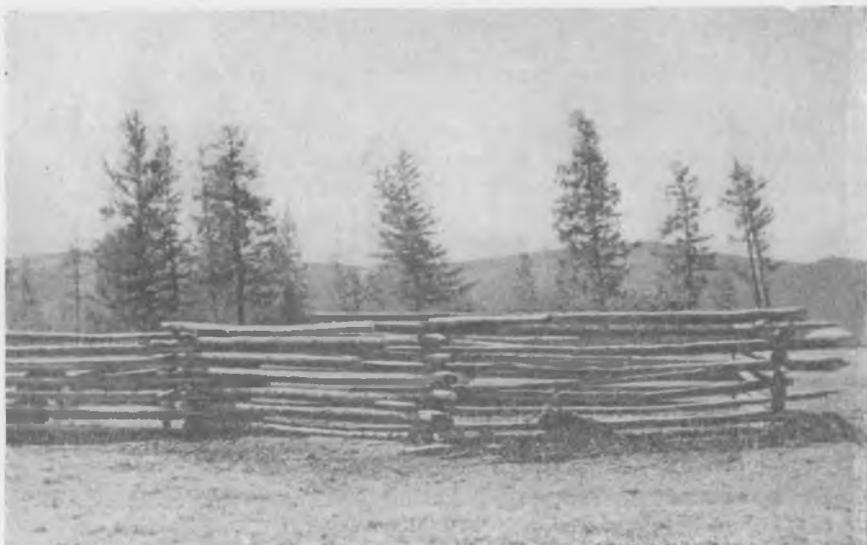

Рис. 43. Загон для скота

около 1 кг шерсти. Стрижкой (*хой кыргыыр*) занимались женщины, которым в отдельных случаях помогали дети и мужчины. Стригли ножницами (*хачы*), изготовляемыми местными кузнецами⁶⁴.

Крупный рогатый скот, разводившийся в Тодже, как и в других районах Тувы, характеризовался сравнительно небольшим живым весом. Средний удой на одну корову составлял около 500 л в год⁶⁵.

Зимой крупный рогатый скот содержали в отдельных срубных коровниках (*инек кажазы*). Молодняк, родившийся весной, содержали в телятниках (*бызаа кажазы*), а родившийся осенью или зимой держали в жилище. Бедняки, имевшие одну-две коровы, телятников не строили, и молодняк находился в юрте или чуме.

Корову доили в течение восьми месяцев по два-три раза в день подсосным методом. Кастрацию быков (*буга*) производили в возрасте одного года. Если в хозяйстве было пять-шесть голов скота, то держали также одного рабочего вола (*шар*).

Волов использовали исключительно под вьюк. Вьючное седло (*ыңгыржак*), аналогичное конскому вьючному седлу, было очень простым. Оно состояло из листовенных лук (*бүүрге*) и двух дощечек (*хаптас*). Части вьючного седла крепили кожаными ремешками, пропуская через соответствующие отверстия (*уттер*), прожигавшиеся в луках и полках. Под вьючное седло клали потник — большой кусок войлока и шерстью вниз шкуру (*чонок*) и укрепляли седло подшейным ремнем, подпругой и подхвостным ремнем.

При перевозке топлива, например стволов деревьев, их привязывали комлем к вьючному седлу, по одному с каждой стороны. Для перевозки бревен на далекое расстояние аркан пропускали через вьючное седло, охватывая двумя оборотами корпус вола, а свободными концами аркана привязывали бревна.

Лошадь приспособлена к местным условиям и весьма вынослива. Она имеет сравнительно небольшой рост и вес, нетребовательна к корму и уходу; вместе с всадником или под вьюком она преодолевает труднодоступные горные перевалы, пускается вплавь через бурные

⁶⁴ В степных районах овец стригли два раза в год.

⁶⁵ П. Бегучев, *Тувинский крупный рогатый скот*, — ГТКОС, II, Кызыл, 1950, стр. 144.

Рис. 44. Доение кобылы

реки. Зимой лошадь обрастает густой шерстью, а летом способна переносить сильную жару⁶⁶.

Зимой лошадей угоняли подальше от стойбищ, где пасся остальной скот. В табуне на 20—30 маток имелся один производитель. Доение кобыл, как и коров, овец и коз, проводили женщины. Доили кобыл до шести раз в день в течение 2—2,5 месяца (июль — сентябрь). Надаивали за день до 2,5 л молока. Жеребенка во время одной дойки подпускали к матери летом три раза, а осенью — до четырех раз. После последней вечерней дойки кобылицу с жеребенком оставляли на ночь на пастбище. Утром жеребенка отделяли от матери и держали в загоне. Дойных кобыл по окончании каждой дойки угоняли пастись.

На мясо резали преимущественно кобыл, выбирая самых жирных.

Объезжать лошадей начинали рано: нередко уже двухлетний жеребенок ходил под седлом. Намеченную к приручению лошадь ловили ременным арканом (*сыдым аргамчы*), который обычно имел длину около трех метров. Если лошадь простым арканом было трудно поймать, то применяли *хурук* — аркан, укрепленный на длинном шесте.

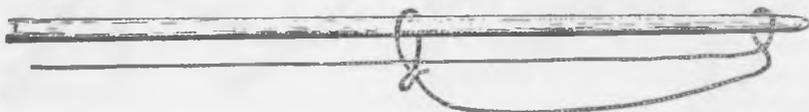

Рис. 45. Аркан (хурук)

Всадник на полном скаку набрасывал на шею лошади петлю аркана, которая легко перемещалась вдоль шеста и затягивалась на шее. После этого всадник бросал шест, оставляя в руках лишь конец аркана,

⁶⁶ Названия лошадей: новорожденный жеребенок — *кулун*; жеребенок до одного года — *чаваа* (в западных и центральных районах — *богба*); жеребенок двух лет — *шүдүлөр* (в западных и центральных районах — *хунан*); жеребенок трех лет — *биче соялаң* (в других районах — *төнөн*); лошадь четырех лет — *улуг соялаң*, лошадь пяти лет — *чедшикен аът*; мерин — *аът*; жеребец — *аскыр*; кобыла — *бе*; яловая кобыла — *кызыр бе* (*сувай бе*).

накидывал на лошадь недоуздок и треножил ее (*киженнээр*) путами (*кижен*). После того как лошадь успокаивалась, ее седлали.

Кастрировали жеребцов в начале мая. При кастрировании мошонку защемляли деревянными тисками, затем надрезали ножом и выдавливали семенники, а разрезанное место прижигали железным утюжком.

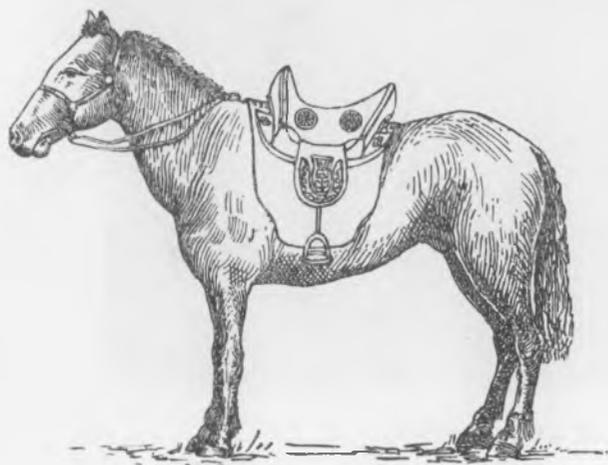

Рис. 46. Оседланная лошадь

Лошадиная сбруя скотоводов Тоджи была аналогична применяемой в других районах Тувы.

Конская узда (*чуген*) состояла из ремней оголовья (*кастың*), переносья (*хээрик*) и подбородочного (*салдырык*). Удила (*суглук*) были железными, двусоставными, с кольцами (*дээрбэк*), к которым привязывался кожаный повод (*узун дын*). Богатые скотоводы украшали узду многочисленными орнаментированными серебряными, бронзовыми, либо железными с серебря-

ной чеканкой бляхами. Недоуздок (*чулар*) также делали из кожи, но обычно не украшали (рис. 47).

Тоджины, как и все тувинцы, пользовались седлами монгольского типа, существенно отличавшимися от бытовавших в Туве в VII—VIII вв., а вероятно, и позднее, тюркских седел, деревянные остовы которых известны из раскопок могильника Кёк-Эль в Сют-Хольском районе⁶⁷.

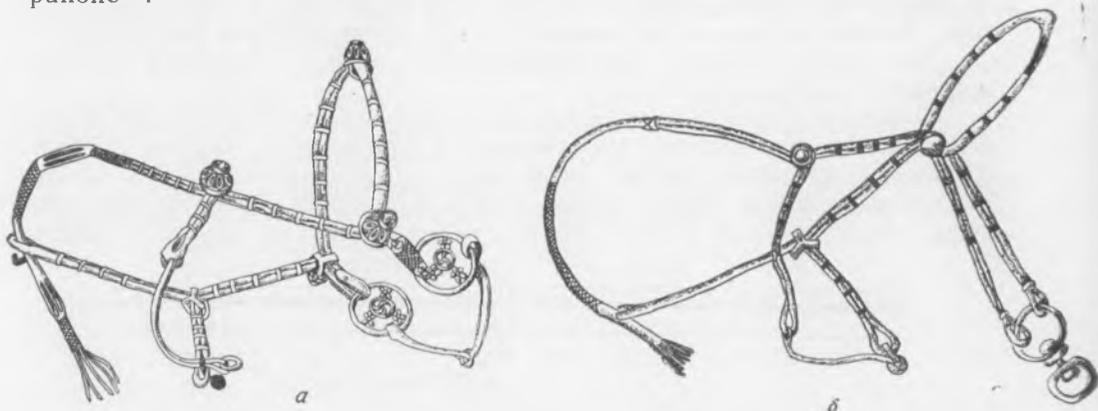

Рис. 47: а — конская узда; б — недоуздок

Ленчик седла (*эзер*) был деревянным. Седло имело сравнительно высокие луки (*эзер арны, бажы*) — почти вертикальную переднюю (*эзерниң башкы бажы*) и круто изогнутую заднюю (*эзерниң соңгу бажы*). Подушку (*көвүнчүк*) делали из войлока и обшивали сверху красным или коричневым сукном. Седло украшали орнаментированными бляхами (*тарылга*)⁶⁸. На нижнем конце блях имелись металлические пет-

⁶⁷ Раскопки Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР в 1959 г.

⁶⁸ В других районах бляхи седла называли *базыткыш*.

Рис. 48. Верховое седло богатого скотовода

Рис. 49. Голова коня с недоуздом и уздой

ны и покрыты лаком. Дуги лука обивались костяными или металлическими накладками (*хыраа*), часто с гравированным орнаментом. У передних и задних дощечек ленчика имелись по два-три узких ремешка (*дерги*) для привязывания груза. Здесь же прикреплялись литые бронзовые или резные костяные (из рога) украшения (*дерги дэзу*). Под седло клали войлочный потник (*чонак*), по бокам лошади висели кожаные чепраки (*төрөпчи*), которые обычно были орнаментированы тисненными узорами или кожаными аппликациями; богатые скотоводы пользовались покупными чепраками монгольского производства (рис. 48). Для предохранения ноги от трения о верхнюю часть стременного ремня (*эзенги баа*) и для украшения седла по обеим его сторонам вешали орнаментированные кожаные седельные крылья (*тепсе*). Стремена (*эзенги*) были железными, реже бронзовыми, костяными или деревянными.

Седло имело три подпруги — переднюю (*башкы колун*), заднюю (*сонгу колун*) и среднюю (*чирим*). Подхвостник (*кудурга*), нагрудник (*хөндүрге*) и подпруги (*колун*) делали из ремней.

Вьючное конское седло состояло из двух деревянных досок, соединенных двумя полукруглыми перекладинами. Тип тувинского верхового седла аналогичен монгольскому и бурятскому.

Баи имели по несколько великолепных верховых седел, богато украшенных серебром. Бедняки пользовались седлами без металлических украшений, без *тепсе* и *төрөпчи*. Нередко в семьях бедняков старое, изношенное седло переходило по наследству от отца к сыну.

Большая часть хозяйств скотоводов совершала перекочевки четыре раза в год: с летних и весенних пастбищ на осенние и зимние. Весенние пастбища (*чазаг*) были расположены на южных склонах

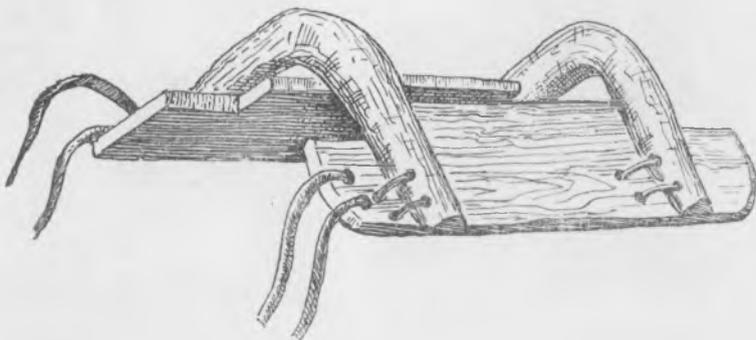

Рис. 50. Вьючное конское седло

гор. Лучшими летними пастбищами (*чайлаг*) считались горные, перемежающиеся с солончаками. С наступлением заморозков скотоводы перебирались на осенние пастбища (*кузег*), а с выпадением снега — на зимние (*кыштаг*). В долинах рек часть зимних пастбищ была расположена на открытых ветру горных склонах. Лучшие зимние пастбища захватывали баи, сооружая там загоны для скота, коровники и т. п.

Рис. 51. Перекочевка скотовода

В августе — начале сентября на зимних пастбищах в небольшом количестве, исключительно для молодняка, заготавливали сено. Траву резали ножами (*сиген кезер*) или просто дергали рукой. Высохшую траву собирали в кучу, а затем хранили либо на крыше кошары, либо на специально устроенном помосте (*сери*). Иногда, свив из такой травы

длинные жгуты (*долгак*), вешали их на деревья, где они хранились до употребления.

Бедняки-скотоводы совершали обычно всего две перекочевки в году — с зимних на летние пастбища и обратно.

Рис. 52. Охотник на лошади

Маршруты кочевок из года в год оставались более или менее постоянными. Расстояния между летними и зимними пастбищами тоджинских скотоводов были короче, чем у оленеводов, и редко превышали 15—20 км.

Богатые скотоводы совершали до шести перекочевок, а во время бескормицы количество перекочевок увеличивалось.

Приведу пример перекочевки аала, включавшего несколько семей из рода куу-тоодут. Зимой аал находился вблизи берега Бий-Хема в местности Кажалыг Булун; весной, в конце апреля — начале мая, перекочевывали на 8—10 км к юго-востоку от берега Бий-Хема в местность Ортаа-Булун на весенние пастбища. В июне — июле перекочевывали на летние пастбища, расположенные еще на 8—10 км дальше от берега Бий-Хема, в местность Шол Бажы у подножия покрытой лесом горы. Аал располагался здесь на берегу маленькой таежной речки Дуруялыг. Осенью, в сентябре, перекочевывали ближе к зимнему пастбищу, а в середине октября аал возвращался к берегу Бий-Хема на зимовку.

ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО

В быту тоджинцев обработка шкур и выработка кож, служивших материалом для изготовления одежды, утвари и покрышек чума, были наиболее трудоемкими занятиями.

У оленеводов обработке подвергались в основном шкуры оленя, косули, кабарги, марала, лося, а также волка, лисицы. Процесс их обработки начинался с очистки от остатков мяса и жира при помощи скребка (*хыргы*), состоявшего из деревянной ручки и рабочей части в виде плоского железного кольца, изогнутого в середине. Взяв *хыргы* обеими руками, шкуру скребли движениями на себя. Затем шкуру при

Рис. 53. Скребки: а — хыргы; б — сыы

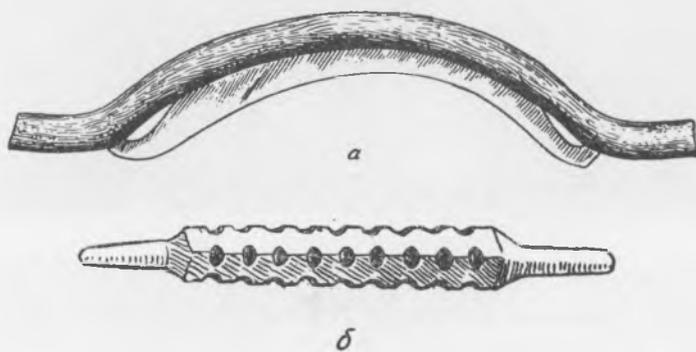

Рис. 54. Кожемялки: а — эдирээ; б — хедерге

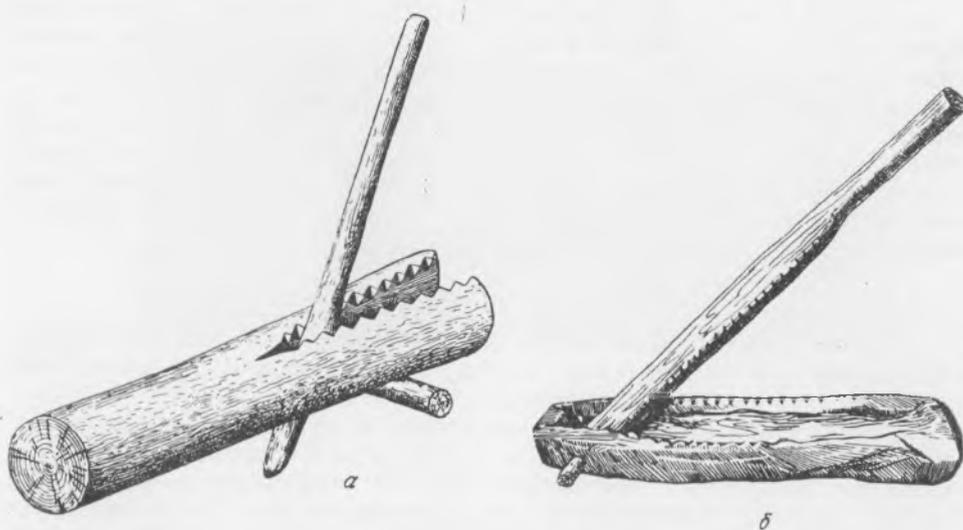

Рис. 55: а — кожемялка далгыг с развилчатым остовом; б — кожемялка далгыг с корытообразным остовом

помощи деревянных колышков растягивали на земле и обмазывали мездру (*кырдыш*) дубящим составом — кашеобразной массой из гнилушек лиственницы или ели и теплой воды (*ирик*) — и свертывали для дубления. Через день мездру вновь скребли другим инструментом (*сыы*)⁶⁹, сходным с первым, но с выпрямленной рабочей частью. Затем, уложив шкуру на плоский кусок дерева, ее мяли круговыми и прямыми движениями кожемялки (*эдирээ*) — деревянной палки с железным лезвием (рис. 54). Шкуру мяли женщины. Это была очень трудная работа, которая требовала нескольких дней. Завершался процесс обработки растягиванием шкуры и дымлением (*ыштаар*) у дымового отверстия чума.

Кожу обрабатывали главным образом из шкур лошади, коровы, лося, оленя, марала. Вначале, положив снятую шкуру на колено, срезали ножом шерсть. Затем, высушив шкуру зимой в чуме, летом — на открытом воздухе, ее смазывали кислым оленьим молоком и квасили в течение нескольких дней в свернутом виде. После этого, расстелив шкуру на земле, соскабливали при помощи *хыргы* остатки шерсти и очищали мездру. При этом один человек держал шкуру, другой ее скреб. Очищенную кожу вновь смазывали кислым молоком и, продолжая в свернутом виде несколько дней, начинали мять. Скотоводы пользовались кожемялкой *далгыг* (рис. 55). Кожмялка представляла собой обрубок бревна длиной около 1,5 м, толщиной 25—30 см с вильчатým вырезом в середине, внутренние стенки которого имели по краю зубцы. Под конец бревна с вырезом подкладывали небольшую чурку, а в вырез просовывали палку-рычаг (*дыл* — «язык»). Обрабатываемую кожу клали между палкой и вырезом. Лево́й рукой перемещали шкуру, а правой попеременно то сильно нажимали рычагом длиной более 1 м на шкуру, то отпускали. *Далгыг* этого типа был распространен во всей Туве, а также у якутов и хакасов. В Тодже бытовал также *далгыг* несколько иной конструкции — корытообразной формы. Оленеводы мяли кожу следующим образом. Один человек держал свернутую кожу на врытом в землю невысоком деревянном столбе, а другой (обычно мужчина) бил по ней в продолжение нескольких часов деревянной колотушкой (*моң*). Обработанную таким образом кожу оставляли в свернутом виде на ночь. Утром, смазав ее дубящей смесью (*ирик*), клали на плоскую доску и обрабатывали при помощи *эдирээ*. Процесс выделения кожи заканчивался дымлением.

Еще во второй половине XIX в. для обработки кож оленеводы начали применять усовершенствованную кожемялку, заимствованную через бурят у русских (рис. 56). Закрепив один конец свернутой шкуры на оси кожемялки, ее растягивали и мяли, вращая вокруг оси две горизонтальные плахи. Применение этого орудия облегчало труд; оно заменяло битье шкуры колотушкой.

Для изготовления овчины скотоводы свежеснятую шкуру овцы или козы сушили один-два дня. Летом ее растягивали на земле мездрой вверх и закрепляли вбитыми в землю колышками. Шкуру, снятую зимой, в течение двух-трех часов морозили на снегу, а затем сушили на деревянном сооружении (*арткы*), состоящем из перекладины, уложенной на вертикальные столбы с развилками в верхней части. Высушенные шкуры хранили в чуме. После того как накапливалось несколько шкур, начинали их обработку. Предварительно шкуру со стороны мездры смачивали чаем, а затем, положив на колено, в течение нескольких часов очищали от мездры и мяли при помощи *эдирээ*. Очищенную от мездры овчину расстилали на земле и несколько раз в течение дня смачивали сывороткой (*божа*), оставшейся после перегон-

⁶⁹ У некоторых групп оленеводов называется *соо*.

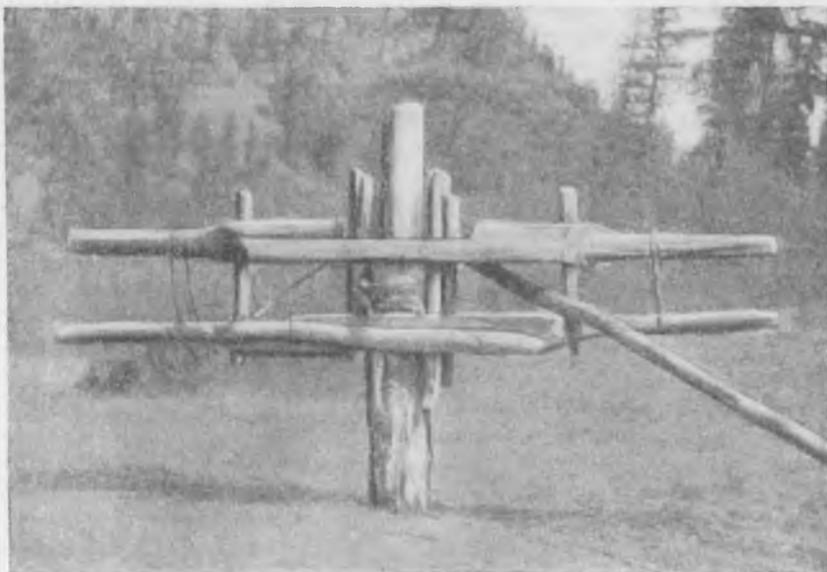

Рис. 56. Вращающаяся кожемялка

ки *хойтнака*. Смоченную шкуру клали в чуме шерстью вверх на земляной пол. Через сутки внутреннюю сторону шкуры вновь тщательно мяли при помощи *хедерге* — деревянного бруска с зубчатыми вырезами, а потом в течение четырех-пяти дней подвергали дымлению. Продымленную шкуру дубили (*баартаар*), натирая внутреннюю сторону кашицей из вареной печени домашнего или дикого животного (вареную печень мочили в *божа* и растирали в ступе, смешивая с крепким чаем), и вновь обрабатывали мялкой *эдирээ*, заканчивая на этом выделку.

Выделка шкуры козленка и ягненка была несложной. После просушки шкуры ее шерсть мыли водой, внутреннюю сторону шкуры смазывали кислым молоком, снимали мездру при помощи *эдирээ* и обрабатывали кожемялкой *хедерге*.

Шкуру косули подвешивали внутри чума на два-три дня, потом ее расстилали на земле и посыпали сверху гнилушками ели и свертывали. Примерно через час ее развертывали и обрабатывали кожемялкой *эдирээ*.

Шкуры быка, лося, марала и оленя использовали для изготовления ремней. Ремни каждый мужчина изготовлял сам. Арканы для ловли лошади (*сыдым аргамчы*) делали из шкуры лося или марала. Из свежеснятой шкуры вырезали круглый кусок, который разрезали по спирали, получая ленту. Затем с нее ножом очищали шерсть, растягивали и, просушив, отрезали кусок размером в 6,5 *кулаш* (*кулаш* — расстояние между пальцами вытянутых на уровне плеч рук). Аркан размягчали в продолжение нескольких часов при помощи *далгыг*⁷⁰ и били колотушкой *докпак*, после чего его обильно смачивали молоком, смазывали коровьим маслом или салом и вешали у дымового отверстия, где он висел в течение пяти — восьми дней. Затем его снимали и, про-

⁷⁰ В других районах Тувы для обработки ремней применяется кожемялка (*тэремэ*) в виде треножника из жердей, к вершине которого подвешивали кожаную петлю. Через нее 25—30 раз пропускали ремень, образовывавший вторую петлю, к которой привязывали тяжелый камень или деревянный круг (*ээргийи*). Затем, вращая камень правой рукой, закручивали ремень. В оставшееся незакрученным пространство продевали рычаг (*дыл*) из жерди, привязанной концом к колышку, забитому в землю. Надавливая на рычаг и поднимая его левой рукой, заставляли ремни то скручиваться, то раскручиваться. Это орудие известно также у якутов.

держав одну ночь на улице, в течение нескольких часов протягивали через *мыйыс* — рога марала или косули с просверленными отверстиями (рис. 57). Их держали в левой руке, а правой протягивали ремень вправо, затем меняли положение рук и протягивали аркан в обратном направлении и т. д. Края ремня в результате такой обработки становились круглыми, что было необходимо для удобства бросания.

Обычный ремень (*калбак аргамчи*), не предназначенный для ловли лошади, изготовляли таким же способом, только его не протягивали через *мыйыс*.

При необходимости срочного изготовления ремней ограничивались тем, что мяли их руками и смазывали салом или маслом.

Для изготовления веревок (*чеп аргамчы*) использовали волосы из гривы или хвоста лошади. Волосы тербели (*дук сывырар*) в руках, затем складывали в кучку, из которой вытягивали шесть-семь пучков (*дыдар*). Пучки сучили между ладонями. Полученные нити скручивали в три длинных шнура (*бут*), концы которых привязывали к колышку. Затем брали небольшую доску или палку с тремя отверстиями и свободные концы

Рис. 57. Приспособление для обработки ремней

каждого шнура, пропустив в отверстия, связывали узлом (иногда одну палку с тремя отверстиями заменяли тремя колышками, но характер процесса от этого не менялся). Заостренным концом доску или палку втыкали в землю, предельно натянув шнуры. Затем поочередно вынимали колышки из земли, скручивали шнур и, натянув, втыкали в землю (рис. 59). Затем три шнура свивали в одну веревку: три человека,

Рис. 58. Изготовление волосяной веревки

Рис. 59. Изготовление волосяной веревки у скотоводов

вращая колышки, скручивали натянутые шнуры, а четвертый свивал веревку с другого конца. Этот способ был распространен по всей Туве.

Из жил быка, коровы, лося, косули и других крупных животных делали нити (*каткан сиир*). У убитого животного отделяли ножом жилы со спины и ног ниже колен. Высушенные в течение четырех — шести дней у дымового отверстия жилы клали на камень и расщепляли ударами палки. После этого их делили на две группы: в одну складывали тонкие сухожилия (*зэн сиир*), нитями (*чиңге сиир*), из которых шили шапки и зимние шубы, в другую — более толстые (*даяк сиир*), из них изготовляли нити (*чоон сиир*) для шитья обуви.

Нить сучили руками. Взяв три сухожилия, их скручивали поочередно между большим и указательным пальцами вначале одной, а затем другой руки. По мере утончения нити к ней добавляли еще несколько сухожилий. Нить оканчивалась одним сухожилием, которое предназначалось для введения его в игольное ушко. Общая длина нити была равна 40—50 см. Из шерсти овец изготовляли нити (*чуң*).

Для изготовления берестяных покрышек чума и некоторых видов утвари применялась специально обработанная береста (*тос*). На молодых березах делали ножом два круговых надреза: один почти у земли, другой — на высоте 4—6 м, которые соединяли вертикальным надрезом. Затем сдирали кору и тут же под деревом свертывали ее внутренней стороной наружу. Для покрытия чума требовалось от 21 до 33 кусков бересты. Бересту обрабатывали варкой. Для этого несколько кусков бересты наматывали на пучок травы — один кусок бересты поверх другого, затем обвязывали сверток тремя узкими полосками ивовой коры (*хаак карты*) и клали в котел (рис. 60). Сверху рулон прикрывали куском дерна (травой вниз). Поверх дерна клали камень. Котел с берестой устанавливали на очаг, устроенный поблизости от чума. Варили бересту двое-трое суток, все время поддерживая огонь. По истечении трех суток рулон извлекали и разматывали. Каждый кусок бересты свертывали по отдельности и хранили до начала изготовления покрышек.

Кузнечное ремесло у тоджинцев было, как правило, наследственным. Знания и опыт отца передавались сыну, который помогал отцу заниматься кузнечным делом (*узаныр*). Кузнецов (*дарган*) среди тоджинцев было мало; так, в сумоне Қол в начале XX в. было всего шесть кузнецов, а среди оленеводов сумона Ак — два кузнеца. Они делали железные ножи, удила, наконечники для корнекопалки (*озук*), точили топоры и т. п. Нередко кузнецы изготовляли из железа уздечные наборы и украшения для седла, которые отделявали серебром. Сырьем для кузнецов служили старые железные вещи. Серебро покупали у китайских купцов.

Рис. 60. Варка бересты

Рис. 61. Переноска готовых покрышек чума

Для изготовления серебряных блях на железной заготовке теслом делали частую насечку. Затем тонкий листок серебра накладывали на железное изделие и набивали легкими ударами молотка.

Орудия кузнечного промысла были весьма несложны. Они состояли из небольших мехов, маленькой железной наковальни, нескольких молотков разных размеров, щипцов и камней для шлифовки изделий. Мехи были сделаны из обработанной шкуры марала и сшиты нитью

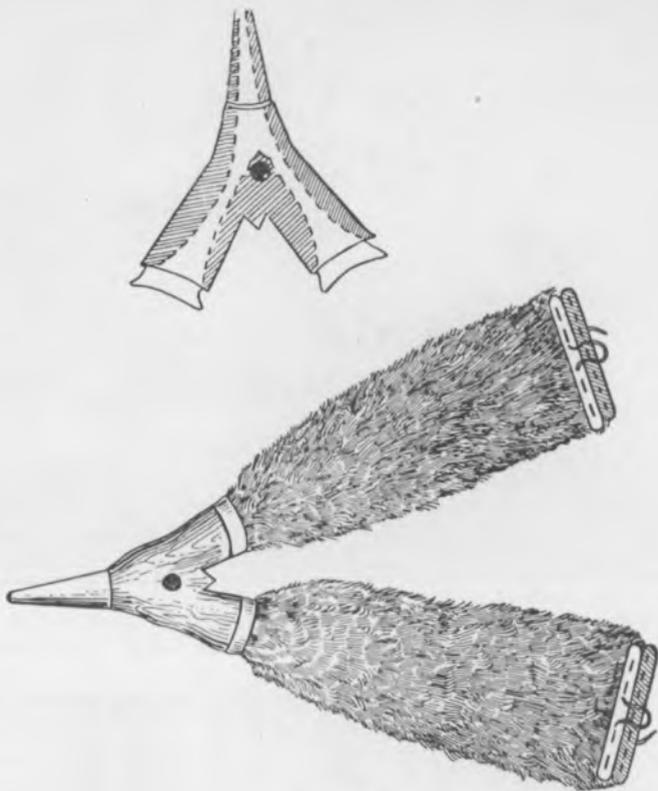

Рис. 62. Кузнечные мехи

из сухожилий. У широкой части мехов были пришиты планки, служившие клапанами (*хөрүк кыскажы*). Узкие концы каждого меха были надеты на полуо деревянную развилку, заканчивающуюся глиняной или железной⁷¹ трубкой (рис. 62). Кузнец, держа в руке планки, периодически их открывал и закрывал, одновременно сжимая мех. Работая поочередно обеими руками, кузнец создавал непрерывный поток воздуха. Во время работы мехи укреплялись при помощи больших железных гвоздей, заколачиваемых в землю в месте развилки деревянных трубок. Трубка присыпалась сверху землей. Длина мехов — около 1 м. Наковальню, высотой до 11 см, вбивали в заостренную деревянную чурку, сделанную из корневой части лиственницы. Металл нагревали в кучке раскаленных лиственничных углей, обычно собранных на лесных пожарищах. Кузнец работал чаще без помощников, летом — на открытом воздухе, недалеко от жилища. Если кузнечили в исключительных случаях зимой, то работали в чуме.

⁷¹ Еще в начале XX в. пользовались главным образом глиняными трубками (*күжү*). В глину (*малгаиш*) клали конские волосы, добавляли воду и из полученной массы изготовляли руками трубку, которую обжигали в огне костра. Трубка имела длину до 15 см, внешний диаметр—4—5 см.

Кузнечное дело сочетали со столярным. Основными инструментами обработки дерева служили топор, нож и различные тесла; применялось также сверло (*өрүм*). Аналогичные сверла известны у бурят и монголов. Кузнецов, которые жили бы только своим ремеслом, в Тодже не было. Кузнецы занимались также охотничьим промыслом, скотоводством, оленеводством. За изготовленную продукцию кузнецам платили главным образом шкурками белок.

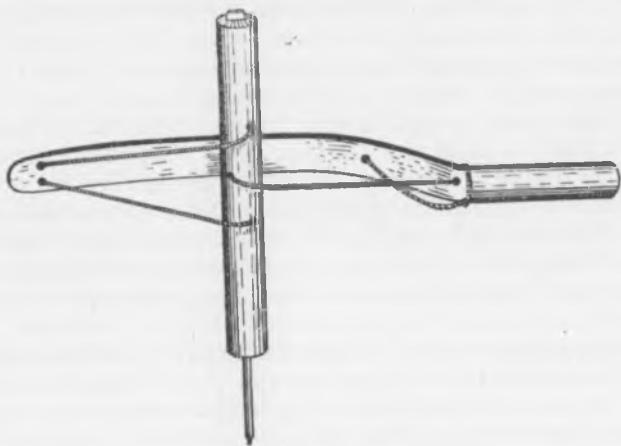

Рис. 63. Сверло

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Между оленеводами и скотоводами Тоджи имелись постоянные хозяйственные связи, в основе которых лежали элементы общественного разделения труда. Обмен имел натуральный характер. Эквивалентом обмена служила белка.

Оленеводы охотно приобретали у скотоводов лошадей, овечью шерсть, шубы из козлиных шкур, овечьи шапки, железные изделия, седла в обмен на шкурки белки, соболя, а также на выделанные оленьи и лосиные камусы. Обмен совершался главным образом в зимние месяцы, когда оленеводы съезжались в долину Бий-Хема на *чыгыш* — собрание жителей хошуна.

Скотоводы долины Бий-Хема вели обмен с тувинцами других районов, которые доставляли в Тоджу вьюком зерно, соль, сбрую, седла, войлок, решетки юрты, орнаментированные ящики, украшения и др. Тоджинские скотоводы обменивали пушнину, добытую ими на промысле или приобретенную у оленеводов. Некоторые скотоводы Тоджи ездили с пушниной в степные районы Тувы.

Помимо обмена внутри Тувы, тоджинцы поддерживали хозяйственные связи с русскими, китайцами, монголами, тофаларами, бурятами, дархатами.

До второй половины XIX в. посредниками в торговле между тоджинцами и бурятами выступали окинские тувинцы⁷². Однако в начале XX в. буряты сами стали привозить в Тоджу свои изделия: седла, серебряные украшения, железные наконечники для корнекопалок, кремневые ружья и др. Они развозили товары по стойбищам оленеводов и скотоводов, обменивая их на пушнину.

⁷² Г. П. Сафьянов, *Эпизод из странствий по Монголии*, — «Восточное обозрение», 1883, № 8, стр. 10.

За пушниной и рогами маралов приезжали в Тоджу китайские и монгольские купцы. Они привозили чай, табак, ткани (в том числе американского, английского и японского производства), посуду и *хан-шин* (алкогольный напиток). Китайские и монгольские купцы вели до 1912 г. торговлю, вероятно, только контрабандным путем, так как торговля с тувинцами была запрещена им цинским правительством⁷³.

В начале XX в. значительную часть товарной пушнины в Тодже скупали российские купцы, имевшие там свои фактории (Сафьянов, Кокус и др.). По данным М. Райкова (1898 г.), «четыре русских торговых заведения» вывозили ежегодно около 2000 соболей⁷⁴. Российские купцы продавали (меняли на пушнину) ткани (бязь), чай, спирт, порох, спички, муку, посуду и другие товары.

Кроме пушнины, российские купцы скупали у охотников Тоджи маральи, лосиные и конские шкуры, рога марала, струю бобра и кабарги, а также значительную часть улова рыбы. В 1915 г., по сведениям А. Ермолаева, из Тоджи было вывезено 400 шкурок соболя, 40 000 шкурок белки, 500 конских шкур, 300 маральих и лосиных шкур и 1500 пудов рыбы⁷⁵. Купцы извлекали из торговли с тоджинцами огромные прибыли. Товары продавались в три-шесть раз дороже их фактической стоимости.

В хозяйственных связях отдельных групп тоджинцев наблюдались некоторые различия. Оленеводы сумона Кара-Чоду торговали главным образом с русскими купцами и тувинцами-скотоводами долины Бий-Хема. Многие оленеводы этого сумона, особенно баи, в летние месяцы ездили к дархатам, бурятам и русским обменивать пушнину на необходимые товары. Оленеводы верховьев Хам-Сыры и истоков Бий-Хема, кроме того, имели постоянную связь с тофаларами. О связях тувинцев с тофаларами сообщает Н. Ф. Катанов: «Урянхайцы совершенно свободно разъезжают среди карагасов и, объясняясь с ними свободно, берут у них порох, свинец и хлеб; с другой стороны, карагасы разъезжают с торговой целью по урянхайской земле и привозят оттуда себе кожу, чай и иногда жен»⁷⁶. Следует отметить также, что тоджинцы приобретали у тофаларов лошадей в обмен на оленей.

Оленеводы, жившие по р. Белим, имели хозяйственные связи только с дархатами, у которых они обменивали пушнину и рога маралов на чай и некоторые другие товары⁷⁷. Оленеводы, жившие в арбане Иртиш, находились в хозяйственных сношениях преимущественно с монголами и скотоводами Тере-Холя. Со скотоводами долины Бий-Хема они были связаны только административно, а с русскими и тофаларами не имели почти никаких отношений. Оленеводы сумона Ак находились в постоянных хозяйственных связях с бурятами, что вело к заимствованию от бурят некоторых элементов их материальной культуры.

В конце XIX в. начала завязываться торговля с русским трудовым населением Тоджи, что имело большое прогрессивное значение. Скотоводы долины покупали у русских крестьян муку, выделанные кожи, косы, лодки и другие предметы, продавая им скот, мясо, пушнину. Тоджинцы учились у русского населения более высоким навыкам рыболовства и скотоводства.

⁷³ См. «Уложение Китайской палаты внешних сношений», т. II, стр. 72.

⁷⁴ М. Райков, *Отчет...*, стр. 461.

⁷⁵ Государственный архив Тувинской автономной области, ф. Р — 123, оп. 2, д. 131, л. 34.

⁷⁶ Н. Ф. Катанов, *Поездка к карагасам в 1890 году*, стр. 133.

⁷⁷ В середине XIX в. дархаты вели более или менее постоянный обмен с тоджинцами, перепродавая им китайские товары (Я. П. Шишмарев, *Сведения о дархатах-урянхайцах Ургинского хутухты*, — «Известия ВСОИРГО», т. 2, вып. 3, стр. 39). К началу XX в. торговля с дархатами значительно сократилась.

ЖИЛИЩЕ. ПИЩА. ОДЕЖДА

ЖИЛИЩА И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ

Основным типом жилища восточных тувинцев был берестяной конический шестовой чум. Только очень немногие скотоводы Тоджи жили в войлочных решетчатых юртах монгольского типа, привезенных из других районов Тувы¹.

Можно предполагать, что коническое шестовое жилище, крытое корой, было известно уже первобытному человеку. В течение многих веков, с глубокой древности и до недавнего прошлого, чум служил жилищем охотничьим народам, населявшим леса Сибири. На амулете, найденном в одном из курганов скифского времени в Туве, изображено, по-видимому, жилище, напоминающее чум². Пользовались чумом и предки тоджинцев. Рашид ад-Дин писал, что лесные урянкаты сооружали свои жилища «из коры березы и других деревьев»³. Войлочная юрта — основной тип жилища в дореволюционной Туве — для Тоджи не была характерна. Достоверные сведения о бытовании в Тодже войлочных юрт⁴ имеются только с XIX в.

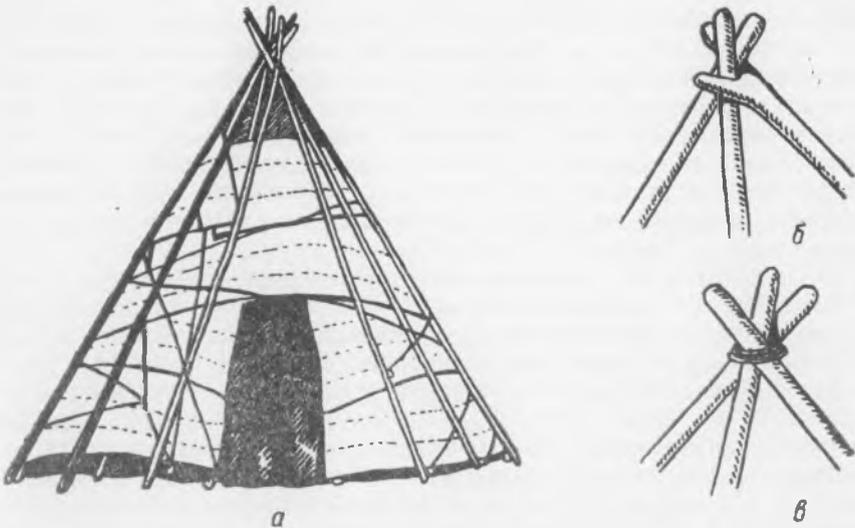

Рис. 64: а—берестяной чум охотников-оленьеводов; б и в—способы крепления основных шестов чума

Наиболее примитивной формой жилища тоджинцев был шалаш (чывыг)⁵, сооружавшийся охотниками на промысле в тайге. Охотни-

¹ По переписи 1931 г., в чумах жили 544 семьи, а в юртах — 15 семей (ТСДП, стр. 61). Ф. Кон сообщает, что даже тоджинский «огурда» жил в берестяном чуме («Экспедиция в Сойотню», стр. 153).

² С. И. Вайнштейн, *Памятники скифского времени в Западной Туве*, — рис. 4.

³ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 124.

⁴ Л. Шварц, *Подробный отчет...*, стр. 90. — В других районах Тувы войлочная юрта до недавнего времени являлась основным типом жилища.

⁵ В западных и центральных районах Тувы шалаш называется *чадыр*.

Рис. 65. Остов чума

кам-оленеводам было известно несколько типов шалашей. Сооружались они следующим образом. Выбирали дерево, имевшее сравнительно невысоко над землей (1,5—2,5 м) толстую ветвь, параллельную земле; с обеих сторон к ветви прислоняли два наклонных ряда жердей. Затем жерди покрывали сучьями и травой. Нередко на ночь делали одно-сторонний шалаш — ветровой заслон. Применяли также конический шестовой шалаш: устанавливали шест с развилкой, образующей треножник; на него с подветренной стороны накладывали шесты, сучья или кору.

Чум тоджинцев (*алажы-өг*)⁶ имел конусообразную форму (рис. 64). Высота чума составляла 3—4,5 м. Диаметр основания — 4—5,8 м. Остов чума состоял из конически установленных по кругу жердей (*алажы*), верхние концы которых сходились (рис. 65). В зависимости от размеров жилища число жердей в чуме оленеводов колебалось от 15 до 30, а в чуме скотоводов доходило до 50. Три жерди (*сербенги*) были основными и определяли расположение остальных. Существовало два способа скрепления концов основных жердей. При первом способе жердь с развилкой (*алажы аксы*, или *суран*) устанавливали слева от предполагаемого входа, который ориентировали на юг. Оленеводы в отличие от скотоводов не придерживались строгой ориентировки жилища входным отверстием на юг. В развилку вкладывали две другие жерди; их нижние концы устанавливали как бы в вершинах равнобедренного треугольника, вписанного в основание чума. При втором способе постройки основные жерди чума связывали в верхней части куском волосяного аркана или кожи (связка *сербеңи баглаар*). Три основные жерди обкладывали по кругу шестами.

С мая по октябрь оленеводы пользовались покрывками из бересты (*тос шывыг*). В отличие от оленеводов скотоводы круглый год применяли берестяные покрывки (*тос*).

⁶ *Алажы-өг* — можно перевести как юрта из жердей. *Алажы* — жердь, *өг* — юрта.

Берестяные покрышки обычно укладывали следующим образом. Вначале на остов клали по кругу покрышки (*адакы шывыг*) нижнего яруса. Поверх нижнего яруса укладывали несколько рядов покрышек (*узун тос*) среднего яруса. Вокруг дымового отверстия (*дундук*) укладывали верхний ярус (*дундук тозу*). В хорошую погоду *дундук тозу* убирали, а в плохую, дождливую, устанавливали вновь. Обычно чум имел пять—семь рядов покрышек. Поверх покрышек накладывали небольшие жерди (*базырткы*). Каждая покрышка была сшита из трех отдельных полос бересты, носивших название «*чаңгыс хадын кежи*» (береста одной березки). Для скрепления их с жердями чума на боковых сторонах покрышек имелись небольшие волосяные веревочки.

В холодное время года, с осени и до весны, оленеводы применяли покрышки (*кышкы шывыг*), сшитые из кож. Для одного чума требовалось пять кожаных покрышек. Покрывали чум следующим образом. Внача-

ле у основания чума, с правой стороны от входа, два человека натягивали на остов одну покрышку, а ее края привязывали к остову чума специальными кожаными шнурками (*алгы баа*). Затем вторую покрышку прикрепляли слева от входа, а третью — к задней части каркаса. После укрепления нижнего ряда (*адакы шывыг*) приступали к укладке покрышек верхнего ряда (*дундук шывыг*). Четвертую и пятую покрышки вначале привязывали к жердям, а затем поднимали и устанавливали на каркасе (рис. 67).

По краям входного отверстия устанавливали две жерди. На высоте 150—180 см от земли к этим жердям прикрепляли двумя ремешками кусок выделанной кожи (из целой шкуры лося, от которой отрезали лишь *камусы*), служивший дверью. В средней части кожи горизонтально привязывали палку (*эжик ыяжы*), которая удерживала кожу в определенном положении. При входе и выходе из чума эту палку вместе с кожей приподнимали. Нередко на внутренней стороне двери для украшения пришивали пучки кожаных ремешков.

Берестяные покрышки (обычно длиной 4,2—4,7 м, шириной 0,9—1 м) шили женщины (рис. 69). Приступая к изготовлению покрышек, рулон обработанной бересты разматывали и обрезали по краям. Затем из трех кусков бересты нитями из овечьей шерсти сшивали одну покрышку. По краям ее обшивали длинной узкой полоской бересты, сложенной вдвое. На порванные места и на отверстия от сучков нашивали берестяные заплатки. Обычно одну покрышку использовали не более двух-трех лет.

Зимние покрышки шили из кожи лося, марала или оленя сухожильными нитями. Для изготовления одной покрышки требовалось пять кож. Кожаные покрышки использовали около десяти лет. При перекочевках свернутые покрышки перевозили выюком, каркас чума оставляли на месте.

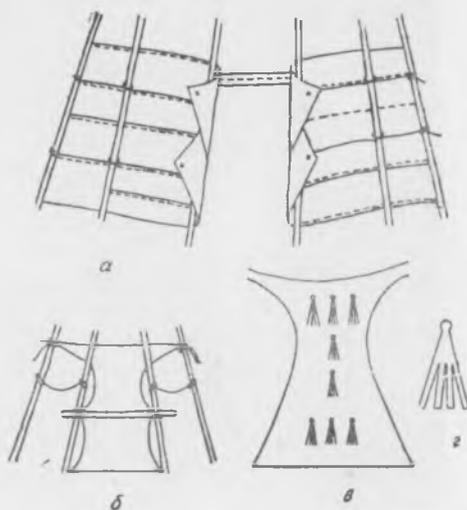

Рис. 66. Детали устройства входа в чум (внутренняя сторона жилища): а — крепления покрышек у входа; б — крепления куска кожи, прикрывающей вход; в, г — украшения на «двери»

Рис. 67. Покрытие чума кожами

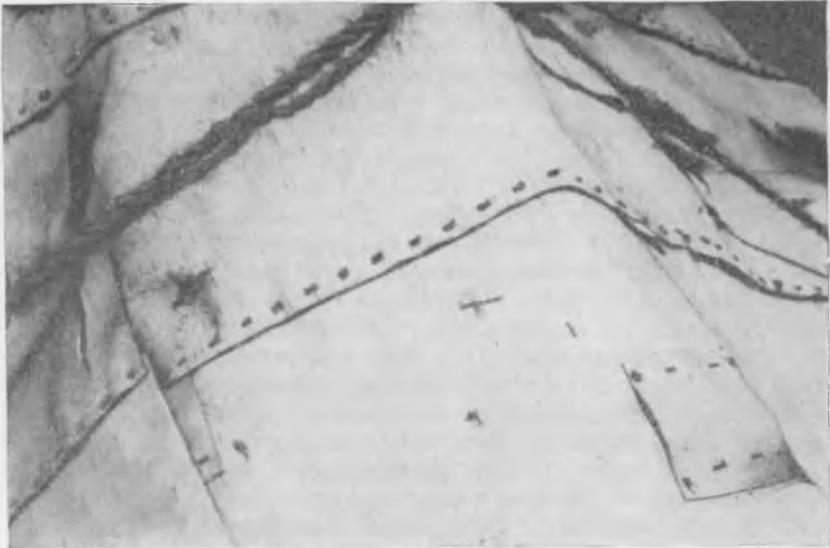

Рис. 68. Шов на берестяной покрывке чума

Рис. 69. Сшивание полос выделанной бересты

Рис. 70. Чум, покрытый кожами

Рис. 71. Чум, крытый корой лиственницы

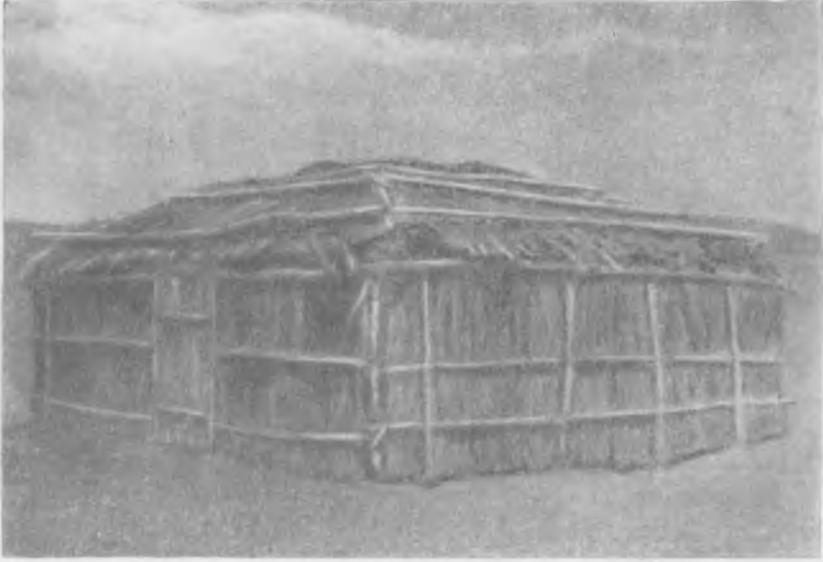
В конце 20-х годов XX в. некоторые скотоводы, перешедшие к оседлой жизни, начали покрывать чумы не берестяными покрывками, а корой лиственницы (рис. 71). Ранее такой способ покрытия чума применяли очень редко. Трапециевидные куски коры (*шаңда*)⁷, снятой с лиственницы, черепицеобразно укладывали на остов чума (*шаңда-өг*). Вначале укладывали нижний ряд коры, затем следующий, всего три-четыре ряда. Кору прижимали к дереву жердями. Позднее некоторые семьи оседлых тоджинцев начали сооружать также четырехстенные жилища с каркасом из жердей, крытые корой (*борбак-өг*). Решетчатые войлочные юрты (*тербе-өг*)⁸ встречались у скотоводов Тоджи очень редко, пользовались ими только немногие богатые скотоводы.

Постоянных жилищ тоджинцы не сооружали. Но уже в конце XIX в. некоторые семьи скотоводов имели на зимниках примитивные однокамерные срубные жилища без окон с очагом на земляном полу (рис. 73). В начале XX в. на зимниках отдельные скотоводы начали делать пяти- и шестиугольные срубные юрты (рис. 74), заимствованные у бурят.

В центре чума оленеводов, над очагом, висел бронзовый котел с двумя ушками, подвешенный на цепи (*илчирбе*), которая укреплялась на жерди (*чаъйан*) при помощи волосяной веревки. Верхний конец

⁷ В центральных районах их называют *какпаш*, а чум, крытый корой лиственницы, — *какпаш-өг*.

⁸ В других районах Тувы ее называют *кидис-өг* — войлочная юрта или просто *өг*. Здесь название для юрты заимствовано из монгольского языка, где *терме* означает решетку. В Туве была распространена войлочная юрта монгольского типа. Ее цилиндрический остов состоял из четырех — шести складных решеток (*хана*) и двери. Верхняя, коническая часть юрты состояла из 60—70 тонких деревянных жердочек, нижняя часть которых скреплялась с решетчатым остовом, а верхняя вставлялась в отверстия деревянного круга — *тоона* (в западных районах его называют *хараача*), являющегося своеобразным куполом. Сверху юрту покрывали двумя кошмами, а по стенам — тремя-четырьмя кошмами. Дымовое отверстие прикрывали четырехугольной кошмой.

а

б

Рис. 72: а — четырехстенное жилище; б — его каркас

Рис. 73. Срубное жилище на зимнике

Рис. 74. Шестиугольная срубная юрта

чабйан лежал на скрещении жердей остова чума, а нижний упирался в землю рядом с очагом.

Правая половина жилища считалась женской (*паштаныр чук* — «кухонная сторона»), здесь хозяйка готовила пищу, шила одежду и выполняла все прочие домашние работы. К жердям на крючках из оленьего рога и дерева (*аскы*) были подвешены берестяные сосуды, привязаны кожаные мешки с молоком, пузыри с жиром, мешочки из шкур для муки, чая и соли, матерчатые мешочки с сыром и т. д. У очага лежали деревянные корытца (*теспи*). Если в семье были грудные дети, то берестяную люльку также привязывали к жердям правой стороны чума.

Члены семьи спали на земляном полу, подложив под себя шкуры и укрывшись шубами. Хозяин и хозяйка лежали на женской половине, остальные члены семьи располагались на свободных местах вокруг очага. Сторона напротив входа (*төрлүг чук*) считалась почетной, здесь сидел хозяин и наиболее почетный гость (справа от хозяина), левая половина жилища считалась мужской (*эр чарык*). Здесь лежало имущество, в том числе оружие, сеть.

Большая часть имущества оленеводов находилась в специальных парных вьючных сумках (*барба*), которые шили шерстью наружу из лосиных камусов и кусков кожи. При перекочевках их скрепляли арканами и навьючивали на оленя по обе стороны грузового седла (для перевозки груза на лошадях оленеводы пользовались небольшими парными вьючными сумками *ачымак*, сшитыми из обработанных шкур копытных). *Барба* стояли в чуме на жердях, лежащих вдоль стен. Обычно семья имела шесть — пятнадцать *барба*, уложенных вдоль стен жилища в два ряда. Семьи баев имели до двух — трех десятков *барба*.

Вдоль стен поверх *барба* лежали верховые и вьючные седла, ружья, мелкая утварь.

Для хранения мелких вещей использовали небольшие деревянные ящики. Нитки, иголки, пуговицы и отдельные лоскутки материала хранили в небольших мешочках (*үнчүек*), сшитых из камуса лося. Оленеводы нередко вырезали из рога марала небольшие орнаментированные игольники (*инелик*).

Посуда оленеводов (кроме котла) изготовлялась из дерева, бересты, кожи и некоторых внутренних органов животных. Из бересты делали *соо* — ведро для хранения оленьего молока и воды. Маленькие *соо* (высота их не превышала 10—15 см) применяли при дойке оленей. Тоджинцы использовали также *соо* значительно больших размеров. *Соо* изготовляли женщины обычно в июне — июле. *Соо* украшали орнаментом, выдавленным зубами.

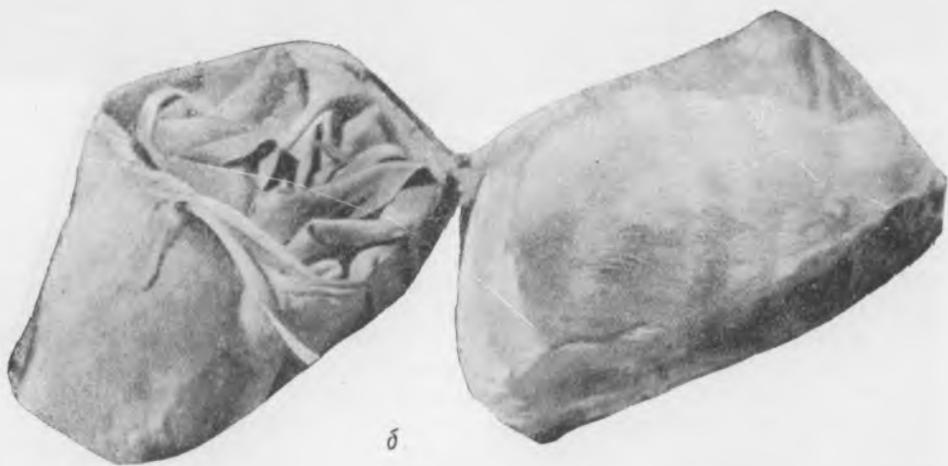
Для хранения жидкости применяли также цилиндрические сосуды (*хууң*), выдолбленные из березы или тополя, высотой 20—30 см, ши-

Рис. 75. Подвешенный к жерди котел (у оленеводов)

а

б

в

г

Рис. 76. Вьючные сумы барба; а и б — из камусов; в — из камусов с украшениями у оленеводов; г — из коровьей кожи у скотоводов

риной 10—12 см. Эти сосуды часто украшали резными орнаментами. Для изготовления *хууц* специальной стамеской (*унгу*) выдалбливали круглый кусок дерева, к низу которого прикрепляли ивовыми прутьями плоское деревянное дно.

В начале XX в. были распространены заимствованные от русских цилиндрические сосуды (*туус*) из бересты с деревянным дном, предназначенные для хранения различных продуктов.

В каждом хозяйстве непременно имелось несколько деревянных и берестяных корытообразных сосудов (*одуш*), куда клали мясо, рыбу и другие продукты. Берестяные *одуш* изготовляли мужчины: отрезали прямоугольный кусок бересты, сгибали его по углам и закрепляли сгибы ивовым лыком. Затем из ивового прута делали кольцо (*дээрбек*) по размеру *одуш* и прикрепляли его к бересте лыком.

Из бересты изготовляли небольшие чашки (*шомук*), а из наростов (*уру*) на березовых деревьях — чашки (*ыяш аяк*), из которых пили чай и мясной бульон.

Для хранения молока в пути оленеводы применяли специальный сосуд (*хөгээр*). Его изготовляли из кожи, снятой с задних ног лося. Если этим сосудом не пользовались, его набивали иглами лиственницы или кедра, чтобы сохранить форму, и подвешивали к жердям чума.

В мешочках (*хан*) различного размера, спитых мехом наружу из шкуры оленя, лося, косули, оленеводы держали соль, чай, муку, зерно и т. д. Для хранения жидких продуктов применяли также сосуды, сделанные из пузыря, кишечника и желудка животных.

Клубни сараны собирали в сумку (*кымзар*) длиной 25—30 см и шириной 35—42 см, сплетенную из сухожильных шнурков. Ее верхний край оторачивали полоской кожи. Посредине сумки проходил продольный пучок шнурков, который с обеих сторон был переплетен шнурками ячеяного плетения *кымзарá*. Подобная же сумка известна у хакасов (сагайцев) ⁹.

Для толчения сараны применяли деревянные колотушки, которые делали из куса ствола, отрезанного вместе с основанием ветви, или из куса корня. Колотушки делали также из рога марала. Сварившееся мясо извлекали из котла костяными или железными крючками (*илбек*) либо медной ложкой (*шуур*) с отверстиями. Ее приобретали у бурятских купцов. Для этих же целей применяли ковши (*ыяш шуур*), сделанные из березы. Котел с огня снимали крючком (*хуна*), изготовленным из оленьего рога.

У скотоводов утварь была разнообразнее. В центре жилища помещался железный таган, на котором стоял железный котел. Справа от входа в жилище обычно находился посудный шкаф (*үлгүүр*) с двумя-тремя дощатыми полками на четырех деревянных ножках. Напротив входа стояли дощатые крашенные сундуки (*аптыра*) для хранения вещей. Их передние стенки обычно были покрыты орнаментом. Некоторые семьи имели сундуки с выдвигаемыми ящиками (*шургулга*). Мелкие вещи хранили в небольших дощатых ящиках (*хааржак*), которые ставили поверх *аптыра*.

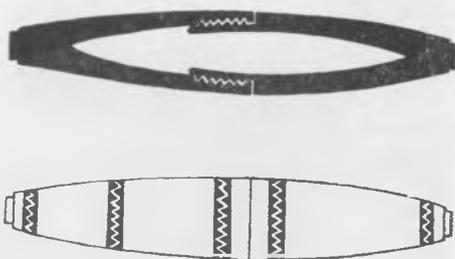

Рис. 77. Роговой орнаментированный игольник

⁹ А. А. Попов, *Плетение и ткачество у народов Сибири*, — сб. МАЭ, XVI, М.—Л., 1955, стр. 114, 115, табл. 23, рис. а.

Рис. 78. Берестяные сосуды: а — шомук; б — одуш; в — соо

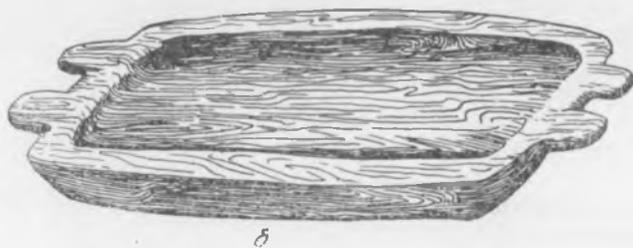
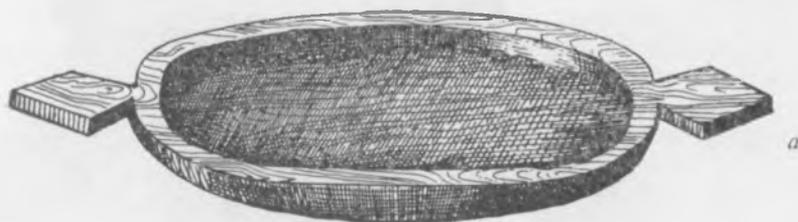

Рис. 79. Деревянные сосуды: а —
ыяш аяк; б — теспи

Рис. 80. Деревянные орнаментированные сосуды

На женской половине жилища рядом с сундуками устанавливали кровать (*орун*) очень простой конструкции: на поставленную ребром доску (длиной до 2 м, высотой около 20 см) клали поперек три короткие дощечки, задние концы которых опирались на деревянные колышки, вбитые в землю; поверх клали несколько досок. Иногда кроватью служили продольные доски, уложенные на чурки. На кровати спали муж и жена. В жилище скотоводов имелась обычно только одна кровать, редко две — вторая для взрослой дочери. Остальные члены семьи спали на полу. Матрацем (*дөжбек*) и одеялом (*чоорган*) служили шкуры животных. Подушка (*сыртык*), сшитая из кожи, имела вид валика.

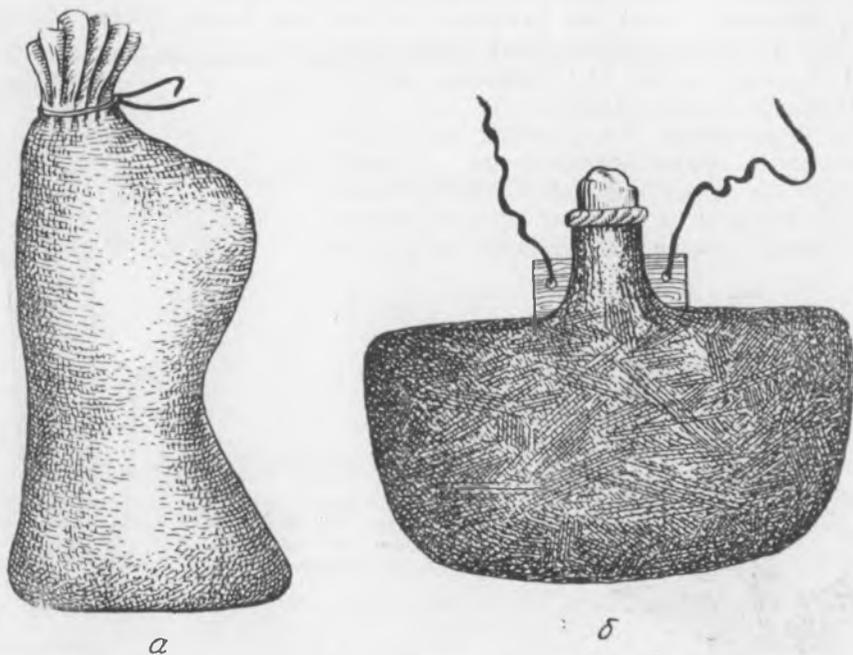

Рис. 81. Кожаные сосуды хөгээр: а — у оленеводов; б — у скотоводов

Рис. 82. Мешки хап из шкур

Вдоль левой (западно) стены (чук) жилища скотоводов лежали доски, опиравшиеся на деревянные столбики. Поверх досок клали наполненные вещами выючные сумы (барба), сшитые из коровьих кож. На них лежала одежда и различные хозяйственные вещи, прикрытые обычно куском ткани или выделанной шкурой.

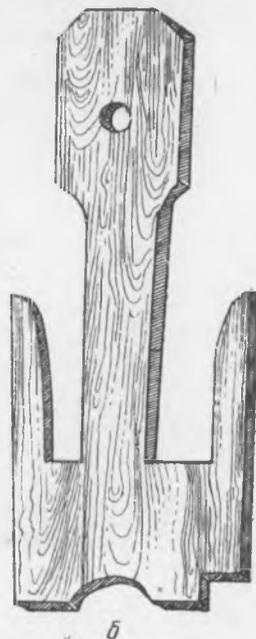
В жилищах зажиточных семей на пол клались войлочные коврики (ширтек), которые тоджинские скотоводы сами не изготовляли, а приобретали в обмен на пушнину у тувинцев других районов.

Скотоводы применяли берестяные сосуды, деревянные чашки (ыяш аяк), мешочки (хап) из камусов косули или лося, сумки (кымзар) для сбора сараны, перекидные сумы (таалың) из кожи лося или марала, мешки (тулун) из кожи кабарги.

Для хранения и перевозки жидкостей применяли орнаментированные фляжки (хөгээр) из кожи коровы, а также выделанные желудки и мочевые пузыри животных, овечьи кишки. Вырезанные у убитых

Рис. 83. Крюки для подвешивания сосудов: а — из рога, б — из дерева

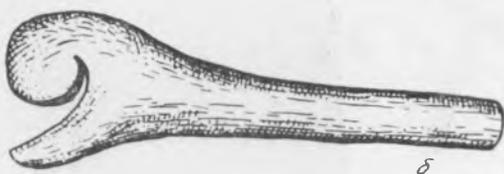

Рис. 84: а — деревянное сито; б — роговой держатель для котла

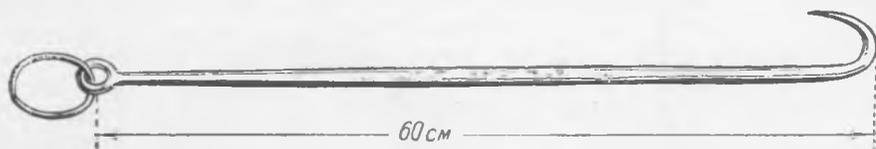
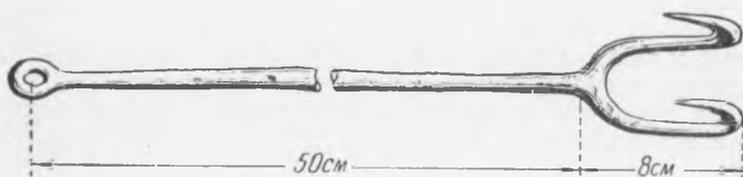

Рис. 85. Крюки для извлечения мяса из котла

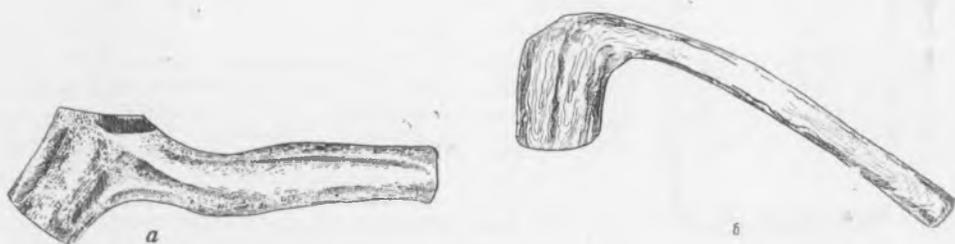

Рис. 86. Колотушки: а — из рога марала; б — из корня лиственницы

животных желудки (*хырын*), мочевые пузыри (*сыңый*) и кишки (*шөй-унду*) тщательно мыли теплой водой, надували воздухом и коптили на дыму. Некоторые семьи скотоводов имели деревянные ступки (*сокташ*) для толчения зерна, приобретаемого у тувинцев других районов в обмен на пушнину.

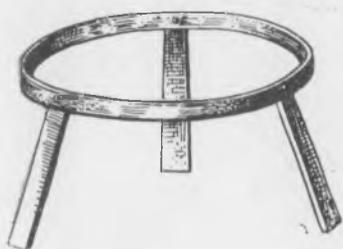

Рис. 87. Железный таган

Рис. 88. Подушка

В размещении людей в жилище существовала определенная традиция. Хозяин сидел напротив входа на почетном месте (*төр*), слева от *антыра*. Хозяйка находилась обычно перед кроватью у очага, рядом с ней располагались дети. Гости сидели по левую сторону от очага, ближе к почетному месту.

В жилищах бедняков путешественников всегда поражала страшная нищета, очень небольшое количество утвари. Некоторые крупные

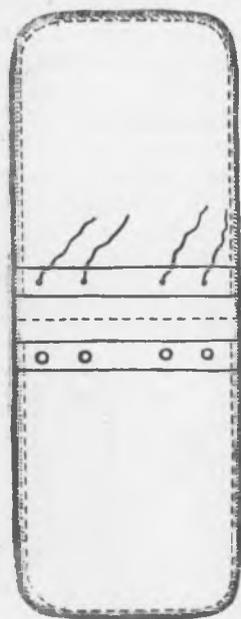

Рис. 89. Перекидная сума

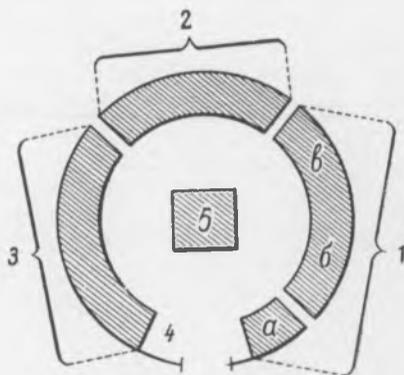

Рис. 90. План размещения в чуме оленеводов: 1 — женская сторона: а — место для посуды; б — для хозяйки; в — для детей; 2 — почетная сторона (место хозяина и наиболее почетного гостя); 3 — мужская сторона (здесь лежит основное имущество, в том числе «мужское» — ружье, самострел, сеть); 4 — место собаки; 5 — очаг

Баи жили не в чумах, а в войлочных юртах; на полу лежали войлочные коврики, на посудных шкафах красовалась металлическая и фарфоровая китайская посуда.

К тоджинцам вполне можно отнести горькие слова известной русской путешественницы А. В. Потаниной, наблюдавшей быт тувинцев

в конце XIX в.: «Урянхайцы бедны, и, что еще хуже, они неравномерно бедны; между ними замечается резкая имущественная разница: есть богачи, и в то же время многие буквально ничего не имеют, живут в бревенчатых шалашах — *альянчиках*, покрытых древесной корой, и питаются лишь тем, что добудут на охоте или в лесу: кореньями, орехами, листовичной корой. Многие проживают всю жизнь, не обзаведясь семьей. Нам случалось заглядывать в альянчики таких звероловов. Часто трудно решить, — жилой он или оставленный; иногда вся домашняя утварь состоит из сшитых из бересты корытец, употребляемых при еде, да железного котелка, который владельцем иногда носится с собой, чтобы служить ему во время охоты. Князья же урянхайские живут богато; их окружает многочисленная челядь, и в их сундуках скопляются дорогие уборы и безделушки из нефрита, сердолика, ляпис-лазури и других ценимых ими камней в несколько сот рублей. Их любимое времяпровождение — игра в шахматы, причем проигрывают иногда целые табуны лошадей»¹⁰.

ПИЩА

Из китайских хроник известно, что дубо питались мясом животных, дичью, рыбой и корнями сараны¹¹. Рашид ад-Дин отмечает, что лесные урянкаты употребляли также молочную пищу¹². Эти же продукты составляли основную пищу тоджинцев и в начале XX в.

Мясо имело весьма существенное значение в питании тоджинцев. Они употребляли мясо домашних животных, диких оленей, марала, лося, козули, кабарги, кабана, медведя, зайца, белки, рыси, а также глухаря, тетерева, рябчика, утки, гуся. Как оленеводы, так и скотоводы питались главным образом мясом диких животных.

Сняв с убитого на охоте зверя шкуру и вскрыв полость живота, вынимали внутренности и вырезали печень. После этого тушу разделяли в определенном порядке: сначала разрубали вдоль грудную часть, срезали ребра, затем отрезали передние (с лопатками) и задние ноги и, перевернув тушу, обрезали шею, оставляя голову вместе с горлом и легкими. В последнюю очередь разрубали оставшуюся часть туши.

Баранов и овец резали своеобразным способом. Животное опрокидывали на спину, мужчина садился на брюхо и, взяв в левую руку передние ноги, правой распарывал ему грудную полость, после чего вводил туда руку и разрывал артерию рядом с сердцем¹³. Такой способ закалывания барана сохранялся в начале XX в. у южных алтайцев, хакасов и бурят¹⁴, но его применяли только в отношении жертвенных животных. При убое лошадей и коров их оглушали ударом по голове, затем упавшему животному ножом перерезали сонную артерию.

Лучшими частями считались грудинка, задняя часть туши (*ужа*), лопатка, мозг. Кровь также шла в пищу.

Женщины наполняли очищенные кишки и желудок кровью животного (овец и баранов). Сгустки свернувшейся крови (*кадыг хан*, т. е. густая кровь) клали в *мөөн* — двенадцатиперстную кишку и опускали в кипящую воду. Жидкую кровь (*суук хан*) наливали в сычуг (*чу-*

¹⁰ [А. В. Потанина], *Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю*, М., 1895, стр. 70.

¹¹ Н. Я. Вичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

¹² Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 123, 124.

¹³ Нередко в забое участвовало двое мужчин — один держал животное, а другой закалывал.

¹⁴ Л. П. Потапов, *Пища алтайцев*, — сб. МАЭ, XIV, 1953, стр. 54; Е. Яковлев, *Этнографический обзор...*, стр. 102; С. Шашков, *Шаманство в Сибири*, — ЗРГО, II, СПб., 1864, стр. 88.

мур) — верхнюю часть желудка. Узкую часть сычуга протыкали заостренной палочкой (*дээшкин*) и обматывали салом (*эдирчаг*), снятым с поверхности желудка, а поверх тонкими кишками (*чиңге шөйүндү*). В результате получалось блюдо *дээшкин*. Варенный с кровью желудок также употребляли в пищу.

Готовили также своеобразную ливерную колбасу *кургулдай*. Для этого прямую кишку (*чоон шөйүндү*) набивали нарезанной тонкими полосками брюшиной (*шандыр*), диафрагмой (*баар эди*), тонкими кишками, частью желудка жвачного животного (*кергиек*) и варили в котле.

Домашнего оленя разделявали таким же образом, как и других домашних животных. Аналогичным способом приготавливали *кургулдай* и кровяную колбасу (*хан*); варенный с кровью сычуг носил название *чумур ханы*. Верхнюю часть сычуга, проткнутую палочкой и обмотанную салом, называли *хан аксы*. В день, когда закалывали оленя, ели грудинку и блюда, приготавливаемые с кровью (*хан* и др.), в последующие дни съедали голову и оставшееся мясо.

На охоте в летние солнечные дни мясо иногда сушили. Для этого его нарезали мелкими кусочками, натыкали на ветки и вешали на протянутую между деревьями веревку. Скот, убитый молнией, тоджинцы, как и все остальные тувинцы, в пищу не употребляли, даже избегали близко к нему подходить. Запрет употреблять в пищу домашних животных, убитых молнией, весьма древен¹⁵.

Варили мясо небольшими кусками в котле со слегка подсоленной водой. Жареное мясо употребляли гораздо реже вареного. Мясо жарили на длинных палочках (*шиш*), которые втыкали у очага.

Жир растапливали в котле, смешивая его с мукой, и в таком виде хранили в сосудах из желудка или кишечника копытных.

Сушили мясо очень редко: только когда его было слишком много. Мясо нарезали кусками и либо солили и вешали в тени на ветки деревьев, либо коптили у дымового отверстия чума. Зимой мясо и внутренности животных сохраняли в замороженном виде (замороженное мясо — *үүже*, замороженные внутренности — *хырмача*).

Зимой скотоводы, съев мясо, костей не выбрасывали, а хранили на холоде, весной же, когда обычно наступал голод, из них варили бульон.

Во время еды в жилище мясо раздавала хозяйка. Первым получал мясо глава семьи, ему доставалась обычно грудная кость, затем получали свою долю мяса остальные члены семьи. Если присутствовали гости, то грудинку отдавали наиболее почетному из них. Мясо раздавали в деревянных чашках. Бульон (*мүн*) пили после того, как съедали мясо и жир.

Скотоводы зимой и осенью варили суп (*дорашкылыг мүн*) из мелко нарезанного мяса и сушеной сараны.

Способы приготовления мясной пищи у тоджинцев характерны и для других районов Тувы.

Дичь употребляли в пищу очень редко.

Молоко олений пили в кипяченом виде. Бедняки обычно пользовались молоком лишь для заправки чая.

Из оленьего молока приготавливали сладковатый сыр (*быштак*), одно из самых любимых кушаний оленеводов. Слегка сквашенное сырое молоко (*ажыг сүт*) смешивали со свежим и кипятили до тех пор, пока не всплывала густая творожистая масса. Деревянной ложкой вычерпывали сыворотку (*сарыг-сүг*), которую сливали в берестяной сосуд *соо*, а творожистую массу перекладывали в мешочек из ткани и вешали в чуме. Через несколько дней *быштак* считался готовым.

¹⁵ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 65.

Из оленьего молока приготавливали также простоквашу (*тарак*). Для этого в сырое оленьё молоко наливали теплую воду (две части молока, одна часть воды) и устанавливали на сутки у очага в накрытом шубой сосуде.

Лакомым блюдом у оленеводов считался *сөөкей* (в других районах — *итпек*), изготовленный из снятой с *тарак* сметаны, которую кипятили в котле, смешивая с мукой.

В холодные осенние дни оленеводы начинали запасать молоко на зиму, замораживая его в *соо*, очищенных кишках (*шөйүндү*) и желудках; сосуды с молоком вешали на деревьях.

В питании скотоводов молочная пища имела большее значение, чем у оленеводов. Скотоводы употребляли в пищу кипяченое молоко коров, кобыл, коз и овец. Но в большинстве семей из-за недостатка молока неразбавленный его пили только дети. Исключение составляли семьи баев.

Из коровьего молока скотоводы приготавливали следующие продукты: *саржаг* — масло, *өрөме* — сливки (пенки с кипяченого молока), *хойтпак* — кислое, забродившее молоко, *тарак* — простоквашу, *быштак* — сладковатый сыр и *арага* — молочную водку. Из кобыльего молока приготавливали также кумыс (*хымыс*), но он был в Тодже мало распространен и его пили только богатые скотоводы. Осенью скотоводы запасали коровье молоко в замороженном виде.

Для получения масла с остывшего кипяченого молока снимали сливки (*өрөме*) и хранили в деревянном (*теспи*) или берестяном корытце (*одуш*)¹⁶. Бедняки, имевшие мало молока, собирали сливки неделями. Сливки снимали также с сырого скисшего молока. Собранные в достаточном количестве сливки переливали в котел и около получаса размешивали, добавляя сырую воду; затем ставили на огонь и подогревали, снимая всплывавшее наверх масло ложкой; при этом на дно сосуда оседал творог (*чөкпек*). Прокипятив масло, его остужали и сливали для хранения в посуду (желудок, пузырь или овечьи кишки). Аналогичный способ приготовления масла был известен также у алтайцев и хакасов¹⁷. Образовавшейся при изготовлении масла пахтой (*үс хоюу*) смазывали вымя коровы.

Масло ели с жареным толченым просом (*тараа*) и толченым ячменем.

¹⁶ У тувинцев центральных и западных районов пенки сливали в деревянные корыта (*теспи*) или в деревянные ведра с берестяным дном (*идиш*).

¹⁷ Л. П. Потапов, *Пища алтайцев*, стр. 44, 50, 57; А. А. Кузнецова, *Жилище, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев*, Красноярск, 1898, стр. 183. — У алтайцев, хакасов и халха-монголов сливки, пенки с кипяченого молока также носят название *ёрёме* (А. В. Бурдуков, *Значение молочных продуктов у монголов*. — СЭ, 1936, № 1, стр. 125).

Рис. 91. Наполнение кожного сосуда хөгээр молоком (у оленеводов)

Хойтнак изготовляли из кипяченого молока после снятия *өрөмө* либо из нагретого сырого молока, которое сливали, смешав со старым *хойтнаком*, в деревянный бочонок (*доскаар*), обмотанный шкурой. Этот вид молочной пищи издавна известен у кочевых народов под разными названиями. У хакасов — *айран*, у алтайцев — *чиген* и т. д.¹⁸

Скотоводы для получения простокваши (*тарак*) коровье молоко кипятили и сливали в берестяной сосуд, где имелось немного закваски. Скисшее молоко перемешивали, добавляя иногда свежее молоко. Образовывалась творожистая масса с горьковато-кислым вкусом, которую употребляли в пищу.

Для приготовления сыра *быштак* в кипящее молоко заливали *хойтнак*, образовавшийся творог складывали в мешочек из ткани и подвешивали. Через несколько часов *быштак* считался пригодным к употреблению.

Арагу — молочную водку делали обычно из *хойтнака*, который наливали в большой котел, установленный над очагом. На котел ставили *бүлгээр*¹⁹ — деревянный цилиндр (наподобие кадучки, но без дна) диаметром несколько меньше, чем у котла. Отверстие, образовавшееся между котлом и цилиндром, закладывали тряпками, а иногда замазывали глиной. На *бүлгээр* клали сверху котел меньшего размера (*чылапча*), наполненный водой, которую по мере нагревания постоянно заменяли холодной водой. В *бүлгээр* имелось отверстие, через которое была выведена трубочка (*шорга*). Нагретый *хойтнак* начинал испаряться, конденсируясь в виде капель араги на охлажденной поверхности верхнего котла, и постепенно, капля за каплей, стекал по *шорга* в поставленный рядом сосуд. В нижнем котле во время перегонки на дно оседала жидкая творожистая масса (*божа*), которую затем переливали в матерчатый мешочек для получения кислого творога (*ааржы*), употреблявшегося в пищу как в свежем, так и в сушеном виде. Сушили *ааржы* под открытым небом на шкуре. У хакасов этот продукт носит название *арчы*²⁰, у монголов — *арча*²¹. *Арагу* аналогичным способом изготовляли также из кумыса. Перегоняли *арагу* в юрте, а иногда под открытым небом.

Рыбная пища занимала в рационе тоджинцев незначительное место. Употребляли хариуса (*кадыргы*), ленка (*мыйыт*), тайменя (*бел*), щуку (*шортан*), сига (*ак балык*), окуня (*алабуга*). Обычно рыбу жарили, нанизав несколько штук на палочку, над очагом в чуме или у костра на открытом воздухе²². Некоторые оленеводы изготовляли также суп из рыбы (ее варили в подсоленной воде).

Большинство тоджинцев-скотоводов впрок рыбу не заготавливало. Исключение составляла небольшая группа (20—25 семей) бедняков, постоянно обитавших вблизи озер. Рыболовство имело для них перво-степенное значение. Летом они заготавливали рыбную муку из сига и щуки. Вытащив внутренности и икру рыбы, разрезали спинку, нанизывали на длинные палки и сушили в течение 15—20 дней. Когда естественная сушка считалась оконченной, рыбу просушивали дополнительно у очага примерно полтора часа до приобретения ею желто-бурой окраски. Затем ее толкли на камне, превращая в муку (*оржа*), которую хранили до зимы. Рыбную муку употребляли вместе с чаем, иногда из нее варили похлебку.

Богатые скотоводы Тоджи употребляли в пищу в небольшом количестве мучные изделия и просо, которое вначале варили, а затем не-

¹⁸ Д. В. Адрианов, *Айран в жизни инородцев*, — ИРГО, XXXIV, стр. 490—492.

¹⁹ В западных районах *бүлгээр* носит название *шууруун*.

²⁰ А. А. Кузнецова, *Жилище, одежда и пища...*, стр. 188.

²¹ А. В. Бурдуков, *Значение молочных продуктов...*, стр. 126.

²² В центральных районах Тувы рыбу жарят главным образом в золе очага.

большими порциями поджаривали в котле. Зерно толкли в деревянной ступе (*сокташ*, в других районах — *согааш*) пестом (*мончуун*, в других районах — *бала*) (рис. 92). Муку жарили на очаге в котле. Жареную муку (*хоорган долгайаа*, *далган*) ели с чаем. Из муки готовили *боорзак* (раскатанное тесто разрезали на небольшие прямоугольные кусочки и жарили в кипящем масле), лепешки (*боова*), жаренные на масле в котле, и лепешки (*хаарган далган*), печенные без масла. Из муки делали также лапшу. Ее варили вместе с мелко нарезанным мясом.

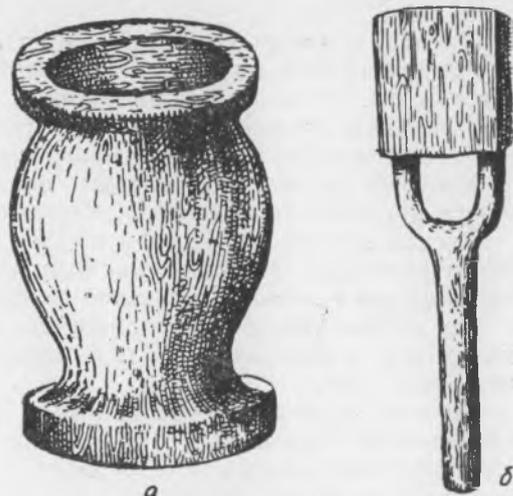

Рис. 92: а — деревянная ступа; б — пест

Растительная пища тоджинцев состояла в основном из высушенных луковиц сараны (мелкая белая — *урун ай*, и крупная темноватого цвета — *кара ай*). Были известны два способа сушки сараны. При одном способе луковицы мелко нарезали и сушили в течение дня на солнце,

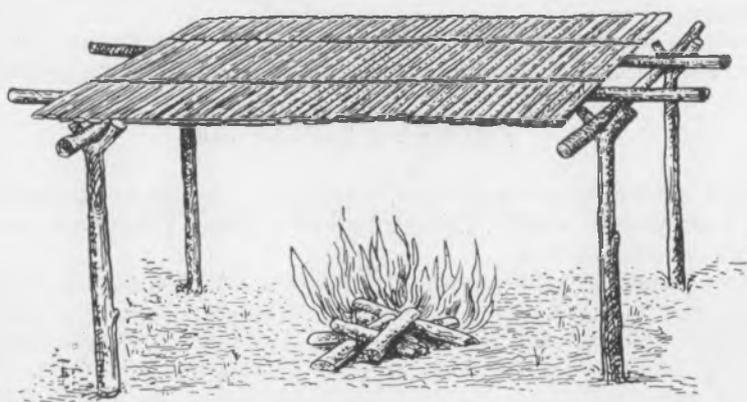

Рис. 93. Сооружение для сушки сараны

разложив на полосах бересты или в берестяном корыте. При другом — применявшемся реже, луковицы высушивали на специальном сооружении (*аврга*)²³, под которым близ чума разводили небольшой костер. Если шел дождь, то сушили над очагом в чуме. Высушенную сарану хранили в *барба*. Применение сараны было разнообразным: сушеную сарану ели с чаем; из толченой варили густой кашеобразный суп (*ай-*

²³ Сооружение состояло из листа — *аткыс* (длина 1,7 м, ширина 1 м), сделанного из драпок лиственницы, связанных волосяной нитью. *Аткыс* устанавливали на четырех ножках-подставках (*адагаш*), сделанных из жердей с развилками в верхней части. На жерди укладывали вначале горизонтальные палочки: две продольные — *аврга* (длина 1,7 — 2 м) и две поперечные — *челдер* (длина 1 — 1,3 м). *Аткыс* после употребления можно было легко свернуть в рулон и в таком виде, привязав к вьючному седлу, перевозить во время кочевков.

лыг будаа), в который иногда добавляли оленьё молоко; сушеную сарану брали с собой на охоту. Луковицы ее употребляли и испеченными в золе очага. Питались также корнями некоторых других растений.

Луковицы кандыка (*бес*) собирали в основном скотоводы. *Бес* сушили, затем толкли и варили из него кашу.

Употребляли в пищу кедровые орехи (*кузук*), а также стебли зонтичного растения (*хымыскайк*). Ягоды ели, но специально не собирали.

Весной делали на березах надрезы; собирали березовый сок (*чу-лук*) и пили его. Этот напиток был известен еще в древности. О его употреблении у лесных урянкатов сообщает Рашид ад-Дин²⁴.

Во время перекочевок тоджинцы ели, как правило, два раза в день: утром и вечером. Они пользовались обычно зеленым китайским плиточным чаем.

Многие оленеводы употребляли и дикий чай-болотник (*черлик шай*) *Geranium sylvaticum*, растущий преимущественно в сырых местах. Для приготовления чая пользовались также листьями бадана, а также корнями и листьями некоторых других растений, которые дети и женщины собирали осенью. Особенно много чаю выпивали, когда не хватало продуктов, не было мяса и сараны. Наиболее употребительным напитком был соленый чай. Эта черта в быту оленеводов — подавлять чувство голода обильным чаепитием — была отмечена еще в XVIII в. Е. Пестеревым²⁵.

Курение было очень распространено среди тувинцев, в том числе среди тоджинцев. Курили все мужчины и женщины. Раскуренную трубку²⁶ передавали от одного члена семьи к другому; разрешали курить и маленьким детям.

Некоторые вредные обычаи и хроническое недоедание способствовали массовому распространению болезней, в особенности туберкулеза.

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Одежда тоджинцев — мужская, женская и детская — существенных различий в покрое не имела. Промысловая одежда также не имела специфических особенностей.

Шитьем одежды занимались исключительно женщины. Ее носили до полного изнашивания и обычно не стирали.

Основной верхней одеждой мужчин, женщин и детей был *тон* — длиннополая распахнутая одежда, запахивающаяся на правую сторону, со стоячим воротником, с характерным вырезом на левой доле. *Тон* подпоясывали длинным (около двух метров) куском цветной ткани²⁷. Этот тип одежды, по покрою близкий к монгольской, описанной Х. Хансен²⁸, распространен у всех тувинцев²⁹. Летом скотоводы носили *тон* из ткани (*терлик тон*). Его шили из одного широкого полотнища, перекинутого со спины на перед. Из передней половины выкраивалась

²⁴ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 124.

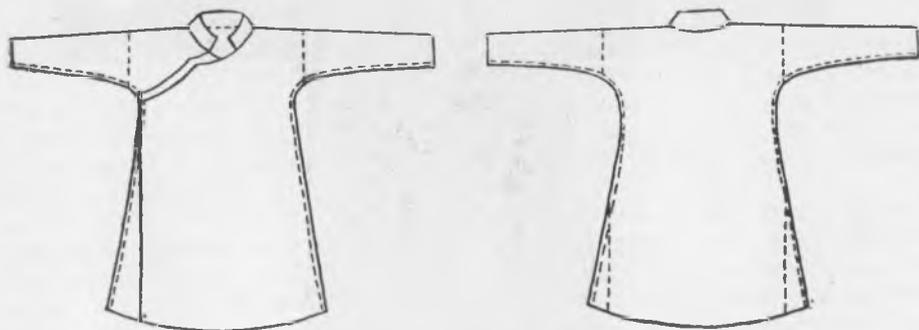
²⁵ Е. Пестерев, *Примечания...*, LXXX, стр. 55.

²⁶ Трубку *танза* длиной до полуметра, а иногда и более, делали из стволов молодых кустарников, срезавшихся вместе с верхней частью корня, которая служила головкой трубки. Носили трубку за голенищем сапога либо затыкали за пояс.

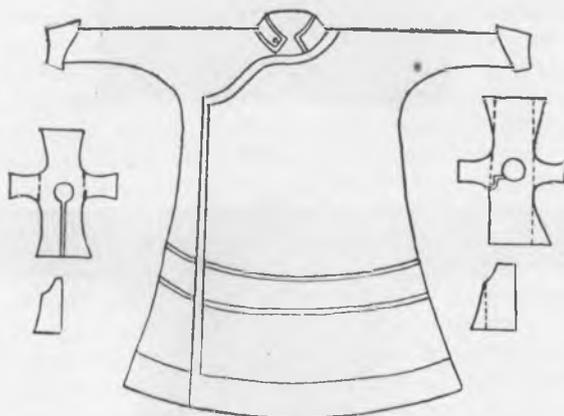
²⁷ Матерчатые пояса известны у народов Центральной Азии по крайней мере с XIII в. Вильгельм де Рубрук писал, что одежду татары подпоясывали куском шелковой ткани небесного цвета («Путешествие в восточные страны», СПб., 1911, стр. 76, 77).

²⁸ Н. Hansen, *Mongol costumes*, Kopenhagen, 1950, pp. 12—26.

²⁹ Влияние монгольской культуры на тувинцев особенно усилилось в последние столетия. В этой связи представляет интерес сообщение Ф. Кона о том, что «покрой женской шубы (тувинцев. — С. В.) еще недавно был тождествен с покроем шубы качинок, подол шубы изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами; теперь

а

б

Рис. 94: а — терлик тон оленеводов; б — терлик тон скотоводов

и

левая пола, а правая — кроилась отдельно и пришивалась. Задняя половина служила спинной частью. Нередко полы кроились одинаковой ширины, причем к левой поле надставлялась дополнительная часть, равная по ширине правой. *Тон* имел ворот со стоячим пришитым воротником. Левая пола имела полукруглый вырез на груди и застегивалась на три пуговицы: на воротнике, на правом плече и сбоку под правым рукавом. Полы, воротник, обшлага обшивали полосками цветного материала (*хыдыг*). Воротник прошивался таким образом, чтобы швы образовывали ромбические клетки или пересекающиеся линии. На рукавах имелись обшлага (*уштук*) монгольского типа. Вырез (*имчилге*) на левой поле обшивали цветным материалом, у женщин — из нескольких полосок различного цвета, обычно трехцветных.

В середине XIX в. у скотоводов Тоджи бытовал мужской летний *тон* несколько иного покроя под названием *чирик тон*. Один экземпляр его был приобретен Ф. Коном в начале XX в. как «летний костюм тоджинца, вышедший из употребления». Этот *чирик тон* был сшит из фиолетово-синей бумажной материи на белой коленкоровой подкладке. Воротник стоячий, полы цельные, рукава прямые с полукруглыми

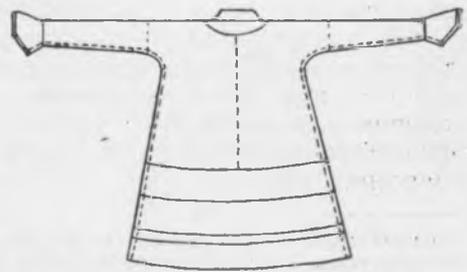
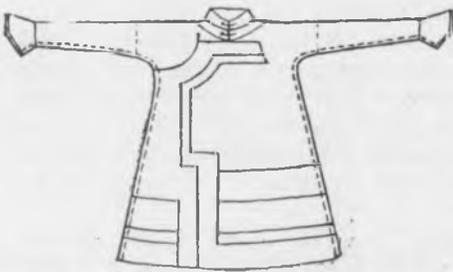
(в начале XX в. — С. В.) об этом знали лишь... старухи. Такие шубы исчезли, и их сменили шубы монголо-бурятского покроя» (Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 167).

а

б

в

Рис. 95. Терлик тон богатых скотоводов: а — вид спереди; б — вид сзади; в — покрой

отворотами. В бока вставлены клинья, по два с каждой стороны, которые не доходят до пояса и внизу не сшиты между собой, образуя разрезы длиной около 40 см. Верхушки разрезов украшены черными плисовыми нашивками. Воротник и левая пола сверху обшиты полоской черной материи шириной 3 см; отвороты рукавов — из черного плиса; петли — из черных шнурков³⁰.

Весной и осенью скотоводы носили *ой тон* — шубы из шкур овец с шерстью, отросшей после весенней стрижки (мехом внутрь). *Ой тон* имел невысокий стоячий воротник, цельную прямую спинку, бока без вставок. На левой поле полукруглый вырез. Рукава прямые, суживающиеся книзу. Обычно воротник, края подола и левую полу обшивали черной тканью. Богатые скотоводы обшивали *ой тон* тканью. На шубу взрослого требовалось пять-шесть овчин. Зимой скотоводы носили длинные шубы из зимних овчин (*сескиоге тон*) или из зимних шкур косули (*элик кежи негей*). Покрой их аналогичен покрою *ой тон*.

Наиболее распространенным видом летней верхней одежды оленеводов служил *хаш тон*, который шили из изношенных оленьих шкур или косульей (осенней) ровдуги³¹. Он имел прямой покрой, расширяющийся в подоле, прямые рукава с глубокими прямоугольными проймами. На левую полу вдоль полукруглого выреза от левого плеча до правой подмышки нередко нашивали полоску темной ткани.

Зимой оленеводы носили шубы из шкур лося или косули (рис. 97) мехом внутрь (*туктуг*). Покрой его аналогичен покрою *хаш тон*. Стоячий воротник из овчины или шкуры оленя или косули обшивали снаружи тонкими полосками шкурки белки. Левую полу и обшлага рукавов обшивали узкими полосками цветной ткани. К левой поле иногда пришивали *оорук* — полоску из кожи с головы лося или из темной ткани, заменявшую карман. *Оорук* носили у оленеводов не только женщины, но и мужчины и дети, в отличие от скотоводов, у которых *оорук* носили только замужние женщины. Шубы богатых оленеводов были покрыты цветной тканью.

На промысле подпоясывались кожаным ремнем, к которому были подвешены различные охотничьи принадлежности (*саадак*). Слева на кожаном кольце (*илги*) висели кожаная сумка для хранения свинцовых пуль (*дж чанчыы*) и мерка для пороха (*идежи*), сделанная из рога или козлиных копыт. Справа к поясу была подвешена кожаная сумка (*саадак*) для различных мелких принадлежностей, к ней обычно на ремешке была привязана пороховница из рога коровы (*чыгак*)³².

Уходя на промысел, тоджинцы нередко подпоясывались узким ремнем с копытцами косули на его концах (рис. 100). Для изготовления такого пояса косулю шкуру расстилали на земле и вырезали из нее длинную узкую полоску, включавшую шкуру с передних ног вместе с копытами. Ремень дважды оборачивали вокруг себя и завязывали, выпустив концы ремня спереди. Сзади за пояс справа затыкали нож (*бижек*) в ножнах (рис. 101), привязанных к поясу ремешками.

Тоджинки носили на поясе одну-две подвесные металлические пряжки (*дерги*), состоявшие из двух половинок, соединенных шарнирами. Лицевая сторона пряжек обычно орнаментирована. Верхняя половина уже нижней, она имеет кольцо с вставленной в него ременной петлей, через которую продевается пояс. *Дерги* использовали для подвешивания огнива (*оттук*) и кожаного или матерчатого кисета.

³⁰ ГМЭ, № 454—20.

³¹ Ровдуга — замша из шкуры оленя, лося, марала или косули.

³² В прошлом тоджинцы носили кожаные ремни не только на промысле. Е. Петерев встретил в конце XVIII в. тоджинского чиновника; халат его был подпоясан ремнем, «на котором сплошь набиты серебряные бляхи» («Примечания...», LXXX, стр. 38).

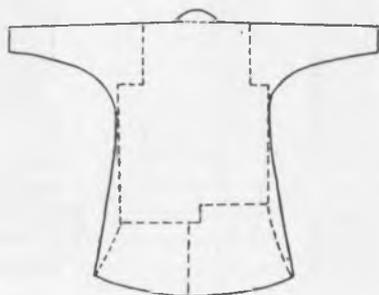
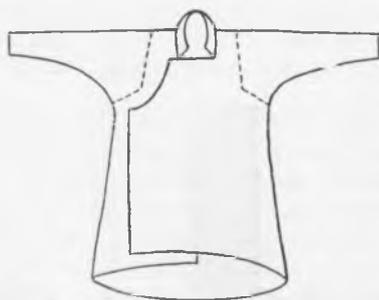
Рис. 96. Весенняя (осенняя) шуба ой тон

Рис. 97. Зимняя шуба из шкур косули

Рис. 98. Женщина в зимней шубе (скотовод)

а

б

Рис. 99: а — оленевод в хаш тон; б — покрой хаш тон

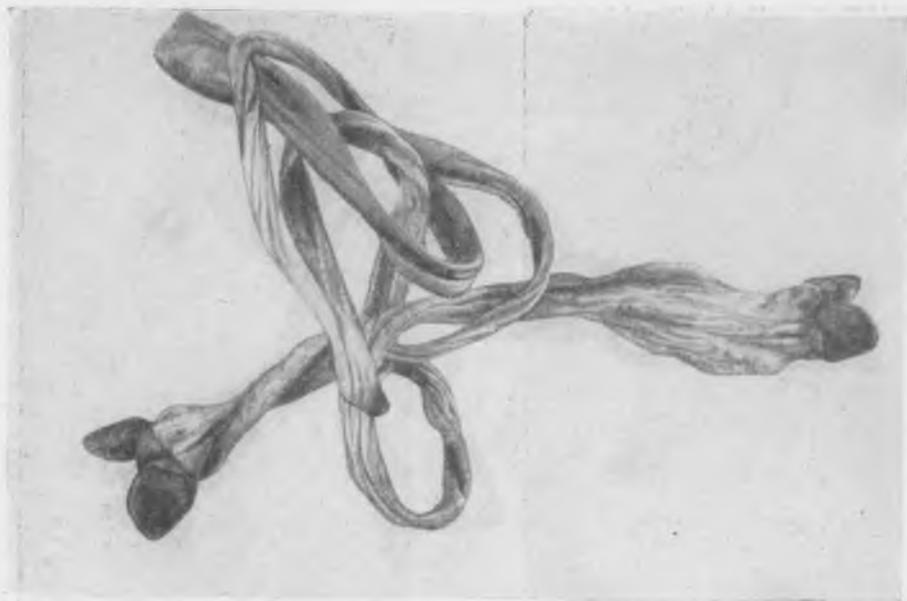

Рис. 100. Пояс из шкуры косули (с копытами)

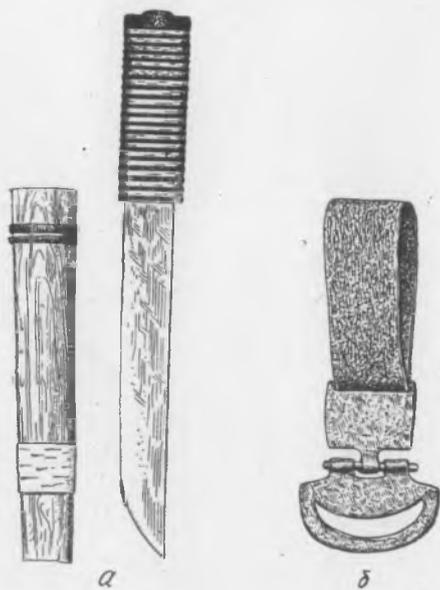

Рис. 101: а — нож; б —
подвесная пряжка

Рис. 102. Кисет

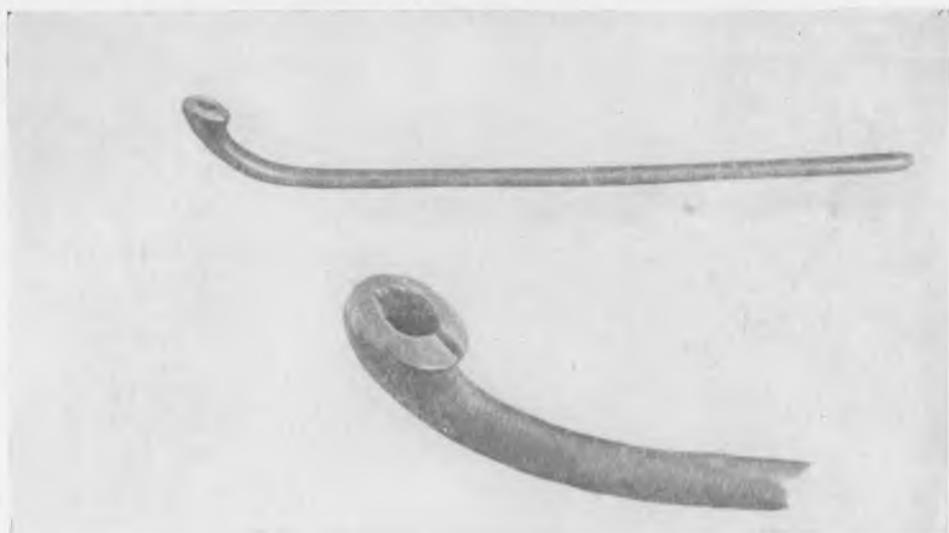

Рис. 103. Курительная трубка

К пряжке привязывали также нож для сараны. *Дерги*, как правило, приобретали у бурятских купцов.

Огниво делалось из железной слегка изогнутой пластинки, укрепленной в нижней части кожаной сумочки, которую часто украшали орнаментированными металлическими нашивками. В сумочке хранили трут, кремешки. Тоджинцы приобретали такие огнива у бурятских купцов или у тувинцев, приезжавших из других районов.

Кисет (*тапки хавы*) — кожаный или матерчатый — имел вид мешочка с узким горлышком на вздержке (рис. 102). К его верхнему краю прикрепляли на цепочке серпообразный железный скребок и копалку в виде изогнутого зубца.

На промысле пользовались короткой шубой (*чолдак-тон*)³³, которую шили из шкур косуль или передельвали из старого *кышкы-тон*. На левой поле имелся полукруглый вырез. Стоячий воротник был сшит из овчины, его нередко обшивали цветной тканью. Рукава, сужавшиеся книзу, заканчивались обшлагами из овчины, обшитыми тканью.

Тоджинцы на охоте во время оттепели носили поверх шубы короткую доху (*чагы*, или *хевенек*), сшитую из летних шкур оленя или косули мехом наружу (рис. 104). Носили *чагы* двух покровов. У более простого вместо воротника — круглый вырез, полы одинаковой ширины соприкасались краями и завязывались кожаными ремешками. Рукава короткие, широкие³⁴. Другой покроем отличался тем, что к левой поле нашивался кусок шкуры с полукруглым вырезом, а воротник был стоячий. При ношении левая пола запахивалась поверх правой.

В 30-х годах XX в. в Восточной Туве среди скотоводов начал распространяться новый вид одежды: *хөвөңниг тон* — стеганные халаты, по покрою аналогичные обычному *тон*. Вначале они появились в центральных районах Тувы и несколько позднее в Тодже. *Хөвөңниг тон* изготовляли из ткани, вату простегивали на швейной машине или руками. Носили *хөвөңниг тон* главным образом весной и осенью, некоторые надевали его также летом.

Рубашку (*хөйлен*) носили только летом (рис. 108). Ее покроем ✓

³³ В других районах Тувы короткую шушу называют *хөрөктээш*, обычно ее делали из шкур овец или коз.

³⁴ В других районах Тувы *чагы* шили из шкур домашней козы.

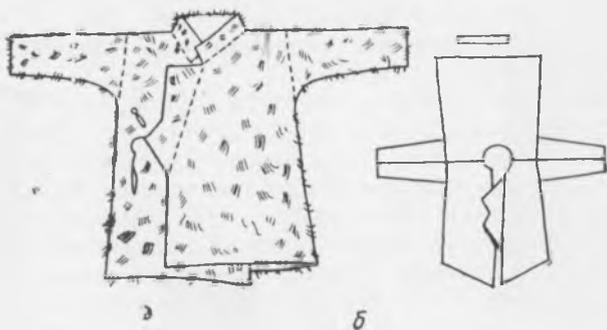

Рис. 104: а — чагы; б — его покрой

аналогичен *терлик тон*, длина несколько ниже пояса. Оленеводы часто делали рубашки из старого *алгы тон*. Его укорачивали и соскребали шерсть. Рубашки из ткани (такого же покроя) начали делать в конце прошлого века. В начале XX в. рубашки из ткани под верхней одеждой носили лишь очень немногие, главным образом баи. Некоторые батраки-тувинцы, работавшие в хозяйствах русских переселенцев, стали носить в конце прошлого века рубашки русского покроя из хлопчатобумажной ткани.

Рубашки у мужчин, женщин и детей были одинакового покроя. Летние штаны (*чүвүр*) шили из ровдуги косули (летней) или оленя (рис. 109). Для изготовления летних штанов применяли также дабу, бязь и китайскую далембу. Зимние штаны шили из шкуры оленя или косули (осенней). Штаны носили шерстью внутрь. Покрой мужских,

Рис. 105. Оленевод в чагы

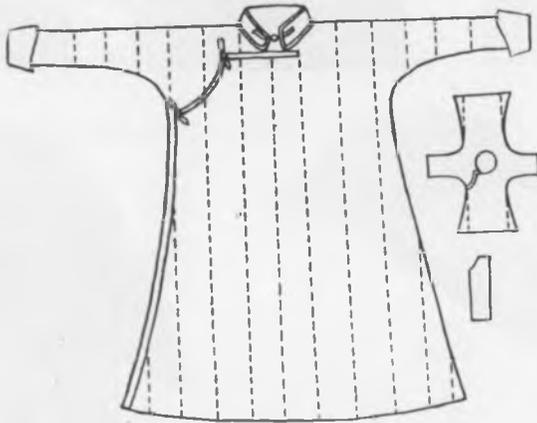

Рис. 106. Хөвөцниг тон и его покрой

женских и детских штанов был одинаков. В поясе они стягивались узким кожаным ремешком, продетым через петли, пришитые к верхнему краю.

Одним из наиболее древних типов головных уборов был *онгук кежи берт* — куполообразная шапка из утиной шкурки. Убив утку, обдирали перья с туловища (кроме шеи), обрезали голову, крылья, лапки и осторожно снимали кожу. Сшитая шапка имела вид колпака, не промокала во время дождя. Такие шапки были распространены только среди оленеводов. Использование птичьей кожи для изготовления одежды восходит к глубокой древности. По-видимому, одежда из птичьих шкурок имела в древности у «лесных» племен Саян широкое распространение. Так, китайская летопись сообщает, что у дубо бедные «делали одежду из птичьих перьев»³⁵.

³⁵ Н. Я. Бичурни, *Собрание сведений...*, стр. 348.

Рис. 107. Ношение хөвөцниг тон в жаркие летние дни

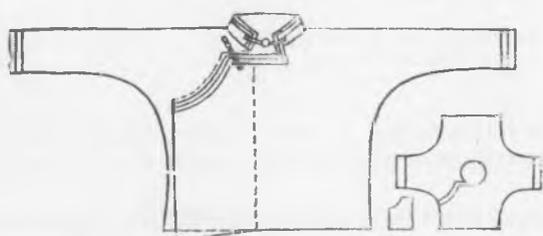

Рис. 108: а — рубашка и ее покррой; б — мужчина в рубашке

б

а

б

Рис. 109: а — штаны; б — их покрой

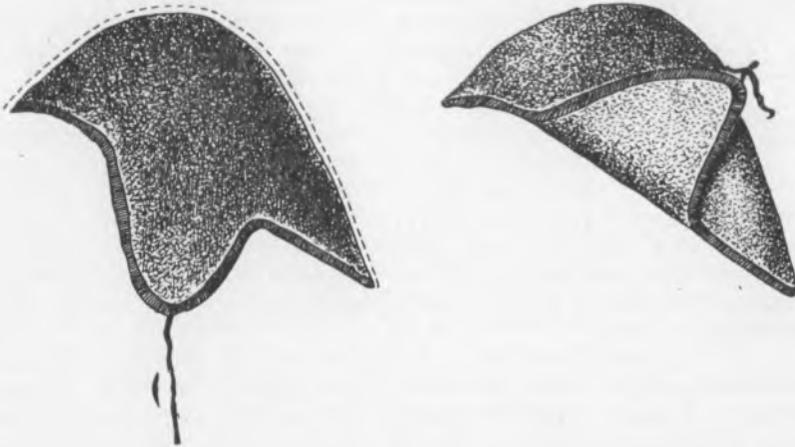

Рис. 110. Головной убор бүдээлге

Рис. 111. Капорообразные головные уборы

Рис. 112. Древнетюркское изваяние в Туве (по Л. А. Евтюховой)

В эпосе тувинцев встречается упоминание об одежде из птичьей кожи.

Другим весьма древним типом головного убора, бытовавшего еще в начале XX в., является *бүдээлге* (рис. 110). *Бүдээлге* шили из двух кусков сукна, соединенных продольным швом. Нередко края обшивали тканью другого цвета. Шапку кроили с наушниками (*халбан*), которые носили обычно отогнутыми назад. Спереди шапка имела небольшой мыс, прикрывавший часть лба; на затылок спускался выступ.

Головной убор с наушниками, по покрою аналогичный *бүдээлге*, но выкроенный из ткани, простеганной с шерстью, либо из меха или мерлушки (мехом внутрь) и обшитый сверху тканью, назывался *кышкы бөрт* (зимняя шапка). Изображения головных уборов такого типа встречаются на древнетюркских каменных изваяниях Тувы из урочищ Чанааш (рис. 112) и Булун.

Распространенный в начале XX в. головной убор (*калбак бөрт*), как правило, шили из овчин мерлушек. Он имел тулью, сходную по форме с *бүдээлге*; околыш вместе с наушниками выкраивали отдельно. Нередко *калбак бөрт* обшивали тканью (рис. 113).

Встречался у оленеводов тибетейкообразный головной убор (*довурзак*) из шкур, снятых с голов копытных (рис. 114).

У оленеводов до начала XX в. бытовал куполообразный головной убор, выкроенный из двух шкурок мехом наружу, сшитых продольным швом. Нижний край его оторачивали мерлушкой или шкуркой белки. Изнутри к шапке пришивали ремешки, завязываемые под подбородком. Иногда подобную шапку обшивали тканью, а сверху пришивали узелок из красного материала и ленты. К задней стороне головного убора обычно пришивали кусок ткани, прикрывавший затылок.

Головные уборы такого покрою шили также из шкурок с головы лося, оленя и косули (рис. 115). В этнографической коллекции, собранной Ф. Коном в Тодже, имеется шапка, сшитая из двух половинок: передняя — из шкурки с головы молодой косули, а задняя — из шкурки с головы взрослой косули³⁶. Название головного убора определялось в зависимости от того, из шкур какого животного он сделан. Изготовленный из шкуры лося — *буур бажы бөрт*, из оленя — *иви бажы бөрт* и т. д.

У скотоводов и частично у оленеводов была распространена шапка *маактыг бөрт*. Она имела простеганную шерстяную (овечью) высокую коническую тулью (*шаалынчын*), обшитую цветной тканью.

Тулью охватывали стоячие разрезанные сзади поля (*кулак*) из шкуры рыси, овцы или ягненка, обычно черного цвета. К верхней части тульи пришивали шишечку (*токша*) в виде плетеного узла из матерчатых жгутиков. От шишечки вниз опускалось несколько красных лент (*маак*) длиной 30—40 см. От заднего края тульи опускались также две более широкие ленты (*тумаа*). Баи обшивали тулью шел-

³⁶ ГМЭ, № 454—8.

ком, а поля делали из шкуры выдры или черного соболя. В сильные морозы под шапкой носили наушники (*чоокташ*), сшитые из шкур ягненка или козули.

Маактыг бэрт носили мужчины и женщины. Обычно оленеводы покупали такие головные уборы у скотоводов, но некоторые женщины оленеводов шили *маактыг бэрт* сами. Г. Е. Грумм-Гржимайло описывает у монголов Халхи головной убор малха³⁷, сходный в общем с *маактыг бэрт*.

Для детей оленеводы шили зимние шапки из шкурок белок.

Женщины носили летом платки из далембы (*былаат, аржыыл*), которые вошли в употребление, по-видимому, лишь в конце XIX в.

Единственным видом обрядовой одежды у тоджинцев была свадебная фата (*тумалай*) (рис. 119).

В Государственном музее этнографии народов СССР сохранилась *тумалай*, привезенная в 30-х годах из Тоджи Ф. Коном. Она представляет собой четырехугольное полотнище из красной ткани длиной 1,8 м, шириной 1,34 м, покрывавшее спину и плечи невесты. К верхнему его краю пришит овальный кусок зеленовато-голубой ткани, надеваемый на голову.

Полотнище собрано на вздержках; концы вздержек соединены, образуя небольшое округлое отверстие, от которого расходятся складки. Края его обшиты полоской красной ткани и украшены тринадцатью подвесками из разноцветных бус и китайских монет³⁸. *Тумалай* шили также из зеленой, синей, голубой и белой ткани.

В качестве украшений, пришиваемых к *тумалай*, использовали также просверленные зубы марала и раковины каури.

Обувь была менее разнообразной. Зимой мужчины, женщины и дети носили камусовую обувь мехом наружу (*бышкак идик*) с голенищами (*чода*) до колен (рис. 120). Для изготовления одной пары обуви требуется либо четыре камуса (*бышкак*) взрослого оленя или марала, либо три камуса лося, либо шесть камусов козули. Подошвой (*улдуц*) служила кожа со спинной части лося или марала. Покрой *бышкак идик* несложен. Переднюю часть голенища шьют из двух кусков камусов, каждый из которых имеет прямоугольную форму, завершающуюся у нижнего конца боковым выступом, образующим при сшиве головку с полукруглым носиком. Заднюю часть голенища шили из

Рис. 119. Головной убор калбак бэрт

³⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 318.

³⁸ ГМЭ, № 454—22.

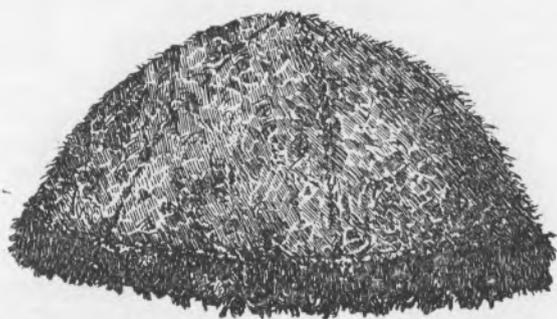

Рис 114. Головной убор довурзак; старик-олeneвод в головном уборе довурзак

Рис. 115. Головной убор изи бажы берт

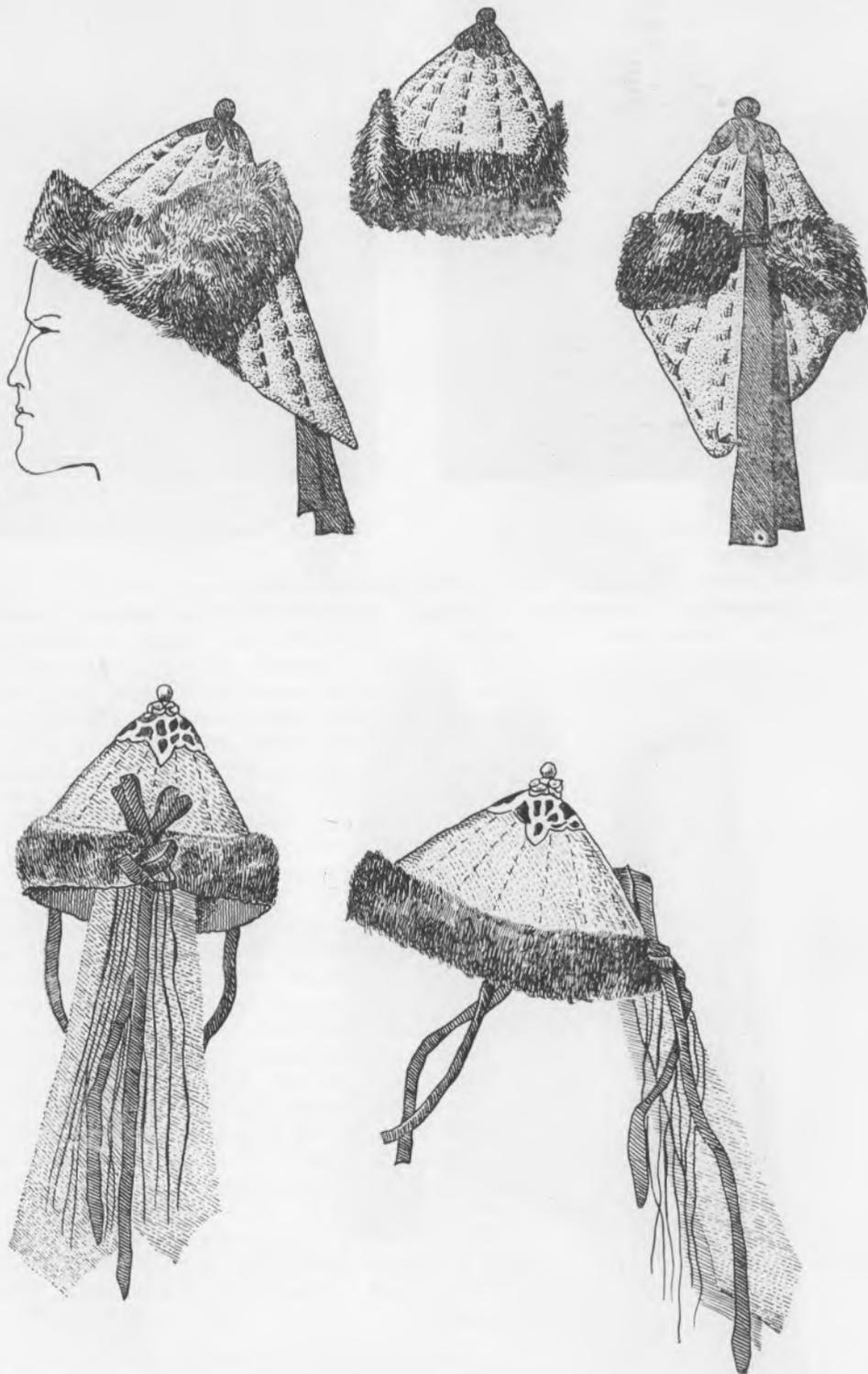

Рис. 116. Головные уборы маактыг бэрт

Рис. 117. Женщина в маактыг берт

Рис. 118. Женщина в платке (скотовод)

одного, двух, трех или четырех прямоугольных кусков камуса³⁹. Обычно оленеводы удлиняли голенище, пришивая наколенники (*хончу*), которые защищали от холода и проникновения снега в голенище. *Хончу* шили из старой одежды, например из *алгы тон*, или из камусов. К верхнему краю *хончу* пришивали два ремешка (*тунгу*), при помощи которых *хончу* привязывали к поясу штанов. В период глубоких снегов поверх обычных меховых сапог, сшитых без *хончу*, надевали съемные наколенники (*хууш*)⁴⁰, изготовленные из старой шубы.

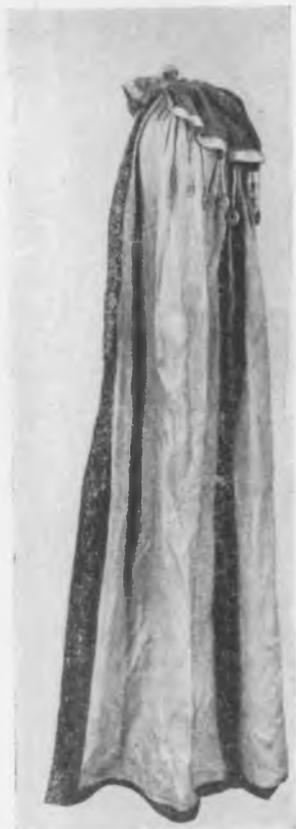

Рис. 119. Свадебная накидка тумалай

Весной и осенью пользовались чулками (*ук*), сшитыми из косулей ровдуги. Зимой носили два меховых (из шкуры косули) чулка разного размера. Внешний чулок (длиной до колена) надевали мехом наружу, короткий внутренний (длиной около 20 см) — мехом внутрь. Лишь богатые скотоводы зимой носили стеганные войлочные чулки, которые приобретали у тувинцев других районов. Нижнюю, подошвенную часть выстилали сухой осенней травой или корой и подшейным волосом лося. В конце XIX в. под влиянием русских начали применять портянки из тряпок или шкурок.

Обувь шили жильными нитями специальным выворотным швом (*ыскыт-тап даараар*) с прокладкой (*ыскыт*) из кожи (рис. 122).

³⁹ После того как голенище из камусов было сшито, его обрабатывали: вначале смазывали кислым молоком, затем мяти в руках и в течение десяти дней дымили.

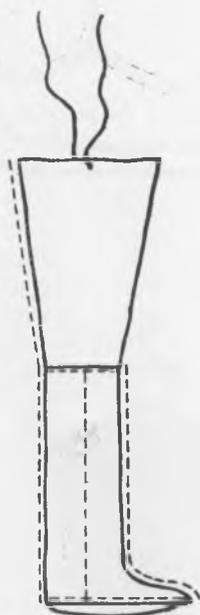
⁴⁰ На централнотувинском диалекте съемные наколенники носят название *огдеики*.

а

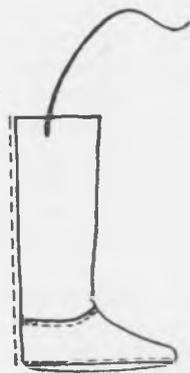
а

б

б

в

Рис. 120: а — бышкак идик;
б — покрой

Рис. 121: а, б — хаи идик;
в — покрой

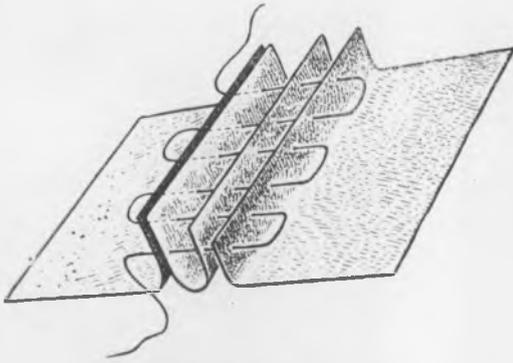

Рис. 122. Шов с прокладкой, применяемый при пошиве обуви

а

б

в

Рис. 123: а — кадыг идик; б — его покррой; в — чымчак идик

Летом оленеводы носили ровдужную обувь (*хаиш идик*), голенища (*чода*) которой шили из ровдуги спинной части шкур косули, марала, лося. Иногда для пошива использовали старую ровдужную одежду.

Рис. 124: а — накосное свадебное украшение *чавага*; б — серьга; в — браслет

Головку (*майык*) и подошву выкраивали из толстой кожи с шерстью или спинной части лося. В начале XX в. для изготовления подошв и головок начали применять готовые кожи фабричной выработки, которые приобретали у русских купцов.

Скотоводы в отличие от оленеводов летом носили *чымчак идик* и *кадыг идик* — обувь монгольского типа из кожи коровы (с характерным, загнутым вверх носиком *думчук* и косым срезом в верхней части голенища). Голенище *кадыг идик* (*кадыг* — «твердый») кроилось из двух, несколько сужающихся книзу кусков выделанной кожи (для голенищ использовали спинную часть коровьей кожи). Головка выкраивалась отдельно из двух кусков более толстой кожи. Подошву изготавливали из кошмы. Если кошма была толстая, то подошву делали в два слоя, если тонкая, — то в три слоя; прошивали ее 10—20 раз. К нижней части подошвы одним швом по краю подшивали толстую коровью кожу. Кожу голенища окрашивали в сиреневато-коричневый цвет корой сухой лиственницы.

Чымчак идик (*чымчак* — «мягкий») отличались от *кадыг идик* тем, что имели не твердую, а мягкую кожаную подошву. Голенища их иногда делали из выделанной кожи домашней козы. Такую обувь называли также *майтак идик*.

Украшениями служили серебряные перстни и кольца (*билзек*), которые нередко надевали на пальцы по несколько штук, *серьги* (*сырга*) из серебряной проволоки и орнаментированные чеканкой серебряные браслеты (*богаа* — у оленеводов; *билектээш* — у скотоводов).

Мужчины с передней части головы волосы сбрасывали, а на темени заплетали косу; бороду выщипывали.

Женщины и девушки вплетали в волосы черные шелковые нитки (*бежинкара*) и сплетали их в длинные косы. Этот обычай был широко распространен среди тувинцев.

Некоторые богатые замужние женщины носили в косах *чавага*, состоявшую из серебряной орнаментированной пластинки (*чавага бажы*), к которой были подвешены бусинки (*чинчи*), заканчивающиеся кистями золоченых нитей (*докпа*). *Чавага* приобретали в обмен на пушнину у скотоводов центральных районов Тувы.

Украшением костюма (обычно женского) служили также упоминавшиеся выше серебряные орнаментированные пряжки (*дерги*), которые носили, подвесив к поясу с правой и левой стороны.

Богатые скотоводы и чиновники Тоджи покупали у бурятских купцов и тувинцев степных районов очень дорогие украшения; их костюмы, сшитые из китайских шелковых тканей и до мелочей схожие с монгольскими образцами, заметно отличались от одежды, которую носило подавляющее большинство тоджинцев.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ

Разложение первобытнообщинного строя у племен Восточных Саян началось задолго до XIX в. Китайские летописи конца I тысячелетия н. э. свидетельствуют о существовании у дубо частной собственности и имущественного неравенства¹.

Тем не менее медленное развитие производительных сил и производственных отношений обусловило сохранение в быту тоджинцев вплоть до начала XX в. многих пережитков родового строя.

Так, тоджинцы различали себя по принадлежности к родовым группам (*сөөк*)². Мы зарегистрировали в Тодже следующие *сөөк*: актодут, даргалар, дарган, демчи, кара-балыкчы, кара-тодут, карасоян, кезек-куулар, кезек-маады, кыштаг, маады, саарыг, сарыг-соян, соян, тодут, урат, хаазыт, хойюк, чогду, чооду, шадык, шокар³.

Как мы уже отмечали, аальные объединения в рассматриваемое время строились уже не по родовому, а по территориальному принципу. Однако *сөөк* тоджинцев сохранял еще отдельные признаки рода, например экзогамию⁴.

Пережитком первобытнообщинных отношений в XIX в. у тоджинцев являлось и право коллективной охоты на соболя на своей родовой территории⁵. Существовала также коллективная собственность на некоторые охотничьи сооружения, такие, например, как засеки; сохранялись некоторые коллективные формы охоты и распределения добычи. Но эти формы собственности были присущи не родовым, а соседским кочевым общинам. Так, засеки уже не принадлежали конкретному роду, а коллективные охоты велись жителями стойбища — часто представителями различных родовых групп.

Одной из сохранившихся традиций, восходивших к родовому быту, был обычай *үлүг*. Он заключался в уравнительном разделе мяса добытых на охоте диких копытных между всеми жителями аала и проходил обычно так: когда жители стойбища видели, что вернулся охотник хотя бы с косулей, то весть об этом быстро разносилась по стойбищу. Люди начинали собираться в чуме охотника, одобрительно высказывались об удачной охоте, хвалили его. Охотник рассказывал, где и как

¹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

² Опрошенные нами лица старшего поколения обычно давали ответ на вопрос, к какому роду они принадлежат. Поэтому нельзя согласиться с сообщением М. И. Райкова, будто «не многие из саянцев знают из какой они кости, а когда спросишь об этом, то скажут название того сумына, в котором они числятся. Деление на сумыны чисто административное, искусственное и притом недавнего происхождения» (М. Райков, *Отчет...*, стр. 448, 449). Более прав Ф. Кон, отметивший, что у тоджинцев строго отличают «сююки» от «арбанов» (т. е. роды от административных единиц. — С. В.); см. Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 144.

³ Расселение указанных выше родовых групп рассмотрено в главе 2 настоящей работы.

⁴ В настоящей работе мы называем родами такие группы восточных тувинцев, члены которых в XIX в., будучи связаны экзогамией, вели свое происхождение от общих предков, сознавали свою принадлежность к одному роду и имели общее родовое имя.

⁵ В конце XIX в. этот обычай фактически не соблюдался.

добыл зверя. Затем кто-нибудь из старейших жителей аала начинал делить мясо. При этом присутствующие вспоминали, что в прошлый раз старик выделил такому-то человеку заднюю ногу косули. Теперь ее получал другой. Ребра и грудинку делили поровну между всеми. Охотнику оставляли только голову, шкуру и мясо со спины. В условиях соседской общины родственные отношения при таком разделе уже никакой роли не играли.

Ярко описывает обычай раздела добычи С. Тока: «Всякий раз, когда Томбаштай подстрелит косулю в верховьях Мерген, наловит в морды хариусов и тайменей или, уйдя на Терзиг, уложит в тайге марала своим верным самострелом, он всегда позовет нас к себе. Мы еще больше радуемся, когда сами увидим его издалека...

Мы вихрем летим навстречу охотнику. В тороках у него прикручен горный козел... Томбаштай молчит и широко улыбается. На тропу уже высыпала гурьба детей из соседних юрт. Они шумят...

Все приветствуют охотника, поздравляют с добычей... соседи, отторочив зверя, снимают с него шкуру...

Взрослые начинают делить добычу. Смотрю: сестру Кангый тоже пригласили участвовать в дележе... Она хватает обеими руками протянутую ей ногу косули и несколько ребер, крепко прижимает к себе, как будто боится, что кто-либо заберет назад доставшуюся ей драгоценность.

Под конец старшина дележа — старейший житель аала подносит дяде Томбашу на простертых руках оставшуюся часть косули:

— Сегодня ты убил — мы поделили, завтра я убью — поделишь ты»⁶.

Аналогичный обычай, известный под названием *нимат*, был широко распространен среди эвенков, у которых всякая добыча, которую можно было есть, подлежала распределению между членами стойбища, причем охотник, добывший зверя, так же как у тоджинцев, не имел права сам распределять добычу, это делал кто-либо другой⁷.

Уравнительное распределение охотничьей добычи отмечалось исследователями у многих народов Сибири. В сохранении этой родовой традиции большую роль играли тяжелые условия жизни основной массы таежных жителей, само существование которых зависело в значительной мере от удачи охотника на промысле.

У оленеводов и частично скотоводов Тоджи был известен также обычай, по которому мясо домашних животных делилось среди родственников (*хан төрөл*), живших в аале. Каждый житель аала, узнав о том, что его родственник зарезал домашнего оленя, приходил за мясом. Этот обычай являлся, возможно, пережитком существовавшей в условиях первобытнообщинного строя общеродовой собственности не только на продукты охотничьего промысла, но и на домашний скот.

Большой интерес вызывает обычай *ужа*, впервые отмеченный у тувинцев Е. Яковлевым. В своей работе он писал: «Находка, убитая добыча (кроме пушнины) составляет принадлежность лица или лиц, затративших известную долю труда. Но если случайный встречный или человек, не принимавший участия, подойдет и скажет „ужа“, то добыча поступает или целиком или значительной частью в пользование этого случайного встречного»⁸.

⁶ С. Тока, *Слово арата*, М., 1951, стр. 13—15.

⁷ К. М. Расцветаев, *Тунгусы Мамяльского рода. Социально-экономический очерк с приложением тунгусских бюджетов*, — «Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР», серия «Якутия», вып. 13, Л., 1933.

⁸ Е. К. Яковлев, *Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела Музея*, Минусинск, 1900, стр. 66.

Позднее этот обычай тувинцев упоминали в своих работах Ф. Кон, Г. Грумм-Гржимайло, Л. Потапов, В. Дулов и др.⁹ Однако он оставался недостаточно изученным.

Применение обычая *ужа* сводилось к следующему:

1. Если охотник убил копытное животное, но не успел погрузить мясо на оленя или лошадь и в это время подошел человек (пусть даже совершенно незнакомый), он отдавал подошедшему заднюю часть туши (*ужа*), шкуру (*кеш*) и одну ногу (*бут*). Если охотник был пешим, то обычай действовал до того момента, пока мясо не взвалено на плечи.

2. Если кто-либо подошел к охотнику, целившемуся в белку, и сказал *ужа* до выстрела, в момент выстрела или после выстрела, но до того, как охотник привязал белку к поясу, то подошедший забирал белку целиком. Если же человек крикнул *ужа* издали и, пока он подходил, охотник повесил белку на пояс, то крикнувший *ужа* ничего не получал. Охотник говорил ему: «*Ужаң эрте берип-дур*» (твое *ужа* прошло).

3. Если охотник убивал соболя, то подошедший получал лишь половину его. В этом случае действие *ужа* сохранялось только до того момента, пока охотник не положил соболя за пазуху.

4. Если охотник убил росомуху, то по обычаю *ужа* он отдавал хвост.

5. Если охотник убил медведя, то отдавал желчь.

6. Если охотник вернулся в стойбище и привез добычу в чум, где в это время находился чужой человек, тот, крикнув *ужа*, получал часть добычи. Если человек зашел в чум после охотника, то обычай *ужа* не действовал.

7. Охотник убил крупное животное, оставил тушу в тайге, сам возвратился в аал. В момент его прибытия в чуме находился человек. Если гость отправлялся вместе с охотником за тушей и помогал привезти ее в стойбище, то получал свою долю по обычаю *ужа*.

8. Охотник, убив косулю, освежевал ее и, прежде чем погрузить на лошадь, расстелил шкуру на земле мездрой вверх, чтобы она подсохла. В это время появляется человек, произносит *ужа*, берет щепотку земли и бросает на шкуру, после чего рывком поворачивает шкуру отвесно. Если большая часть земли остается на мездре, значит охотник убил косулю совсем недавно, и обычай *ужа* вступает в силу.

9. Два охотника, не входящие в артель, одновременно стреляли в зверя, но у одного из них произошла осечка. Тот, у кого это произошло, все же получал свою долю убитого животного.

10. В одно животное стреляло несколько человек. Попала только пуля одного из них. Определяли, чья пуля сразила животное. Охотник, убивший животное, получал его целиком, за исключением той части, которая по обычаю *ужа* переходила в пользование всех остальных охотников, которые делили ее между собой поровну.

Название обычая (*ужа* — «задняя часть животного») позволяет думать, что обычай этот сложился применительно к копытным животным и лишь позднее распространился на пушных. Он применялся и к случайным находкам. В сказке «Артаа-седи, Авыгаа-седи» говорится о ссоре двух человек. Один из них нашел шапку-невидимку, другой в это время произнес *ужа*; первый, несмотря на это, не отдал шапку, из-за чего возникла ссора¹⁰.

⁹ «Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона», стр. 66; Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 97, 98; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 63; Л. П. Потапов, *Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев*, — сб. МАЭ, X, 1949, стр. 33; В. М. Дулов, *Социально-экономическая история Тувы...*, стр. 142—147.

¹⁰ «Артаа-седи, Авыгаа-седи». — сб. «Тыва тоолдар», Кызыл, 1947, стр. 180.

Итак, обычай *ужа* ограничивал право охотника на личное присвоение добычи; обычаем *ужа* пользовались в определенных случаях все, независимо от родовой принадлежности.

Изложенные выше условия действия обычая *ужа* возникли, по-видимому, в период разложения родового строя и возникновения соседской общины, когда стало нарушаться исключительное право членов рода охотиться на родовой территории. Обычай *ужа* мог выступать как своеобразный выкуп за право охоты на территории чужого рода. В Тодже нам рассказали любопытный факт, подтверждающий это положение. В начале XX в. один из тоджинцев подал жалобу на другого за то, что тот, охотясь на родовой территории первого, в его присутствии убил соболя, но не дал ему *ужа*.

Обычай *ужа* был известен не только в районах Тувы, но также у других народов Саяно-Алтая. У тубаларов, например, сохранился обычай, по которому всякий человек, оказавшийся около охотника в момент выстрела и произнесший *учам бер*, имеет право взять часть добычи, а если убит мелкий зверь, то и всю ее¹¹.

Остановимся коротко на характеристике кочевой общины-аала тоджинцев. В летнее время в аалы входило до 20 семей, в зимнее время аал состоял из двух — пяти семей; ранней весной аалы опять разрастались. Как правило, состав семей, входивших в аал, был постоянным.

Учитель Венкель, проводивший в июне — июле 1916 г. прививку оспы в ряде стойбищ в бассейне р. Хам-Сыры, приводит сведения о составе аалов оленеводов.

Обследованные им аалы включали от 3 до 16 чумов (большинство — 5—10 чумов). В самом большом аале (16 чумов) в долине р. Ак-Хем было 65 жителей, а в самом маленьком (3 чума) — 12. В чумах жили семьи в среднем из четырех-пяти человек.

Каждый аал имел обычно постоянную территорию кочевий, пастбищ скота и промысла.

Обычно в аалах жили члены разных родов, нередко связанные между собой узами свойства. Оленевод из рода соян рассказывал, что он в течение нескольких лет кочевал вместе с братом матери и его женой. С ними кочевала также дочь брата с мужем. Формально эти три семьи являлись членами трех различных родовых групп, все они имели свои хозяйства, жили в отдельных чумах, но, составляя соседскую общину, кочевали совместно, делили поровну добычу; мужчины аала устраивали коллективные облавные охоты и т. д.

Одним из характерных признаков большинства соседских общин восточных тувинцев было примерно одинаковое имущественное положение их членов, на что нам указывали многие информаторы. Вместе с тем отдельные баи кочевали в окружении нескольких беднейших семей, которые фактически обслуживали их хозяйства.

Между некоторыми аалами имелись заметные имущественные различия. Об этом свидетельствуют данные, приводимые Венкелем. Так, аал, кочевавший осенью в верховьях Кижиг-Хема и состоявший из 10 чумов (42 человека), имел 1200 оленей, а соседний аал в устье Кудыргалыха, состоявший из 14 чумов (50 человек), имел всего 300 оленей¹².

¹¹ С. А. Токарев, *Докапиталистические пережитки в Ойротии*, Л., 1935, стр. 37. — Л. П. Потапов писал: «Если тубалар, убив белку, в то же мгновение встречал в гайге какого-либо охотника, хотя бы и совершенно незнакомого, то отдавал этому охотнику убитую белку» (Л. П. Потапов, *Черты первобытно-общинного строя...*, стр. 39). Подобный обычай отмечен также у эвенков [см. А. Ф. Анисимов, *Родовое общество эвенков (тунгусов)*, Л., 1936, стр. 78].

¹² Государственный архив Тувинской автономной области, ф. Р — 128, оп. 2, ед. хр. 131, лл. 13—15.

Хотя в соседской общине и сохранились некоторые виды коллективной собственности (территория промысла, засеки, равный дележ мяса диких животных), в ней господствовала частная собственность на домашний скот, орудия промысла, пушнину и пр.

Глубину социального расслоения у тоджинцев в XVIII в. ярко рисует сообщение Егора Пестерева: «Ежели умирающий с голоду приведет своего сына или дочь, которые могут работать, к богатым, то богатый, ежели умилосердится, или, лучше сказать, имеет надобность в людях, возьмет себе бедного в вечные слуги, а отцу и матери их и куска мяса не даст; по чему те бедные должны с голоду умереть, или друг друга съесть»¹³.

У тоджинцев одно из основных средств производства — скот находился в безраздельном частном владении отдельных лиц; большая часть скота была сосредоточена в руках баев.

Например, у скотовладельца Тонмит-чанги было около 100 лошадей, более 80 коров, 130 овец и коз¹⁴.

Между тем значительная часть тоджинцев имела лишь по несколько голов скота или, совсем лишенная его, жила охотой и рыболовством, батрачила у баев.

Скотоводы-бедняки назывались *чады*¹⁵. В начале XX в. только в одном аале в урочище Эн-Суг было семь семей *чады*. Таким *чады* был, например, Тонгурек из рода ак-тодут, живший с женой и дочерью. Он занимался сбором сараны, рыболовством и охотой, а его семья круглый год работала у бая.

Социальная дифференциация среди оленеводов была не менее резкой. А. Ермолаев, посетивший Тоджу летом 1915 г., пишет в своем отчете, что «есть семьи, владеющие стадом в несколько сот голоз (300—400)»¹⁶.

Бай Диленчи из рода кыштаг имел в начале XX в. около 200 оленей и 8 лошадей, Севек из рода соян имел более 200 оленей и 10 лошадей, а у чиновника Кызыл-чанги было 500 оленей и 20 лошадей. Большинство же хозяйств, как мы уже отмечали, имело в среднем 10 оленей.

Кол Доржу из рода соян рассказал нам, что его отец имел пять оленей, которые погибли; приобрести оленей вновь отец не мог. Их семья переселилась к реке, все свое имущество они носили на себе, передвигаясь по тайге в поисках съедобных корней. Значительную часть года они жили у р. Тора-Хем и на оз. Тоджа, занимаясь рыболовством. Отец иногда уезжал на охоту за белками, взяв лошадь у бая, за это он уплачивал баю 20—25 шкурок белок и *барба* сараны.

С. Тока в своей автобиографической повести пишет: «О себе мать рассказывала скупно: „Дед ваш — бедный арат — жил на Дора-Хеме. У него ничего не было, кроме нескольких оленей. Когда ваш дед и бабушка умерли, лама, который заочно лечил их, увел от нас оленей... Шомуктаю (брату С. К. Тока. — С. В.) пришлось уйти в батраки. Все вы тогда были маленькие. Я тоже пошла искать работу по людям. Но кому нужна батрачка с таким выводком?“»¹⁷.

У тоджинцев, так же как и у многих других скотоводческих народов, существовали своеобразные формы эксплуатации.

Одна из наиболее распространенных в Тодже форм эксплуатации заключалась в том, что бай давали бедняку во временное пользование

¹³ «Примечания...», ч. LXXX, стр. 57.

¹⁴ По данным, записанным нами у Бараан Чайган Баадовича (колхоз «Советская Тува»), работавшего до революции батраком у Тонмит-чанги.

¹⁵ В центральных и западных районах бедняков называли *яды*.

¹⁶ Государственный архив Тувиинской автономной области, ф. Р — 123, ед. хр. 131, 0—2, л. 16.

¹⁷ С. Тока, *Слово арата*, стр. 7.

рабочий скот (*хөлезээ мал бээр* — «дать скот в наем»), за это бедняк должен был возместить баю *хөлезээ* (обычно в виде пушнины) или отработать. Норвежский путешественник Э. Ольсен сообщает, что один богатый тоджинец за пушнину сдавал в наем оленей всем беднякам по р. Систиг-Хем¹⁸.

Большинство бедняков-оленоводов крайне нуждались в ездовых оленях для ведения промысла, перевозки имущества при перекочевках и не могли обходиться без «помощи» бая.

За пользование оленями в течение зимнего сезона бедняк уплачивал баю шкурками белок или изготовлял новые берестяные покрывки для байского чума.

Аналогичные формы эксплуатации были распространены также у скотоводов долины.

Например, за пользование лошадей в течение года бедняк должен был уплатить баю осенью или зимой десятки беличьих шкурок.

Существовали и другие формы эксплуатации.

Бай предоставлял бедняку на определенное время дойную корову или важенку (у оленеводов) для доения. За это бедняк должен был сохранить в течение этого времени скот и возвратить его вместе с приплодом баю. Этот обычай у скотоводов назывался *саан ишкен инек* (буквально «корова, взятая на дойку»).

Наделение бедняков скотом на выпас — явление, широко распространенное у скотоводческих народов Азии: оно отмечено у алтайцев, казахов, киргизов, монголов, бурят, хакасов и др.

Все земли Тувы, в том числе и Тоджа, номинально были собственностью Китайской империи; частной собственности на землю не существовало. Между тем лучшими пастбищами (в особенности зимниками) фактически владели феодалы-чиновники и баи. Протекало это, конечно, не в форме юридического оформления собственности, а путем фактического пользования. Баи строили на зимниках помещения для скота, захватывая для своего многочисленного стада наиболее пригодные пастбища. Другие скотоводы, разумеется, не могли пасти здесь свой скот.

В эксплуатации рядовых тоджинцев участвовало и духовенство, которому покровительствовали феодальные правители Тоджи. Большинство лам, по свидетельству П. Островских, жило за счет приношений своей паствы, «с которой они берут за разные требы и ежегодно еще объезжают самые отдаленные уголки и получают подарки шкурками соболей, лисиц и белок»¹⁹.

В разорении значительной части рядовых тоджинцев не последнюю роль играла неэквивалентная меновая торговля российских, китайских и прочих купцов, наводнявших этот богатый пушиной район.

Купцы продавали свои товары в несколько раз дороже их фактической стоимости, а пушнину скупали по очень низким ценам.

В конце XIX в. Островских писал, что в Тодже торговцы обменивали пачку иголок ценой в 5 коп. на две белки ценой в 20—30 коп., а восьмушку табака стоимостью в 4 коп. купцы оценивали в одну-две белки²⁰.

А. Ермолаев сообщает, что в 1915 г. белка оценивалась в Тодже в 10 коп., а купцы продавали ее в три-четыре раза дороже²¹. По тем же данным, только русскому купцу Сафьянову тоджинцы были должны

¹⁸ Э. Ольсен, *Оленеводство у сойотов*, стр. 379.

¹⁹ П. Е. Островских, *Оленные тувинцы*, стр. 88.

²⁰ П. Е. Островских, *Значение Урянхайской земли...*, стр. 332.

²¹ Государственный архив Тувинской автономной области, ф. Р — 1123, оп. 2, д. 131, л. 34.

400 тыс. белок²², а всего их долг российским торговцам накануне революции исчислялся в 1,4 млн. белок²³.

Обсчет, обман, спаивание водкой и спиртом были составной частью торговых операций, производившихся купцами.

Часть товаров, доставленных в Тоджу китайскими и монгольскими купцами, тоджинские ламы и чиновники везли в отдаленные стойбища сленеводов, где перепродавали по еще более высоким ценам. Эти спекулятивные операции были одним из важнейших источников обогащения местных чиновников и лам.

В начале XX в. отдельные бай-скотоводы стали использовать труд батраков, нанимаемых главным образом для пастьбы скота, и оплачивать их труд натурой. Так, до революции крупный бай Тонмит, правитель хошуна, нанимал ежегодно несколько батраков-пастухов.

При анализе общественных отношений необходимо учитывать, что Тоджа, как и вся Тува, была подчинена Китайской империи (до 1912 г.), в которой господствовал военно-феодальный режим. Господство иноземных захватчиков в значительной мере определяло особенности государственного устройства Тувы в конце XIX — начале XX в.

Власть в Туве принадлежала китайскому наместнику — Улясутайскому цзянь-цзюню.

Во главе хошунов — основных административных единиц в Туве — стояли правители (*ухери-да*).

Хошун, как мы уже отмечали, делился на сумоны. Во главе сумона стоял *цзанги* (*чанги*), назначаемый китайскими властями из представителей родовой знати или баев; должность *чанги* была наследственной. Сумон состоял из арбанов, во главе которых стояли низшие чиновники — арбаные *бошко*.

В сумонах и арбанах имелись выборные старосты: *сумон-тарга* и *арбан-тарга*. Несмотря на то что их выбирали на сходах, где присутствовали все взрослые мужчины, выбор кандидатур целиком зависел от чиновников. Старосты безропотно выполняли все указания правителя хошуна и его чиновников.

П. Островских писал о составе чиновников в Тодже в конце XIX в., что во главе хошуна стоял *та-нойон*, или *гугурда* (*ухерида*), которого звали просто — *та*. *Ухери-да* в переводе с монгольского значит начальник племени в чине дивизионного командира, но по своему значению, своим правам, почету это был губернатор области. Ниже чином были: *мерен*, ведавший делами хошуна, далее четыре *чанги* (по числу сумонов), затем *кунду* — сборщик податей, *тарга* — староста, *бошко* — десятник и *джилан* — чиновник особых поручений при *та-нойоне*²⁴.

Права чиновников, феодалов, духовенства и рядовых аратов, структура и функции органов управления и другие вопросы государственного устройства определялись «Уложением Китайской Палаты внешних сношений».

Рядовые араты были совершенно бесправны перед законом. Даже самый низший чиновник — арбанный *бошко* по закону имел «право строго поступать с теми, которые не радят о своих обязанностях»²⁵, и мог по любому поводу подвергать аратов пыткам, штрафовать, отбирать имущество и эксплуатировать, заставляя выполнять различные работы.

Пользуясь бесконтрольностью и произволом, чиновники быстро богатели за счет ограбления населения. Не случайно М. Райков за-

²² Там же.

²³ А. П. Ермолаев, *Тоджа*, стр. 18.

²⁴ П. Е. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 427.

²⁵ «Уложение Китайской Палаты внешних сношений», т. I, СПб., 1828, гл. V,

мечает, что «богатыми могут быть у них только начальствующие лица»²⁶.

Каждый арат был закреплен за определенным сумоном и во всем зависел от воли чиновника. Райков писал по этому поводу: «Саянцы без разрешения своего начальства не имеют права сделать ни одного шага...»²⁷.

Крупные феодалы и чиновники могли фактически безнаказанно убить любого арата. Если, согласно китайскому законодательству, кто-либо из «князей первых шести степеней, управляющих и не управляющих дивизиями (здесь хошунами. — С. В.)... также из тайцзиев и табунанов, имеющих должность чжасака, убьет с умыслом человека, принадлежащего к другой дивизии... наказывать смертоубийцу высыланием с него девяти девяток скотин»²⁸. Если же феодал убивал человека из своего хошуна, размер штрафа значительно уменьшался²⁹. Но жизнь феодала, его собственность строжайше оберегались законом: «Если какой необузданный раб посягнет на жизнь своего господина и успеет совершить злодеяние, — изрезать такого злодея на части»³⁰. Если кто-либо из аратов обращался к высшим органам, то подвергался наказанию плетью в 100 ударов³¹.

Аратов по малейшему поводу подвергали жесточайшим пыткам. Было известно до 40 способов изуверских видов телесных наказаний, которыми широко пользовались чиновники.

Тувинские князьки, занимавшие господствующее положение в государстве Алтын-ханов, в основном сохранили свое положение и после маньчжуро-китайского нашествия, так как были пособниками маньчжурских завоевателей, помогая захватчикам в порабощении тувинского народа.

Правителями Тоджи были представители родовой аристократии. Ф. Кон писал: «Власть амбыннойона наследственна в его семье так же, как власть огурдов (*ухэреда*), джянге и кунду. В случае прекращения рода, за смертью, или если прямой наследник не достоин шишки (чиновничий знак. — С. В.), шишка передается в другую семью, родственную первой. Иногда при передаче участвует народ. Собирается „чыыш“, сход, на котором все юртохозяева выражают свою волю. Таким образом избран, например, теперешний Тоджинский огурда»³².

Основной формой феодальной эксплуатации рядовых тоджинцев был *албан*, взимавшийся маньчжурской администрацией в качестве налога, которым облагалось каждое хозяйство тоджинских оленеводов и скотоводов. Помимо *албана*³³, производились поборы на содержание чиновников (*үндрук*). Значительную часть добытой пушнины охотник был вынужден отдавать в качестве налога. М. Райков сообщает, что более 3 тыс. соболей отправлялось ежегодно из Тоджи в Улясутай³⁴, т. е. более половины того, что добывалось в наиболее «урожайные» на соболя годы. По утверждению многих наших информаторов, в конце XIX — начале XX в. в отдельные годы приходилось полностью отдавать все добытое на промысле в качестве *албана*.

Здесь произошло слияние феодальной ренты с налогом, отмеченное К. Марксом у ряда народов Азии. Имея в виду феодально зави-

²⁶ М. Райков, *Отчет...*, стр. 447.

²⁷ Там же, стр. 448.

²⁸ «Уложение Китайской Палаты...», т. II, ч. III, § 1.

²⁹ Там же, § 2.

³⁰ Там же, § 4.

³¹ Там же, § 83.

³² Ф. Кон, *Усинский край*, стр. 89, 90.

³³ По данным П. Е. Островских, *албан* включал по 3 соболя или 120 белок с человека (П. Е. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 428).

³⁴ М. Райков, *Отчет...*, стр. 461.

симое население этих стран, К. Маркс писал: «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит им, как это наблюдается в Азии, в качестве земельной собственности и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты». И далее: «...в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»³⁵.

Таким образом, характерными чертами общественных отношений тоджинцев в XIX — начале XX в. были, с одной стороны, разложение остаточных явлений родового строя, с другой — развитие феодализма.

СЕМЬЯ И БРАК

В конце XIX — начале XX в. у тоджинцев, как и у всех тувинцев, господствовала моногамная форма семьи, но сохранилась классификаторская система родства, что позволяет предполагать о существовании в прошлом группового брака.

У тувинцев, как и у большинства других тюркских народов, терминология родства объединяет прямое и коллатеральное родство. Мы находим здесь общие названия для родственников по прямой и боковой линии³⁶.

³⁵ К. Маркс, *Капитал*, т. III, М., 1955, стр. 804.

³⁶ Приводим основную номенклатуру родства и свойства, записанную нами в Тодже (термины даны в первом лице): прадед — *өгбем*; дед — *ирем* (в других районах Тувы *кырган-ачам*); бабушка — *энем* (*кырган-авам*); отец — *ачам*; мать — *авам*; сын — *оглум*; дочь — *уруум* (*оглумнуң уруу*); внук — специального термина нет, в разговоре называют *оглум* (*оглумнуң оглу*); внучка — специального термина нет, в разговоре называют *уруум* (*оглумнуң уруу*); старший брат — *какайым*, *хакалм* (*акыйым*, *акым*); жена старшего брата — *чеңгем* (в других районах Тувы встречается термин *чаа авам*); младший брат — *дуңмам*; жена младшего брата — *кенним*; старшая сестра — *увам* (*угбам*); младшая сестра — *дуңмам*; жена сына брата — *кенним*; муж дочери брата (старше говорящего) — *честем*; муж дочери брата (моложе говорящего) — *күдээм*; сын брата (старше говорящего) — *акым*; сын брата (моложе говорящего) — *дуңмам*; сын сестры (старше говорящего) — *акым*; сын сестры (моложе говорящего) — *дуңмам*; жена сына сестры — *чүгем*, *кенним*; дочь сестры (моложе говорящего) — *дуңмам*; муж дочери сестры — *күдээм*; внучка сестры — *уруум*; сын брата отца (старше говорящего) — *акайы*, *хакай*, *акым*; сын брата отца (моложе говорящего) — *дуңмам*; сын брата матери (старше говорящего) — *акым*; сын брата матери (моложе говорящего) — *дуңмам*; жена сына брата отца (старше говорящего) — *чеңгем*; жена сына брата отца (моложе говорящего) — *хенним*; дочь брата отца (старше говорящего) — *увам*; дочь брата отца (моложе говорящего) — *дуңмам*; муж дочери брата (старше говорящего) — *честем*; муж дочери брата отца (моложе говорящего) — *күдээм*; муж младшей сестры — *күдээм*; сестра отца — *увам*; муж сестры отца — *честем*; муж старшей сестры — *честем*; сын сестры отца (моложе говорящего) — *дуңмам*; старший брат матери — *ирем*; жена старшего брата матери — *күүйүм*; сын брата матери (старше говорящего) — *акым*; сын брата матери (моложе говорящего) — *дуңмам*; жена сына брата матери (старше говорящего) — *хоой* (*күүй*); сестра матери — *кадам*, *даай ава*; муж сестры матери — *ирем* (в других районах Тувы этот термин не распространен); старший брат отца — *ирем*; младший брат отца (но старше говорящего) — *акайы* (*акым*) — *хакай*; младший брат отца (моложе говорящего) — *дуңмам*; брат матери (старше говорящего) — *даайым* (*даайында*); брат матери (моложе говорящего) — *дуңмам*; сын сестры матери (старше и моложе говорящего) — *дуңмам*; брат деда — *ирем*; муж — *ашаам*; жена — *кадайым*; отец мужа — *ирем* (в центральных и западных районах Тувы — *бег*); мать мужа — *кунчуум*, *кадам*; отец жены — *каттым*; мать жены — *кат-ием*; зять (старший) — *честем*; зять (младший) — *күдээм*; брат мужа (старший) — *ирем*; брат мужа (младший) — *оглум*; сестра мужа (старшая) — *кунчуум*; сестра мужа (младшая) — *чуржум*; жена брата матери (старшая) — *күүйүм*; жена брата мужа — *кунчуум*; отчим — *честем* (*соңгу адам*); мачеха — *ченгем* (*сонгу ием*); незаконнорожденный — *сурас*; родственники жены (старше говорящего) — *катаатар*; родственники жены (моложе говорящего) — *чуржулар*; близкие кровные родственники (родители, братья, сестры, двоюродные братья и сестры) — *хан төрөл*; члены одного рода — *сөөк төрөл*.

У тоджинцев строго различались названия для родственников по возрасту, отражавшие древние возрастные группы. Например, не существовало термина для обозначения родных брата и сестры, но зато строго различались родные и коллатеральные братья и сестры по возрасту.

Так, термином *дуңма* называли своих младших братьев и сестер, детей сестры и брата отца, моложе говорящего. Для обозначения старших братьев и сестер, родных, двоюродных и троюродных, младших братьев отца (но старшие говорящего) служил термин *акы* (у оленеводов — *акыйы*).

При анализе классификаторской системы родства мы видим следы разграничения родственников по линии матери и по линии отца, что отражает решающее значение родовой принадлежности в брачных отношениях в период существования экзогамии. Например, брат матери (старше говорящего) носил название *даай*, а брат отца — *акы*.

У тувинцев, в том числе и у тоджинцев, сестру матери (старше говорящего) называют *даай ава*. У алтайцев для обозначения дяди по матери служит термин *тай* (ср. *даай* — у тувинцев). Этим термином у алтайцев называли и некоторых других родственников матери — бабушку по матери и свейственников, являвшихся родственниками дяди по матери³⁷. Очевидно, что термин *даай* обозначал в прошлом у предков тувинцев, как и у алтайцев, членов материнского рода. В этой связи нельзя не упомянуть об очень интересных фактах из области семейно-брачных отношений, записанных Ф. Коном в начале XX в. в Туве. Он отмечает, что в пределах рода (т. е. с родственниками отца) браки были фактически запрещены (родство по линии отца должно было быть не ближе восьмого колена). «Наоборот, — пишет Ф. Кон, — браки с ближайшими родственниками матери ничем не ограничены: можно жениться на двоюродной сестре по матери и даже на сестре матери»³⁸.

О далеких пережитках группового брака, возможно, свидетельствует предание в тувинском фольклоре о времени, когда младший брат (*дуңма*) имел право вступать в связь с женой старшего брата (*чеңге*). Нами была записана сказка, в которой говорится, что жена охотника, когда тот был на промысле, встречалась, согласно обычаю, с его младшим братом. Муж рядом очень хитроумных действий добивается прекращения этой связи. Характерно, что муж в сказке не запрещает половую связь жены и брата, а обманывает их, рассказывая своей жене страшные небылицы о болезни брата, а брату — о болезни жены.

М. Райков пишет о тоджинцах (1898 г.): «В отношениях между полами — полнейшая свобода: жены вовсе не отличаются верностью своим мужьям»³⁹. Описывая семейные отношения, Ф. Кон отмечает: «Во многих сойотских поселках... мне приходилось видеть юрты, в которых жили взрослые девушки, каждая в отдельной юрте.

Это делалось для того, чтобы девушка могла располагать собой и без стеснения принимать своего возлюбленного, несмотря на то, что ни девушка, ни парень не собираются скрепить этой связи брачными узам»⁴⁰. Аналогичные явления наблюдал В. Васильев у тофаларов⁴¹.

³⁷ Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев...*, стр. 257.

³⁸ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 133.

³⁹ М. Райков, *Отчет...*, стр. 447.

⁴⁰ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 128.

⁴¹ В. Васильев, *Краткий очерк быта карагасов*, — «Этнографическое обозрение», LXXXIV—LXXXV, М., 1910, стр. 61, 62.

В общих чертах классификаторская система родства у тувинцев сходна с существующей у северных алтайцев (кумандинцы, челканцы, тубалары, шорцы), у которых еще в недавнем прошлом сохранялись некоторые пережитки группового брака. Л. П. Потапову удалось установить, что, например, у кумандинцев и тубаларов мужчина имел право вступать в половую связь с несколькими категориями женщин (в зависимости от родства), в которые входили дочери брата матери, дочери сыновей брата матери и жены сыновей братьев матери, жены старших братьев, младшие сестры жены. «Это право, — указывает Л. П. Потапов, — не являлось обязанностью, но оно допускалось общественным мнением и... иногда осуществлялось»⁴².

У тоджинцев, в особенности у олениводов, в отличие от тувинцев степных районов до недавнего времени сохранялась родовая экзогамия. Брать себе жену или вступать во внебрачные половые отношения можно было только с женщиной из другого рода.

Господствующим способом заключения брака у тоджинцев была уплата калыма (*халын*) семьей жениха семье невесты. Нередко были случаи сватовства малолетних детей. Так, у оленивода Ак Диленчи из рода дарган был трехлетний сын. Находясь в пути, Ак Диленчи заехал в чум, где жила семья из рода кыштаг. У них только что родилась дочь, в связи с чем был зарезан олень и устроен праздник (*төрээниниң тою*). Принимая участие в пирушке, Ак Диленчи решил избрать эту девочку невестой своему сыну. После пирушки каждый присутствующий дарил родителям новорожденной какую-нибудь вещь: лоскуты материи, ремень и т. п. Ак Диленчи, подарив серебряную поясную пряжку, сказал: «Ваша дочь будет моей дочерью, у меня есть маленький сын». Так состоялось сватание.

Выбирая невесту для своего сына отец. Сделав выбор и посоветовавшись с женой, отец отправлялся в чум родителей невесты. Отец жениха приходил с подарками, состоявшими обычно из огнива, шкурки соболя или нескольких десятков шкурок белок, куска шелковой материи. Зайдя в чум родителей невесты, он держал подарки на вытянутых руках и произносил: «Ищу неугасимый очаг и нескончаемую сарану». Если отец невесты был согласен, он принимал подарки, если нет, то отдавал их обратно, что свидетельствовало об отказе.

С момента принятия подарка сосватанные считались женихом и невестой (*душтуктар*). Пока невеста не достигала брачного возраста, отец жениха периодически делал подарки отцу невесты. Подарки эти шли в счет калыма. Обычно невеста была моложе жениха, но нам называли такие семьи, где муж был на несколько лет моложе жены. Совершеннолетие девушки определялось не по возрасту, а по ее физическому развитию. Имелись случаи вступления в брак тринадцатичетырнадцатилетних девочек.

М. Райков приводит факты о том, что жених, поселившись в чуме родителей невесты, живет там со своей невестой как с женой в течение нескольких лет, пока не выплатит весь калым, и лишь после этого перевозит ее к себе⁴³. Наши информаторы отрицали такую форму заключения брака, допуская только отдельные исключительные случаи этого рода. Тем не менее сообщение Райкова интересно, так как описанная им форма заключения брака является весьма древней, восходящей к тому времени, когда калыму еще не придавалось большого значения и фактическое бракосочетание происходило до его уплаты⁴⁴.

До свадьбы (*куда*) должен был быть полностью уплачен весь калым. У олениводов в калым обязательно входили:

⁴² Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев...*, стр. 257, 258.

⁴³ М. Райков, *Отчет...*, стр. 447, 448.

⁴⁴ Н. А. Кисляков, *Семья и брак у таджиков*, — КСИЭ, XVII, 1952, стр. 78.

1) ружье — «за позвоночник невесты» (*ооргазының сөөгү дээш бир боо бээр*); 2) бронзовый котел — «за череп невесты» (*бажының сөөгү дээш бир паи бээр*); 3) ездовой олень — «за ездового оленя, на котором невеста научилась ездить» (*уругнуң мунуп өөрөнгөн чарызы дээш бир чары бээр*); 4) самка оленя или кобыла — «за молоко, которое высосала невеста из груди матери» [*уругнуң эеп өскөн авазының сүдү дээш мынды (азы бе) бээр*].

В калым скотоводов должны были входить лошадь, а также различное хозяйственное имущество стоимостью в одну лошадь — топор, пушнина, кусок ткани, табак, чай и др. Непосредственно перед свадьбой родители жениха должны были отдать родителям невесты лошадь, которая носила название *суй аэды*.

Калым зависел в значительной мере от состоятельности родителей жениха. Бай-оленоводы обязательно включали в калым лошадей.

Например, один из наших информаторов (Ак Диленчи, 71 год, род кыштаг, колхоз «1-е Мая») рассказал, что его отец — бай включил в калым за невесту, помимо вещей, одну лошадь, шесть оленей (одного ездового, трех важенок, двух телят). По словам наших информаторов, в прошлом родственники помогали собирать калым отцу жениха, однако в начале XX в. этот обычай практиковался очень редко.

Бедняки уплачивали обычно в качестве калыма лишь сарану, шкуры животных и пушнину. Так, очень бедный оленевод Манчымай из рода дарган, живший по р. Хам-Сыра, имел всего одного оленя. Когда он женил своего сына, он привез родителям невесты калым, состоявший только из четырех *барба*, наполненных сараной, и несколько беличьих шкурок. В этой связи интересно сообщение китайской летописи танского времени о том, что у племен дубо «при свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленин кожи и сараньи корни»⁴⁵.

Если отец невесты считал, что калым выплачен, он договаривался с отцом жениха о свадьбе. Родители невесты строили для нее к востоку от своего чума специальный маленький чум (*бөөдей*). Затем родители невесты выделяли приданое, включавшее у оленеводов, по требованию норм обычного права, ездового оленя с вьюком, в котором содержалась одежда, посуда, иглы, шило и другие принадлежности. У скотоводов в приданое должна была входить корова и одна или несколько овец, а также утварь. Однако выплата приданого также зависела от имущественного положения родителей невесты. Были случаи, когда приданое состояло лишь из нескольких мелких предметов домашнего обихода. После постройки чума родителями невесты жених ехал в ее аал. У скотоводов в день приезда жениха устраивался праздник (*куда тою*), продолжавшийся два-три дня. Переселившись в чум невесты, жених жил там от 5 до 30 дней, пользуясь всеми правами мужа. Обычно, живя в чуме невесты, жених ходил на охоту, помогал ее родителям. Однако, по утверждению наших информаторов, это не являлось дополнительной частью калыма, а лишь традиционным обычаем помощи родным жены со стороны мужа. Прожив некоторое время в чуме невесты, жених увозил ее в свой аал.

С момента отъезда из аала невесты жених и невеста считались мужем и женой.

Обряд переселения жениха на сравнительно продолжительный

⁴⁵ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 349. — Однако возможно, что сообщение отражает деление дубо на две группы: таежных жителей—оленоводо- и степных жителей—коневодов.

срок в чум невесты является, возможно, пережитком матрилокальной формы брака⁴⁶.

С мнением девушки родители при решении вопроса о заключении брака не считались. Нередко девушка умоляла родителей не отдавать ее замуж за нелюбимого человека, плакала. Ее утешали: «Там будет твой народ, там будешь жить, там будут у тебя дети, там ты умрешь».

Тяжелую долю девушки, выходявшей замуж за нелюбимого, отразил фольклор. В одной из тоджинских песен поется:

Умирать очень страшно:
На сырую землю бросят.
Вырастешь — тоже страшно.
Чужим людям отдадут.

Ф. Кон писал: «Положение женщины в семье находилось в строгой зависимости от зажиточности и положения, занимаемого мужем. В богатых семьях жена ничего не делает, если не считать делом покрывание на разбаловавшихся детей или мелкой работы по дому; в бедных семьях женщина была завалена работой до усталости, до изнеможения. У тоджинцев, например, муж, уходя на охоту, указывал жене место, куда он явится во время промысла, и на это место она должна была с детьми, со всем скарбом перекочевать. Вся работа по перекочевыванию лежала на ней, она выючила лошадей, перегоняла скот и т. д.»⁴⁷.

Пренебрежительное отношение к женщине проявлялось у тувинцев в оскорбительной кличке *херээжок* — ненужная.

В Тодже наряду с моногамией были случаи двоеженства. Например, Догдей Шагдаа, богатый оленевод, чиновник из рода кезек-маады, в начале XX в. имел двух жен. Одна жена на лето оставалась со скотом в долине, а с другой он откочевывал в тайгу с оленями. Жена, занимавшаяся скотом, была из рода тодут и получила опыт по ведению скотоводческого хозяйства еще живя с родителями. Другая жена была оленеводка из рода кыштаг. Догдей Шагдаа был весьма богат; он имел 100 лошадей, около 100 коров, более 50 овец и коз, более 80 оленей.

Беременные женщины работали в домашнем хозяйстве до наступления родовых схваток. Ели ту же пищу, что и остальные члены семьи.

Роды совершались в чуме. Роженице помогали пожилые женщины. Специальных повитух не было. В чуме присутствовали только близкие родственники — женщины.

У оленеводов женщины рожали полусидя или на коленях, но не лежа. В этом сохранился древний обычай, который был еще в XIII в. отмечен В. Рубруком у монголов: «Для родов они никогда не ложатся в постель»⁴⁸. Во время первых родов к двум противоположным жердям чума привязывали аркан и женщина рожала полусидя, ухватившись за конец аркана. Пуповину (*хини*) перевязывали, а затем перерезали ножом, это делала сама мать или помогающая женщина. Пуповину вместе с последом (*сыргы*) закапывали под деревом в 100—200 м от чума. Если роды кончались благополучно, уже через день-два женщина начинала работать. Антисанитарные условия родов приводили часто к тяжелым заболеваниям новорожденного и матери. Ребенка мыли в соленой воде, обматывали мягкими шкурами и обвязывали. Кормить грудью начинали обычно на третий день. Со дня рождения ребенку давали сосать кусочек сырого курдючного сала

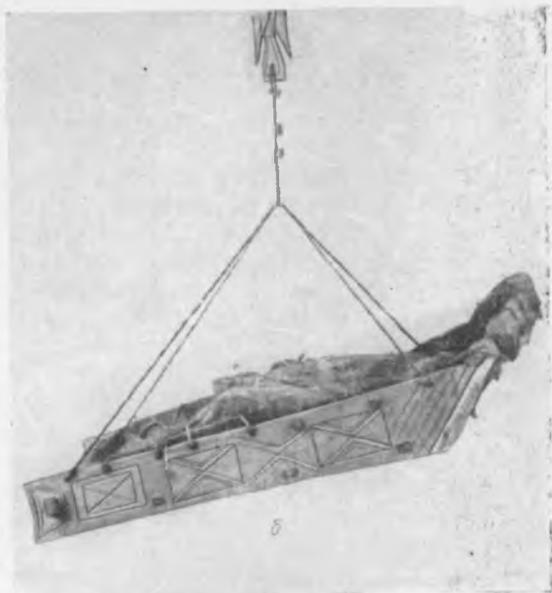
⁴⁶ Сущность аналогичных явлений раскрыта М. О. Косвеню в статье «Переход от матриархата к патриархату», — сб. «Родовое общество», М., 1951, стр. 90, 91.

⁴⁷ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 137.

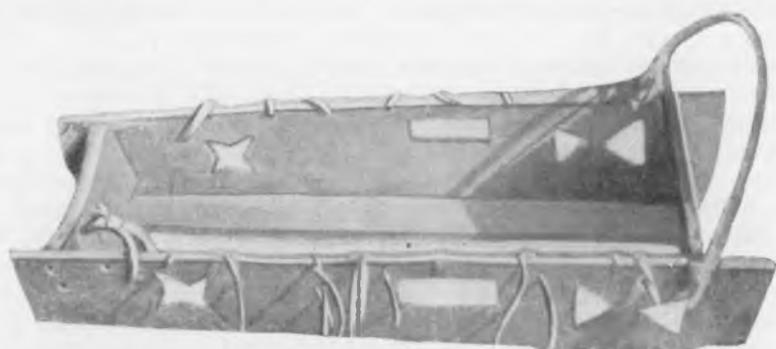
⁴⁸ В. Рубрук, *Путешествие в восточные страны*, СПб., 1911, стр. 78.

а

б

в

Рис. 125 Люльки: а — берестяная; б и в — деревянные

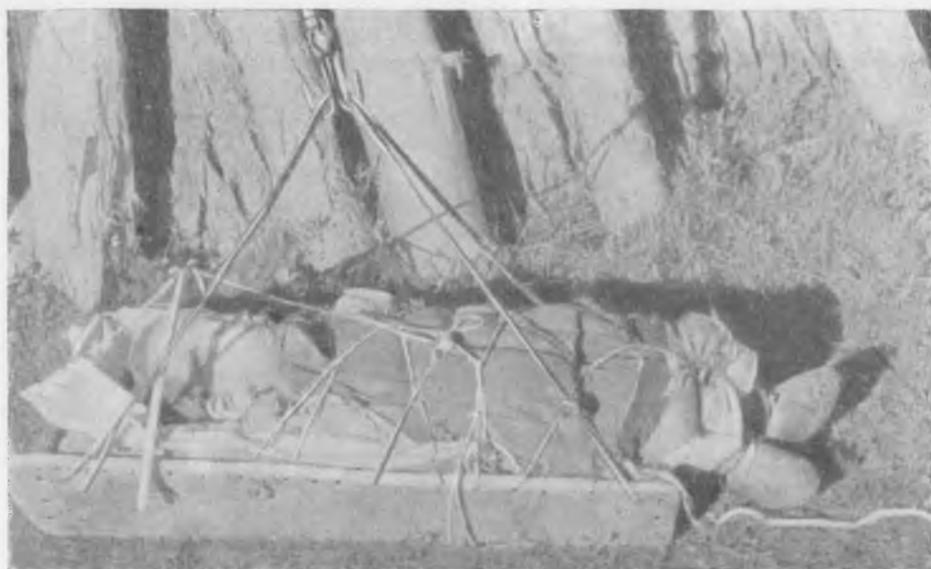

Рис. 126. Ребенок в люльке

барана или оленя. Если сала не было, то давали сосать кусочек вареного мяса. Ребенка кормили грудью в течение нескольких лет; иногда четырехлетний ребенок еще сосал грудь.

Люльку (*кавай*) делал отец (у оленеводов — из бересты, у скотоводов — из дерева) (рис. 125).

Днем ее подвешивали к жердям чума, а на ночь мать ставила люльку рядом с собой и кормила ночью ребенка. В бедных семьях матери нередко приходилось уходить, оставляя ребенка одного, крепко привязанным к люльке.

У скотоводов под ребенка в люльку подкладывали сухой коровий или овечий помет, поверх которого настилали, как правило, волосы из хвоста и гривы лошади (в других районах Тувы подкладывают козью шерсть). Волосная подстилка пропускала жидкость, а сухой помет ее впитывал. Зимой под спину ребенка подкладывали шкурку зайца мехом к телу ребенка, а летом — кусочек кожи или ткани. У оленеводов подстилка в люльке ребенка состояла из перепревших прошлогодних сухих игл (*хүзүрүм*) кедра и лиственницы и древесных гнилушек.

Если грудной ребенок заболел, вызывали шамана, который шаманил обычно без бубна. По его указанию оленеводы освящали одного из оленей. Над люлькой ребенка привязывали ленты, бусы, монеты, клыки марала (*салгыт*) и раковины каури, служившие амулетами, оберегавшими от злых духов. Если ребенок выздоравливал, то ленты не выбрасывали, а оставляли висеть на стенке юрты.

В прошлом у тувинцев, в особенности у тоджинцев, была очень высокая детская смертность. Во многих семьях умирала почти половина детей; в среднем каждая семья имела четырех-шестерых детей, а рожали женщины восемь-десять детей и даже больше.

Имя ребенку давали по просьбе отца соседи по аалу или кто-нибудь из гостей, находившихся в чуме после рождения ребенка. Обычай давать имя ребенку гостем существовал также у тофаларов⁴⁹. Но иногда ребенок получал имя только на третий год жизни.

Детей никогда не били, шлепки как наказание за непослушание применяли редко. Родители, уходя надолго из жилища, привязывали малолетнего ребенка к шестам остова чума, чтобы ребенок не упал в очаг. Если женщине приходилось идти с маленьким ребенком, то она несла его за спиной.

Дети приобщались к труду, помогая в основном матери в ведении домашнего хозяйства и участвуя в сборе сараны. В свободное время они собирались в чуме или поблизости от него и играли. Девочки, достигшие шести-семи лет, вместе с матерью готовили пищу, принимали участие в шитье одежды, ухаживали за младшими сестрами и братьями. Мальчика семи-, восьмилетнего возраста отец начинал обучать стрельбе из ружья, а в девять-десять лет уже брал на охоту, рассказывал ему о приемах охоты, повадках зверей, обучал ориентировке на местности и т. п. Постепенно подросток в той или иной мере овладевал практическими знаниями, необходимыми производственными навыками, выработанными поколениями его предков. Вместе с тем в сознание с первых лет жизни проникали искаженные представления о мире, суеверия — результат воздействия на ребенка религиозной идеологии.

К родителям дети относились с большим уважением. Когда старики родители уже не могли собственными силами добывать средства существования, они обычно вновь поселялись с кем-либо из своих взрослых детей.

⁴⁹ В. Васильев, *Краткий очерк...*, стр. 56.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ И ТВОРЧЕСТВО

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

Практический опыт, приобретенный поколениями в процессе производства, нашел свое воплощение в приспособленности материальной культуры к условиям географической среды, в приемах животноводства и охоты, рассмотренных в предыдущих главах. В соответствии с этим опытом возникли хозяйственный календарь, меры длины и времени, представления об окружающем растительном и животном мире, народная медицина.

Однако положительные знания нередко переплетались с превратными представлениями человека об окружающем мире. Было мало реальных знаний о строении вселенной, о народах, с которыми отсутствовала практическая связь; ложный, фантастический характер носило большинство представлений о закономерностях в природе.

Календарь и счет времени. Календарь велся по луне. Полный цикл изменения формы видимой части луны считался одним месяцем (*ай*). Новолуние (*бүдүү*) считалось концом месяца. Год состоял из 12 месяцев. Начинался он в феврале — первом месяце весны тоджинского календаря.

Как мы уже отмечали, в основу названий месяцев у охотников-оленьеводов были положены наиболее характерные черты сезонных изменений в природе или в хозяйственной деятельности человека, например: ноябрь (*өргүглээр ай*) — месяц постоянно падающего снега, август (*айлаар ай*) — месяц сбора сараны, октябрь (*алдылаар ай*) — месяц охоты на соболя и т. п. Аналогичные названия для некоторых месяцев известны у тофаларов¹.

У скотоводов Тоджи год делился на четыре времени года — весну, лето, осень и зиму, каждое из которых делилось на три луны (месяца): первую, вторую и третью.

1. *Частың башкы айы* (первая весенняя луна) — февраль.
2. *Частың ортаа айы* (средняя весенняя луна) — март.
3. *Частың адак айы* (последняя весенняя луна) — апрель.
4. *Чайның башкы айы* (первая летняя луна) — май и т. д.

Сутки (*хонук*) делились на день (*хүн*) и ночь (*дүн*); временными понятиями являлись также утро (*эртен*), полдень (*дүш*) и вечер (*кежэ*). Деление на часы и минуты не было известно.

Выражения «выкурить трубку» (*тапкы тыртым*) и «вскипятить чай» (*шай хайындырым*) служили для обозначения различных по своей продолжительности отрезков времени. Например, собеседник говорит, что переправа на плоту через реку продолжалась в течение половины времени, необходимого для кипячения чая.

Меры длины. Расстояние, которое может проехать за день без особой спешки человек верхом на лошади (обычно в условиях таежной пересеченной местности оно равно 25—30 км), называвшееся *бир хүн*

¹ Н. Ф. Катанов, *Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым* — «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», ч. IX, СПб., 1907, стр. 614, 615.

нук — день пути (буквально «однодневный»), служило мерилом протяженности. Говорили, например, так: «До соседнего стойбища недалеко, всего два дня пути» (*ийи хуннук*); или — *бир ара хонуп чедер чер* (буквально «земля одной ночевки в пути»). Расстояние, проезжаемое до полудня, — *душтук чер*.

Для определения более коротких расстояний мерилом служил отрезок пространства, на котором слышен громкий крик, т. е. примерно 700—900 м; *бир кышкы чер* — расстояние одного крика. Например, «волк задрал оленя на расстоянии двух криков от чума».

Для определения расстояния в несколько сот метров и меньше мерилом служило пространство, которое пролетает пуля из кремневого ружья (80—100 м) — *боо адымы* (буквально «расстояние прицельного выстрела»).

Небольшие меры длины определялись следующим образом:

1. *Базым* — шаг человека.
2. *Кулаш* — расстояние между концами пальцев рук взрослого человека, раскинутых на уровне плеч (сажень)².
3. *Төш чартык* — от конца пальцев вытянутой руки до середины груди.
4. *Узун дугай* — от конца вытянутых пальцев руки до локтя.
5. *Мугур дугай* — от конца кисти руки, сжатой в кулак, до локтя.
6. *Карыш* — между концами раздвинутых большого и среднего пальцев.
7. *Сөөм* — между концами указательного пальца и отведенного назад большого пальца руки.
8. *Бир мугур сөөм* — между концом отведенного большого пальца и согнутым указательным пальцем.
9. *Бир эргек* — толщина одного пальца³.
10. *Ийи эргек* — двух пальцев.
11. *Үш эргек* — трех пальцев.
12. *Дөрт эргек* — четырех пальцев.

Кулаш и *карыш* могли служить для измерения различных величин, например: *ийи кулаш* — две сажени и т. д.

Размеры площади выражались очень условно. Так, площадь, приблизительно равную ладони, называли *адыш оюу*; примерно соответствовавшую величине очага — *от орну*; основанию чума — *өг орну*; пространству, на котором мог бы разместиться аал, — *аал коданы*.

Под влиянием торговли с русскими в конце XIX в. как мера длины вошел в употребление аршин, а как меры веса — пуд и фунт.

Объем сыпучих тел (крупа, мука и др.) измеряли сосудами. Существовали следующие приблизительные меры объема: *бир аяк* (одна чашка) — равна около $\frac{1}{4}$ л; *бир соо* (один сосуд) — 1,5—2 л; *улуг соо* (большой сосуд) — 3—4 л; *хөгээр* — до 5 л; *барба* — 15—20 л.

Знания о природе были подчинены непосредственным интересам хозяйственной деятельности. Тоджинцы великолепно знали территорию, охватываемую кочевками и промыслом, что позволяло почти безошибочно ориентироваться в сложных условиях тайги. Значительно облегчало ориентировку наличие названий для каждой местности, участка тайги, реки (и даже ручья), скалы, склона горы и т. п.

В отношении знания местности тоджинцы отличались острой наблюдательностью и прекрасной памятью.

Любопытна удобная система своеобразных указателей маршрута,

² В центральных и западных районах Тувы была известна также мера длины — *шавышках кулаш* — расстояние от ступни до конца пальцев руки взрослого человека, поднятой вверх.

³ В других районах Тувы толщина, соответствующая одному пальцу, носит название *бир илиг*, а название *эргек* применяют только к большому пальцу.

широко распространенная в Тодже. Если охотник хочет, чтобы кто-нибудь нашел его, он втыкает в землю на тропе молодое, очищенное от ветвей и коры деревцо, надламывает ствол и пригибает его к земле — вершина указывает на направление движения. Если деревцо длинное, а его ствол надломлен на конце, значит предстоит далекий путь, если же дерево короткое и надломлено на середине, то до места, куда направлен указатель, близко. В местах почевок охотник также оставляет указатель, называемый *белги*. Он устанавливает указатели и в случаях, когда хочет вернуться на место, где оставил тушу убитого им зверя.

Тоджинцы, хотя и знали о странах света, но для ориентировки на местности пользовались ими мало. Старики охотники не раз говорили нам, что ориентирами служили в основном реки, озера и водоразделы. В Тодже не было общего названия для стран света.

В роде кыштаг, так же как у тофаларов, восток назывался *мурнуцуг*, от *мурнуу чук* — передняя сторона, а запад — *сонгучук*, от *сөңгү чук* — задняя сторона.

В роде дарган страны света называли иначе. запад (*хун бадар чук*) — сторона захода солнца, а восток (*хун үнер чук*) — сторона восхода солнца.

У скотоводов долины Бий-Хема восток называли *лүнгеер чук*, запад — *соңгу чук*, север — *аткаар чук*, юг — *ишкээр чук*⁴.

Тоджинцы умели по незначительным признакам предсказывать изменение погоды. Приведу некоторые из многочисленных примет, связанных с дождем.

1. Если в пасмурную погоду низко идущие облака проходят над вершинами сопки не задерживаясь, значит дождя не будет. Если низкие облака останавливаются над вершинами сопки, сливаются с туманом, значит быть ненастью, дождю.

2. Если утром после дождя туман поднимается — к дождю, если садится — к ясной погоде.

3. Если утренняя роса после восхода солнца быстро испаряется, то дождя не будет, если долго висит каплями — «не хочет испаряться», — значит будет дождь.

4. Если жаворонок летает над землей, значит быть дождю, если высоко в воздухе — будет хорошая погода.

5. Если кукушка дополняет свое кукование особым хриплым звуком, то наступит изменение погоды, возможен дождь.

6. Если бурндук свистит слишком часто, через некоторое время начинается дождь.

Тоджинцы хорошо знакомы с флорой и фауной своего района. Особенно основательны знания охотника о промысловых животных.

Охотники прекрасно знают, какой травой питается, скажем, лось, где обитает, когда ходит на водопой, его тропы, повадки, развитие лося по мере роста, зависимость его поведения от времени года, погоды и т. п. Они заранее знали на основе многих примет пути сезонных перемещений промысловых животных, места их концентрации. Иногда за несколько месяцев до начала промысла охотники приходили к выводу о предстоящем хорошем или плохом «урожае» пушных зверей, нередко в связи с этим значительно изменяя свои маршруты.

Накопление знаний об окружающей природе имело чисто практический характер. Для многих растений, например, совсем не было названий, так как они почти не играли никакой роли в жизни тоджинцев и не имели значения для промысловых животных. Вместе с тем

⁴ В Центральной и Западной Туве: север — *соңгу чук*, юг — *мурнуу чук*, восток — *чөөн кук*, запад — *барыын чук*.

растения, которые каким-то образом использовались населением или служили пищей для промысловых животных, обязательно имели названия, зачастую различные для молодых и старых.

Растения, не имеющие специальных названий, объединялись в группы по какому-либо одному признаку. Так, цветы делились на несколько групп по цвету лепестков: желтые цветы (*сарыг чечек*), синие цветы (*көк чечек*), красные цветы (*кызыл чечек*) и т. д. В результате под одним названием объединялись растения различных семейств и видов. Названия трав давали по внешнему виду листьев травы: «широкая трава» (*калбак даген*), «волосяная трава» (*хыл сиген*). Некоторые растения получили свои названия по виду животных, которые ими питаются, например *элик хараганы* (*Rhododendron dahuricum*) *косулий можжевельник*.

подавляющее большинство кустарников и все виды деревьев имели свои названия.

Имеют свои названия и все виды животных, населяющих Тоджу. Копытные (*косуля*, *лось*, *кабарга*, *марал*) в отличие от других промысловых животных имеют отдельные названия для самца, самки и детенышей⁵. Это в известном смысле отражало доминирующее в течение многих веков значение копытных в экономике таежных жителей.

Для глухаря в отличие от других птиц существовало два названия: самец (*кара-куш*) и самка (*дигилик*). Это объясняется тем, что глухарь имел более важное промысловое значение, чем все прочие виды дичи.

Большая часть внутренних органов и скелета животных имела свои названия.

Народная медицина тоджинцев включала наряду с целесообразными средствами, найденными в результате многовекового опыта поколений, также и различные магические приемы, зачастую приносившие вред здоровью больного.

Но даже и те средства, применение которых можно было бы считать целесообразным при одних заболеваниях, при других были совершенно бесполезны и даже опасны для жизни. Тоджинцы, например, хорошо знали о целебных свойствах таежных горячих источников — *аржанов*, признаваемых и современной научной медициной, но их действие считали благоприятным для всех заболеваний, хотя, как известно, при некоторых заболеваниях, например туберкулезе легких, усиленное использование вод горячих источников приводит к резкому ухудшению состояния больного.

Большое место в народной медицине занимали различные снадобья растительного и животного происхождения.

Так, характерное для горных сырых, заболоченных участков тайги вересковое растение *шаанак* применяли для лечения простуды. Отвар веток этого растения пили. Простудные заболевания лечили также корой пихты (*чойган карты*). Для этого пили горячий отвар этой коры. При сильном жаре принимали *тооргу хини* — струю кабарги, разведенную в теплой воде. При кашле пили отвар из листьев и веток растущего в сырых местах на гольцах и в высокогорной тайге кустарника багульника *ойгемчи* (*Ledum palustre*). Из этого же растения, предварительно хорошо высушенного, готовили порошок, который употребляли для присыпки потеющих участков кожи у маленьких детей. Из высушенных корней таежного растения *хунажын* (ревень) делали лекарственный порошок для лечения ран. Корни вначале сушили на солнце, затем толкли и в порошкообразном виде посыпали на рану.

Для лечения кожных болезней, а также гноящихся ран применя-

⁵ Например, *косуля-самец* (*хулбус*), *самка* (*элик*), *детеныш* (*анай*).

ли, например, такой способ: из сетей выбирали попадающиеся вместе с рыбой речные ракушки (*куртхавы*). Ракушки хранили в чуме, вскрывали лишь перед употреблением. Содержимым ракушки мазали рану.

Большое значение в народной медицине отводилось медвежьей желчи (*ире өдү*). Ее употребляли при опухолях, туберкулезе, заболеваниях желудка. Небольшие крупинки высушенной желчи глотали вместе с водой или чаем. Некоторые употребляли желчь в свежем виде. Считалось, что целебными свойствами обладает лишь желчь медведя, убитого зимой.

Опухоли и некоторые кожные болезни лечили, смазывая кожу пихтовой смолой или принимая внутрь *хая цугу* — «скальную смолу», просачивающуюся в расщелины скал. Летом для лечения опухолей применяли полынь. Ее кипятили в воде, а отваром мочили опухоль. У оленеводов для лечения опухолей применяли также ягель (*шүлүн*), который опускали в горячую воду, затем вынимали, обертывали тканью и прикладывали к опухоли. В состав ягеля входят антибиотики, которые оказывали антисептическое действие, способствуя выздоровлению.

В лечебных целях применяли также высушенные семенники бобра, которые глотали небольшими кусочками. Считалось, что это средство очень эффективно для лечения бесплодия женщин.

Люди, знакомые с народной медициной, назывались *одучу*; их методы лечения отличались от методов, применяемых ламами, которые занимались врачеванием на основе тибетской медицины.

Определенные положительные знания были накоплены и в способах лечения животных средствами народной ветеринарии. Так, для лечения ран домашних животных применяли порошок из сушеных корней травы *манчын* (борец алтайский).

Однако средства народной медицины оказывались совершенно неэффективными против многих болезней. Туберкулез, трахома и сифилис были распространены в значительной части семей тоджинцев. От эпидемий гриппа и оспы вымирали целые родовые группы⁶. Систематические эпизоотии резко сокращали стада домашних животных:

Космологические знания у тоджинцев были ограничены и пронизаны превратными, фантастическими представлениями.

Из созвездий выделяли Большую Медведицу (*Чеди хан*⁷) и Плеяды (*Мечин*), а также группу звезд в районе созвездия Орион (*Үш мыйгак*, означающее в переводе «три маралухи»).

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Народное поэтическое творчество тоджинцев богато и разнообразно по содержанию и жанрам. Различные сказки и песни, пословицы, поговорки и загадки широко бытуют и по сей день среди оленеводов и скотоводов Тоджи.

Благодаря фольклору, живому слову сказителя молодой человек в какой-то мере узнавал о мыслях, чувствах и надеждах прошлых поколений, получал в художественных образах некоторое представление об окружающем мире.

Народная мудрость воспитывала трудолюбие, отвагу, чувство товарищеской взаимопомощи, презрение к хитрым и жадным.

Большое место в творчестве тоджинцев, в их духовной культуре занимали сказки (*тоол*). Сказители пользовались большим почетом и уважением. Для них слушатели готовили чай и пищу. Существовало

⁶ Прививка против оспы была впервые организована среди тоджинцев в 1916 г. русскими властями.

⁷ Тоджинцы-скотоводы Большую Медведицу чаще называли по-монгольски *Долон-Бурхан*. Названия для созвездий *Чеди хан* и *Үш мыйгак* известны также тофламам и алтайцам.

поверье, что хороший сказитель живет очень долго. Сказки можно было рассказывать только в вечерние часы и ночью. Обычно любили слушать их в длинные осенние и зимние вечера. Считалось, что если сказитель не расскажет до конца сказку, то в жизни его случится несчастье. Если же он не помнил всю сказку, то ему запрещалось ее рассказывать. Тоджинские сказки по своим сюжетным и художественным особенностям в большинстве случаев аналогичны сказкам, записанным в других районах Тувы.

В сказках прославляются сила, ловкость и ум героя, поступающего всегда справедливо, отстаивающего правое дело. Нередко в них фигурируют также различные темные силы — злые духи, противостоящие миру положительных героев. Среди них особенно часто встречаются Эрлик Ловун-хан, господствующий в подземном мире, куда уходят души умерших, черт *аза*, злой дух *албыс*, выступающий в образе женщины, злые духи *чылбыга*, *шулбус* и *мангыс*, фигурирующие в сказках в облике мужчин и женщин. Они приносят много вреда, поедают людей, олицетворяя собой неведомые, страшные для человека силы природы.

В волшебных сказках положительный герой в своей борьбе часто находит поддержку у животных. Например, в сказке об Оскус-ооле герою удается с помощью диких таежных животных и собак наказать злого духа Чылбыга, принявшего человеческий образ, и изгнать его на луну. В сказке «О парне, за которым гнался Чылбыга» герою помогают марал, лось, лиса и сова.

Во многих сказках животные превращаются в человека, и наоборот. В сказке «Олберги», например, волк превращается в старика, а Караты-хан — в золотисто-желтого коня.

Среди положительных героических образов сказок большое место занимает женский образ Золотой царевны, отличающейся необыкновенным умом, хитростью и преданностью своему возлюбленному, которого она спасает в тяжелой борьбе с темными силами, помогая ему советами и магическими действиями. Она, как правило, наделена такими магическими силами, которых лишен защищаемый ею положительный герой. В сказке «Олберги» Золотая царевна дает герою мудрые советы в его борьбе с Караты-ханом и несколько раз спасает Олберги от неминуемой смерти. Кроме того, когда он теряет присутствие духа, она поддерживает его, укрепляет его решимость. Замечателен совет Золотой царевны Олберги в момент, когда опечаленный и поникший духом герой уходит в страну, где ему предстоит борьба с ханом: «Человек, который идет в далекую страну, не должен плакать, надо уходить с песней».

В сказках нередко звучат социальные мотивы. Так, в «Олберги» бедняк Олберги выходит победителем, преодолевая различные трудности, а его враг, жестокий Караты-хан, гибнет.

Некоторые сказки характеризуют различные стороны семейных отношений и иногда содержат весьма ценный материал для изучения истории семьи у тоджинцев.

Разнообразны и содержательны сказки о животных. Большинство их имеет нравоучительный характер, а также отражает те или иные особенности в поведении зверей, их повадки и жизнь; нередко сказки имеют аллегорический смысл. В сказке «Летучая мышь» (*Часкыжик*) герои спорят, кто должен брать с летучей мыши налог: лиса, собирающая налог с наземных животных, или ястреб, взимающий налог среди летающих. Летающей птицей летучую мышь нельзя назвать, так как она проводит время передвигаясь по земле и похожа на мышь. Наземным животным ее также нельзя назвать, так как она имеет крылья и летает.

Весьма характерно, что в сказках о животных, записанных у охотников Тоджи, почти не встречаются охотничьи сказки и легенды о происхождении животных.

В некоторых сказках имеются названия конкретных местностей. Например, в сказке о «Чангыс-ооле» чудовище Чылбыга, спасаясь бегством от героя сказки, прыгает вначале в оз. Тожу-Хөл (оз. Тоджа), а затем в Маны-Хөл и Ушпе-Хөл (другие тоджинские озера).

Устное народное творчество тоджинцев включает также легенды и предания. Весьма интересна распространенная в Тодже легенда о происхождении оленеводства⁸. В ней рассказывается о том, что когда-то давно в лесах Улуг-Дага люди аала откочевали, бросив старика из рода дарган и старуху из рода соян в местности Иви-Шилиг. Эти пожилые люди не могли заниматься охотой, им было трудно добывать пищу. От смерти они спаслись, приручив диких оленей. Старик и старуха научились ездить на оленях и доить их. Весьма любопытно, что в нескольких вариантах легенды, записанных от разных лиц, имеются небольшие отличия, но в отношении места приручения всеми указывается Улуг-Даг.

Существуют легенды, отражающие некоторые космогонические представления. Так, в легенде «Уш мыйгак» («Три маралухи») рассказывается, что на небе — в Верхнем мире — есть созвездие, носящее название *Уш мыйгак*. В нем семь звезд. Это застывшие три марала, собака, охотник, лошадь и пущенная из лука стрела. Когда-то давным-давно, когда люди только начали охотиться на диких животных, в Верхнем мире один человек с собакой пошел на охоту за маралами по насту. Заметив трех маралов, он пустил по их следу собаку, а сам верхом на лошади помчался наперерез животным. Когда лошадь устала, охотник слез с нее и пошел пешком. Увидев мчащихся мимо него маралов, он с большой силой пустил стрелу, пронзившую насквозь среднего из трех бежавших животных.

О Большой Медведице (*Чеди хан* — «Семь ханов») рассказывают, что когда-то семь ее звезд были ханами. Они странствовали по Верхнему миру и сошли в одном месте. Решили пообедать, но никто из них не умел варить обед. До сих пор стоят они и решают.

В ряде исторических преданий, записанных нами в Тодже, рассказывается о подвигах богатырей, повествуется о конкретных исторических событиях. В них заметно стремление убедить слушателей в правдивости событий. В одном из преданий рассказывается о большой войне родоначальника даргаларов богатыря Ала Дарги с Хорламай-ханом. Предание подробно повествует о том, как Ала Дарга сделал себе *куяк* (кольчугу), сшитый из кусков шкуры марала и, будучи прекрасным стрелком, перебил из лука часть воинов Хорламай-хана, а часть хитростью утопил в Бий-Хеме на порогах. Остатки войск Хорламай-хана были добыты монгольским отрядом у реки Ий.

Это предание чрезвычайно любопытно тем, что освещает действительные исторические события, имевшие место в Туве в первой четверти XVIII в. Из монгольской летописи «Эрдэнин Эрихе» мы узнаем, что Хурулмай — самый влиятельный из урянхайских князей — подчинился в начале XVIII в. маньчжурам⁹, но потом восстал против них и бежал в урочище Тучжи (Тоджу. — С. В.). Монгольский цзайсан Бубей, в хошуне которого кочевал до измены маньчжурам Хурулмай, послал вдогонку за ним своего сына Эренчина, а сам во главе войск оккупантов разгромил его сторонников на Хемчике.

⁸ Наиболее полный текст записан мною от оленевода Ак Чайма Даламатовича (колхоз «Первое мая»), в 1951 г.

⁹ А. М. Позднеев, *Монгольская летопись «Эрдэнин Эрихе»*, — «Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 гг.», СПб., 1883, стр. 321.

Летопись не рассказывает об отношении к Хурулмаю в Тодже, но, судя по преданию, можно предположить, что тоджинские правители были в это время на стороне маньчжуро-китайских завоевателей. Память о Хурулмае сохранилась и у дархатов, где Г. Санжеев записал предание о том, что предок дархатов жил в период войны с Хоролмеем (т. е., по-видимому, Хурулмаем)¹⁰.

В другом предании рассказывается о борьбе богатыря Тюрю Даргана с вторгшимися в Тоджу вражескими воинами. Здесь упоминаются конкретные местности Тоджи (Хам-Сыра и др.) и населявшие ее роды (соян), подробно излагается ход борьбы. В предании нет элементов волшебства, и оно имеет достоверный характер.

Во многих преданиях повествуется о происхождении отдельных родо-племенных групп (соян, кыштаг и др.).

Большое место в тоджинском фольклоре занимают песни (ыр), отражающие личные чувства, настроения, мировоззрение человека. В них воспета жизнь оленеводов и скотоводов, ее трудности и радости, природа Тоджи. Особенно распространены песенки-куплеты в форме четверостиший.

Среди тоджинцев широко распространены лирические песни. В одном из четверостиший девушка долины поет о разлуке с любимым, сравнивая его с далекой горной вершиной:

Бажы кэступ чыткан эрип (т. е.
эртип)¹¹

Бай-ла дагныц, ыраан, ыраан,
Бажы-биле албас эрип
Баштак карам ынаан, ынаан.

Гора Бай-даг далека, далека,
Хотя виднеется ее вершина.
Мой милый любит, любит,
Хотя не суждено нам жить
вместе.

В другом четверостишии девушка опечалена тем, что никого из чооду (так скотоводы называют оленеводов) нельзя считать своим любимым, потому что они постоянно кочуют:

Чоодуларны чонум дээр бе,
Чортуп келгеш чоруй-ла баар,
Чодурааны кадым дээр бе:
Сөөк болгаш када-ла лээр.

Нельзя назвать своим всех чооду:
Они приедут и уедут опять.
Черемуху нельзя назвать ягодой:
Она состоит из косточки и
высохнет.

В песнях девушек нередко звучит печаль и обида на возлюбленных за их измену:

Даңза кылыр дагыр сөөскен
Тайгазындан үндү-ле ийне
Таапкылажыр мээң эжим
Дашты-ла өгден хонган диди.

Таволга для трубки
Растет в тайге.
Милый мой, с которым
закуриваю,
Ночевал, говорят, в соседней
юрте.

Глубоко лиричны строки, в которых девушка осенью грустит об уехавшем домой сыне бурята, приехавшем в Тоджу:

Хадың бүрү хадың берди,
Хараал оглу чана берди.
Будук бажы булай берди.
Быраат оглу чана берди.

С берез слетели листья,
Утка уже улетела,
Концы сучков пожелтели,
Сын бурята уехал домой.

¹⁰ Г. Д. Санжеев, *Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г.*, Л., 1930, стр. 7.

¹¹ Записи сделаны от лиц старшего поколения и характеризуют дореволюционный фольклор.

Расставшись с девушкой, которую против ее воли выдали замуж, ее возлюбленный пел:

Көжүп барып хонган чери
Көгүлүг бе, сиегениг бе?
Хөөрүкүйнүң баар чери
Ырак чер бе, чоок чер бе?
Човалаңныг күжүр бодун
Човатпайн эдертинер,
Чоон кара кежигезин
Чазап дырап бергей силер.

Вдалеке ли будет жить
Бедная, выйдя замуж?
Хорошее ли там пастбище,
Куда она перекочевала?
Не мучайте бедную,
Не утомляйте несчастную!
Косу черную и пышную
Причесывайте, чтобы была чиста.

В другой песне возлюбленный жалуется:

Халбакташкан куруг болур
Кадак берген алгаш-ла баар.
Кужакташкан куруг болур
Курун берген алгаш-ла баар.

Возьмет тот, что подал кадак,
Остается ни с чем, кто влюблен в нее.
Возьмет тот, кто дал свой пояс,
Остается ни с чем, кто обнимал ее.

Среди лирических песен тоджинцев встречаются также песни, созданные тофаларами. «Слышали от карагасов», — говорят их исполнители, например:

Оолдар өөрнүң чоктанчыгын,
Оораш оймак чараглыгын.
Кыстар өөрнүң чоктанчыгын
Кызыл хайдын чараглыгын

Как красива опушка леса,
Как скучно без парней-друзей,
Как красива опушка тайги,
Как скучно без девушек-подруг.

Нередко воспевается в четверостишиях и олень:

Сагыш-биле четпеземде
Сарыг чарым чедирер-лейен,
Бодал-биле четпезем-де
Бора чарым чедирер-лейен.

Мой желтый олень туда дойдет,
Куда не дойдут мои думы.
Серый мой олень туда дойдет,
Куда не могли пойти мои мечты.

В дореволюционных песнях мы встречаем ярко выраженные мотивы социального протеста:

Аъдым чиген кокаарактың
Азыг дижин сыккан болза,
Адам каккан дүжүметтиң
Ала караан дешкен болза.

Выбил бы я глаза тому чиновнику,
Который бил моего отца.
Выдробил бы я зубы тому волку,
Который съел моего коня.

Во многих песнях тоджинцев выражена мечта о счастье, особенно ярко выступающая в песнях-пожеланиях невесте, близких по своему характеру к благословениям:

Алын эдээн анай үрени самда бассын!
Мурнуу эдээн анай-хураганы самда
бассын!
Баарындан бустуг паш үзүлбезин!
Барган чери бадымчалыг болзун!
Чораан чери чогумчалыг болзун!
Хараган дег малдыг болзун!

Пусть передний подол шубы порвут
дети!
Пусть задний подол шубы
порвет молодняк!
Пусть вечно кипит что-либо в котле
перед нею!
Пусть будет крепкой ее брачная связь!
Пусть у нее всегда будет удача!
Пусть будет иметь много скота, как
кустарника (в лесу)!

Среди песен встречались частушки о несправедливости жизни, о том, что за работу на бая ничего не получаешь:

Анай малын хавырзам-даа
Манкырызын бээр эвес,
Сүрүг малын хавырзам-даа
Сүткүрүзүн бээр эвес.

Хотя ухаживаю за молодняком,
Не дадут же мне бегуна (олена).
Хотя ухаживаю за стадом,
Не дадут же мне молочную

(важенку).

В песнях тоджинцев воспета мечта человечества о дружбе между народами:

Дозун картын өглен, өглен
Тожу чонну чоннан, чоннан,
Хадың картын өглен, өглен
Хары чонну чоннан, чоннан.

Из бересты чум делай, делай.
С тоджинским народом дружи,
дружи.
Из коры березы чум делай, делай.
С чужим народом дружи, дружи.

Мы здесь не будем касаться своеобразной системы тувинского стихосложения¹², характерной также для песен тоджинцев.

Одним из жанров фольклора тоджинцев являются пословицы и поговорки (*улегер домак, чечен домак*).

В пословицах, рожденных в трудовой деятельности человека, отражены наблюдения народа над закономерностями окружающей жизни, отражены представления о хороших и плохих качествах человека. Многие из них имеют назидательный характер и служат воспитанию в людях положительных качеств, например:

Эргээ өөрөнмес,
Бергээ өөренир.
Узун дыл башка ораажыр,
Узун эдек будка ораажыр.

Не привыкай к нежности,
Привыкай преодолевать трудности.
Длинный подол в ногах путается,
Длинный язык самого опутает.

В пословицах звучал протест против беззакония феодалов и чиновников:

Шынын сөглээн кижээ бег каржы,
Шывык туткан кижээ ыт каржы.

Бек-чиновник угрожает тому, кто
правду сказал;
Собака злится на того, у кого прут
в руках.

В одной из пословиц отражено доверие тоджинцев к русским, их давно сложившаяся дружба:

Бег оруу беш-даа болза доң,
Орус оруу он-даа болза эриг.

Дорога к русским близка,
А к беку далека.

К древним жанрам народного поэтического творчества тоджинцев относятся загадки (*тывызык*), очень широко бытующие как у оленеводов, так и у скотоводов. Тема загадок — окружающая тоджинцев природа, люди и их быт. Много загадок посвящено орудиям труда и утвари:

Өөрүнгө келгеш киштөвөс,
Өлөңгө келгеш ыттавас.

Возвратившись в стадо, не заржет;
Находясь среди трав, не ест.

(Лыжи)

Ак, кара ийи винек чылгашты.

Черная корова и белая корова
Друг друга лижут.

(Котел на очаге)

¹² Подробнее об этом см. работу: А. С. Тогуёул, *Опыт исследования тувинского стихосложения*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 1, Кызыл, 1953, стр. 93—110.

Нередко загадки связаны с животным миром тайги, например:

Дэриг чорааш ирик чудук	Когда жив, делает гнездо
уялыг,	в гнилом древе,
Өлүг чыткаш алдын ижээн	Когда мертв, лежит в золотой
чыдынныг.	берлоге.
	(Соболь)

Значение загадки, как это отмечалось исследователями, не только развлекательное. Они служили также средством развития умственных способностей детей, сообразительности, расширяли представления об окружающем мире.

Изучение фольклора тоджинцев показывает, что между оленеводческими и скотоводческими группами существовали глубокие связи в области духовной культуры. Большинство произведений народного поэтического творчества оленеводов и скотоводов сходно по содержанию и художественным особенностям.

Сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки тоджинцев в основных чертах близки произведениям этих жанров, распространенным в других районах Тувы. Произведения эпического жанра малоизвестны в Тодже.

В течение длительного времени, несмотря на изолированность Тоджи, ее население поддерживало связь с тувинцами других районов. Многие из приезжавших в Тоджу тувинцев, останавливаясь в чумах и юртах своих знакомых, рассказывали вечерами сказки, пословицы, загадки, распространенные в их родных местах, слушали произведения народного творчества тоджинцев.

Произведения народного творчества монголов, дархатов, бурят и тофаларов также попадали в Тоджу благодаря взаимным посещениям. Сарыг Балбыр, один из известных сказителей Тоджи, говорил мне, что повествуемые им эпические произведения и некоторые сказки он узнал от лиц, приезжавших из Монголии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в некоторых сказках тоджинцев фигурируют животные, которые в Тодже не водятся (тигры, львы), рассказывается о каменных домах и т. п., а сюжеты отдельных сказок совпадают до мелочей с монгольскими и китайскими сказками. В начале XX в. среди тоджинцев начинают бытовать также сказки, заимствованные от русского населения.

МУЗЫКА И МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

Народная музыка тоджинцев, как и всех тувинцев, основана на пентатонике, т. е. на звуковой системе, содержащей пять звуков разной высоты в пределах октавы.

Тоджинцы, как и все тувинцы, очень любят песни. Песня одноголосна, мелодии лирических песен протяжные. Песни нередко сопровождалась игрой на музыкальных инструментах. Существовали мелодии, рассчитанные на самостоятельное исполнение на музыкальных инструментах, например *ходушпай*, *узун хоюг* и др.; многие из них были широко распространены по всей Туве.

Хорового пения и ансамблевой инструментальной игры не было. Одновременная игра на нескольких музыкальных инструментах была исполнением мелодии в унисон.

Тоджинцы, как и все тувинцы, не имели танцевальной музыки, так как они не знали танцев. Вероятно, в связи с тем, что не было танцев, бубен, употреблявшийся шаманами, не использовался как музыкальный инструмент.

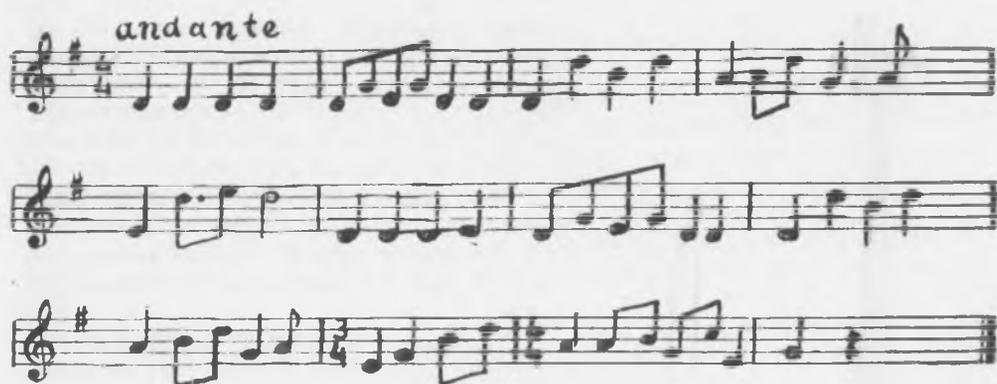

Рис. 127. Мелодия ходоушпай

Наибольшее распространение, в особенности у скотоводов, имели смычковые и щипковые инструменты.

Инструментальная музыка была двухголосна (*игил*) и одноголосна (*быяанза*, *чадаган* и др.). Для музыкальных инструментов было характерно мягкое, сравнительно тихое звучание.

Игил — двухструнный смычковый инструмент длиной около 1 м (рис. 128). Корпус (*хааржак*) — полый деревянный ящик, обычно из кедрового дерева, трапециевидной формы, обтянутый косулей или оленьей кожей, в который вставлена деревянная шейка *сывы* с двумя колками *кулаа* (уши). Струны (*хылы*) из конского волоса настраивались в кварту и квинту. Смычок напоминал лук (его длина до 0,65 м) с тетивой из конских волос, которые натирали смолой. Некоторые инструменты, привезенные в Тоджу из других районов Тувы, были покрыты орнаментом; шейки их нередко заканчивались резным изображением конской головы.

Мелодии исполнялись на одной струне, вторая струна служила для сопровождения. Играли на инструменте сидя, положив корпус *игила* на правую ногу (рис. 129).

Звучание *игила*, как и других музыкальных инструментов тоджинцев, мягкое, лиричное. *Игил* напоминал *икили* у алтайцев, *ых* у хакасов, *морин хуур* у монголов и *матоуцин* у китайцев.

*Быяанза*¹³ — четырехструнный музыкальный инструмент с несъемным смычком (рис. 130, а, в). Общая длина инструмента примерно 0,7 м.

Корпус делали из коровьего рога, отверстие которого обтягивали кожей, служившей декором. Часто корпус представлял собой полый деревянный цилиндр (иногда корпус делали восьмигранным). Деревянные корпуса инструментов, привезенных в Тоджу из других районов Тувы, были обычно богато орнаментированы.

Круглая в сечении деревянная шейка проходит сквозь корпус. На ее верхнем конце укреплены четыре деревянных колка. Струны из кишок или металлические (иногда две металлические и две из кишок). Нижние концы струн привязаны к шейке под корпусом. Каждая пара струн настраивается в унисон. К верхней части шейки обычно привязывали кольцо, через которое проходили струны. Это кольцо служило верхним порожком. Оно может передвигаться вдоль шейки, меняя настройку.

Волосную тетиву смычка, состоящую из двух прядей, продевают

¹³ В других районах Тувы носит название *бызаанчы*.

Рис. 128. Музыкальный инструмент игил

Для изготовления *шоор* из пищевода марала извлекали тонкую белую внутреннюю оболочку и натягивали ее на трубочку из коры тальника. Иногда трубку из коры заменяла трубка, склеенная из двух выдолбленных кусочков дерева.

Шоор скрепляли семью сухожильными завязками и делали в нем

между струнами, причем одна продевается между первой и второй струной, другая — между третьей и четвертой. Смычок во время игры касается двух струн. Играли на *быянза* сидя, положив корпус инструмента на колено.

Инструмент этого типа можно было встретить также у бурят и монголов под названием *хуучир*; он имел сходство с китайским музыкальным инструментом *сыху*.

Чадаган — струнный щипковый инструмент (рис. 130, б). Состоит из длинного, до 1,3 м, прямоугольного, выдолбленного из кедра (или дощатого) корытообразного корпуса с тонкими стенками. Дно корпуса служит декой, вдоль которой на колках натянуты четыре — восемь волосяных или сделанных из бараньих кишок струн. Под каждой струной имеется подставка из лодыжки, передвижением которой производится настройка.

Играли на *чадагане* обычно пальцами правой руки, при этом исполнитель сидел, положив инструмент перед собой на колени.

Одним из самых любимых музыкальных инструментов тоджинцев, в особенности оленеводов, была дудка *шоор*.

Рис. 129. Девушка играет на игил

три маленьких боковых отверстия — два у нижнего конца, одно ближе к середине.

Диаметр инструмента 1,5—3,5 см, длина около 0,9 м.

Играли на *шоор* только мужчины, сидя, поставив передний конец инструмента на землю. Нельзя было найти аала оленеводов, где не было бы *шоора*. Играли в часы досуга, обычно в летние месяцы. *Шоор* на промысел не брали.

Этот инструмент под таким же названием был известен в горном Алтае, у хакасов и киргизов. Сходный инструмент у казахов называется *сыбызга*.

Другим распространенным музыкальным инструментом тоджинцев был варган (*хомус*), существовавший в двух видах — деревянный (*ыяш хомус*) и железный (*демир хомус*). *Хомус* состоял из маленькой пластинки и изогнутого язычка-вибратора. *Хомус* (длина примерно 6 см) при игре вставляли в рот (прижимали к зубам пальцами левой руки); звук извлекали в результате вибрации язычка *хомуса*, который держали пальцами правой руки; рот при этом служил резонатором. На *хомусе* каждый исполнитель импровизировал несложную одноголосную мелодию. На варгане играли главным образом подростки, девушки и женщины.

Железный варган — *демир хомус* известен под аналогичными названиями якутам, хакасам, тофаларам, алтайцам, киргизам и другим народам Средней Азии; знают его многие народы Севера, Кавказа, Восточной Европы.

Допшулуур — двухструнный музыкальный инструмент типа балалайки. Настраивался в кварту. У тоджинцев встречался редко, хотя в других районах Тувы был широко распространен. Известен также алтайцам под названием *топшур*.

Среди музыкальных инструментов тоджинцев нужно также отметить поперечную флейту *лимби*. Она состояла из длинной (около 0,6 м), обвязанной нитками бамбуковой трубки с шестью отверстиями, расположенными посередине инструмента. Готовые *лимби* покупали у дархатов и китайских купцов. Этот инструмент широко распространен у бурят.

Так называемое горловое пение, вернее, очень своеобразное горловое гудение в высоких и низких регистрах, сопровождалось игрой на игиле, быяанзе, чадагане (на этих инструментах играли мужчины и женщины). Пение в высоком регистре носило название *сыгыртыр*, в очень низком — *каргыраалаар*, в среднем — *хөөмэйлээр*.

Исполнитель делает глубокий вдох и начинает петь. Из глубины его груди несколько десятков секунд льются волшебные звуки с металлическим оттенком, временами напоминающие звуки флейты, то прозрачные и нежные, то гудящие и напряженные. Затем исполнитель вновь делает глубокий вдох и т. д. Иногда горловое пение сочеталось с обычным пением.

Благодаря своеобразию звуков, получающихся в результате длительной тренировки голосовых связок певца, неосведомленному слушателю горловое пение кажется очень загадочным.

Горловое пение распространено также у алтайцев, в особенности у южных, и в Монголии, где оно называется *хөөмөө*.

НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Значительную часть досуга дети проводили в играх. Многие игры служили для детей не только развлечением, они имели также важное воспитательное значение, способствуя физическому и умственному развитию ребенка. Некоторые игры имели характер спортивных состязаний.

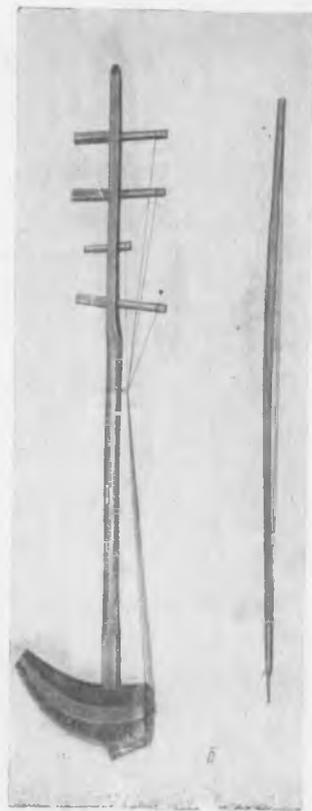
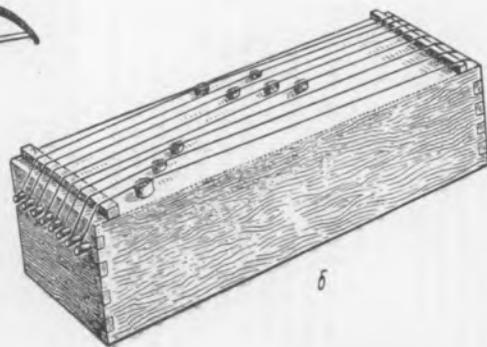

Рис. 130. Музыкальные инструменты: а и в — быляза; б — чадаган

Маленькие дети, особенно девочки, часто играли в куклы *уруум*, *оглум* (дочь и сын). Из бересты делали люльку, из шкурок, перевязанных веревочкой,—куклу. Люльку привязывали к жердям чума и играли, подражая матерям.

Дети часто играли вырезанными из дерева и бересты фигурками различных животных. Во время игры берестяные фигурки втыкали в золу очага, в землю или снег рядом с жилищем.

Рис. 131. Детский чум для игр

Среди детей были очень распространены игры, в которых они подражали взрослым — охота, пастьба скота, сооружение жилища, выделка шкур и др.

Для игр детей иногда специально сооружали небольшие чумы (рис. 131).

Мальчики во время игры-охоты применяли маленькие деревянные луки, которые обычно делали сами. Учились попадать в цель, преследовать «животное», которое изображал один из играющих, и т. п. Определенных правил эти игры не имели. Обычно в таких коллективных играх участвовали все близкие по возрасту дети аала.

Свой досуг взрослые также любили заполнять играми. Одной из наиболее распространенных игр была *таалы*. Ее вели при помощи деревянных фишек, несколько напоминавших по форме домино. Эта игра описана Ф. Коном¹⁴.

Во многих играх детей и взрослых применялись лодыжки животных (*шаңай*, *шаний* — у оленеводов¹⁵, *кайык* — у скотоводов). *Шаңай-*

¹⁴ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 117. — Но Кон не приводит форму расположения точек на фишках и не дает их названий, так как записи, содержавшие этот материал, погибли, по словам Ф. Кона, в результате несчастного случая. Приводим названия фишек и их количество: *кас* — 4, *даалы* — 4, *үүлүү* — 4, *мунгаи он* — 4, *узун он* — 4, *ыргак тос* — 2, *үүлүү тос* — 2, *кожаа сес* — 4, *кызыл сес* — 2, *ыргак* — 2, *бурган долаа* — 4, *майдак дорт*, *согур* — 4.

¹⁵ В других районах Тувы лодыжка называется *кажык*. *Шагай* — название лодыжки у бурят (С. Шагдарон и Б. Очиров, *Игры и увеселения агинских бурят*, СПб., 1909, стр. 479).

адар (у скотоводов *кайык-адар*) — игра детей и взрослых, мужчин и женщин. Игроки садились друг против друга на расстоянии двух — двух с половиной метров. Каждый игрок имел перед собой небольшую дощечку, на которой располагали цепочкой семь лодыжек, шесть — параллельно доске, одну (среднюю) поперек нее. Средняя косточка называлась *буга* — «бык», боковые — *кулак* — «уши».

Игра велась так. Один из игравших клал косточку на ладонь и щелчком направлял в сторону *буга* противника. Если удавалось сбить *буга*, то противник терял две фигуры, а начавший игру бил вновь и т. д. (всего четыре раза). Если же *буга* не был сбит, а только задет или сдвинут, право стрелять получал противник. Если был сбит не *буга*, а *кулак*, то с поля противника снимали одну фигуру. Проигрывал тот, кто терял все косточки.

Азт джурери: игроки по очереди подбрасывали несколько лодыжек. В зависимости от того, какой стороной лодыжка падала, она считалась превратившейся в то или другое домашнее животное. Одна сторона лодыжки считалась лошадью, другая — овцой и т. п. Выигрывал тот, у кого больше «лошадей». Потом играли на «овец», «коров», «олений» и т. п.

Шаңайлаар (у скотоводов — *кайыктаар*). Игроки сидели в кругу в чуме или юрте. Выбирали ведущего, который располагался у входа. Играющие по кругу передавали друг другу лодыжку таким образом, чтобы ее не заметил ведущий, который водил до тех пор, пока не обнаружит игрока, державшего лодыжку. Затем начинал водить игрок, у которого находилась лодыжка, и т. д.

Шаңайлаар: перед игроками лежали кучки из одинакового количества лодыжек. Игрок брал из своей кучки косточку и подбрасывал ее вверх. Пока она летела, надо было успеть взять из кучки еще одну или несколько лодыжек, поймать летящую. Если игроку это удавалось, он повторял подбрасывание, если нет, то одну косточку из своей кучки он должен был положить в кучку своего противника. Проигрывал тот, у кого не оставалось лодыжек.

Описанные выше игры были распространены также среди тувинцев других районов. Игра шаңайлаар известна и у бурят (*шагай шуреху*), и у монголов (*шага обна*)¹⁶.

Игра *буга шыдыраа* (бычьи шахматы) была широко распространена у оленеводов и скотоводов¹⁷. В отличие от описания Ф. Кона в Тодже в нее играли фигурами, изображавшими не чиновников и собак, а быков и пешек.

Шыдыраа (шахматы) были распространены в основном среди скотоводов. У оленеводов в шахматы обычно не играли. Особенности игры у тувинцев также описаны Ф. Коном¹⁸. Тоджинцы-скотоводы приобретали шахматные фигуры, отлитые из бронзы или вырезанные из агалматолита, у тувинцев, приезжавших в Тоджу из других районов. Некоторые вырезали шахматные фигуры из дерева.

Мун-мун — игра, имевшая распространение у скотоводов Тоджи и в других районах Тувы. Оленеводам она не была известна. Ее описание дает Ф. Кон¹⁹.

Тевек. Подвижная игра детей и взрослых на открытом воздухе. Для игры нужен кусочек свинца (*тевек*) с отверстием, в которое вставляется пучок лосиной или козлиной шерсти. Игроки поочередно подбрасывали его правой или левой ногой, не давая ему упасть на землю.

¹⁶ Там же, стр. 480.

¹⁷ Подробнее об этой игре см.: Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 118.

¹⁸ Там же, стр. 114.

¹⁹ Там же, стр. 118.

Каждый удачный удар ноги подсчитывали. Выигрывал тот, кто выбивал больше.

Большой популярностью у тоджинцев, в особенности у скотоводов, пользовались спортивные игры: борьба (*хуреш*), стрельба из лука, бега на лошадях. В начале XX в. спортивные игры проводились главным образом на ламаистских празднествах²⁰.

П. Островских, наблюдавший *хуреш*²¹ на одном из тоджинских празднеств, писал: «Охотники бороться чрезвычайно быстро и ловко обменивают свой халат на особый костюм (*содак*. — С. В.) для борьбы... Борцы, похлопывая себя по голым бедрам и разминая руки, мелкими шажками сходятся друг с другом, высматривая один другого...

Борьба начинается неизменно установленным приемом захвата противника, шея к шее и плечо к плечу, а кончается или подножкой или броском (побежденным считался упавший на землю или коснувшийся ее руками или коленом. — С. В.). Иногда внезапная хитрая уловка обнаруживает в борце или долгую тренировку, или же большое проворство. Победа встречается громкими криками с той или другой стороны. Победитель, похлопывая себя по бедрам, с прыжками обегает вокруг побежденного и подбегает к распорядителю торжества, а этот кладет герою в пригоршни кусочки сыра. Отведав сыр, победитель остатки бросает в толпу, и она жадно их ловит»²².

На тех же празднествах устраивались состязания в стрельбе из лука. Для этой цели пользовались сложным клееным луком. Мишенью служил небольшой берестяной щит, который устанавливали приблизительно в 50 м от стрелка; каждый состязующийся имел по четыре стрелы. Победителем считался тот, кто попадал наиболее метко.

Народные игры тоджинцев как по характеру, так и по названиям аналогичны играм, распространенным в других районах Тувы.

ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Изобразительное искусство тоджинцев-оленеводов было представлено в основном орнаментальной резьбой по дереву и кости.

Преобладал вырезанный ножом прямолинейный геометрический орнамент, состоявший главным образом из зигзагов, треугольников, шевронов, ромбов²³. Орнаментами украшали передние луки вьючных седел, пороховницы, игольники, шкатулки и др. (рис. 132, 133).

На деревянных сосудах для молока (*хуун*) нередко встречаются орнаменты в виде резных прямолинейных поясков, сочетающихся с полукруглыми линиями. Отдельные композиции включают также стилизованные линейные изображения человеческих фигур (рис. 134).

Простейший тип орнамента, часто украшающий берестяные сосуды (*соо*), состоит из повторяющихся через одинаковые промежутки горизонтальных вдавлений, выполненных надкусыванием зубами.

Помимо геометрических орнаментов, у оленеводов изредка встречаются орнаментальные композиции, включающие изображения птиц, выполненные техникой плоского рельефа. На луке вьючного седла оленевода Ак Кочега мы видим два стилизованных рельефных силуэта птиц, обращенных друг к другу головами. В верхней части компози-

²⁰ Обычай проведения спортивных состязаний, игр на религиозных празднествах очень древен. Китайские источники сообщают, что гуннская знать, собираясь в Луны для приношения жертвы Духу неба, забавлялась конскою скачкою и бегом верблюдов (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 119).

²¹ Борьба *хуреш* известна тюрко-монгольским народам: монголам, бурятам, киргизам, казахам, башкирам и др.

²² П. Е. Островских, *Оленные тувинцы*, стр. 90.

²³ Подобные орнаменты характерны для тофаларов. Они встречаются у хакасов, шорцев, северных алтайцев и якутов.

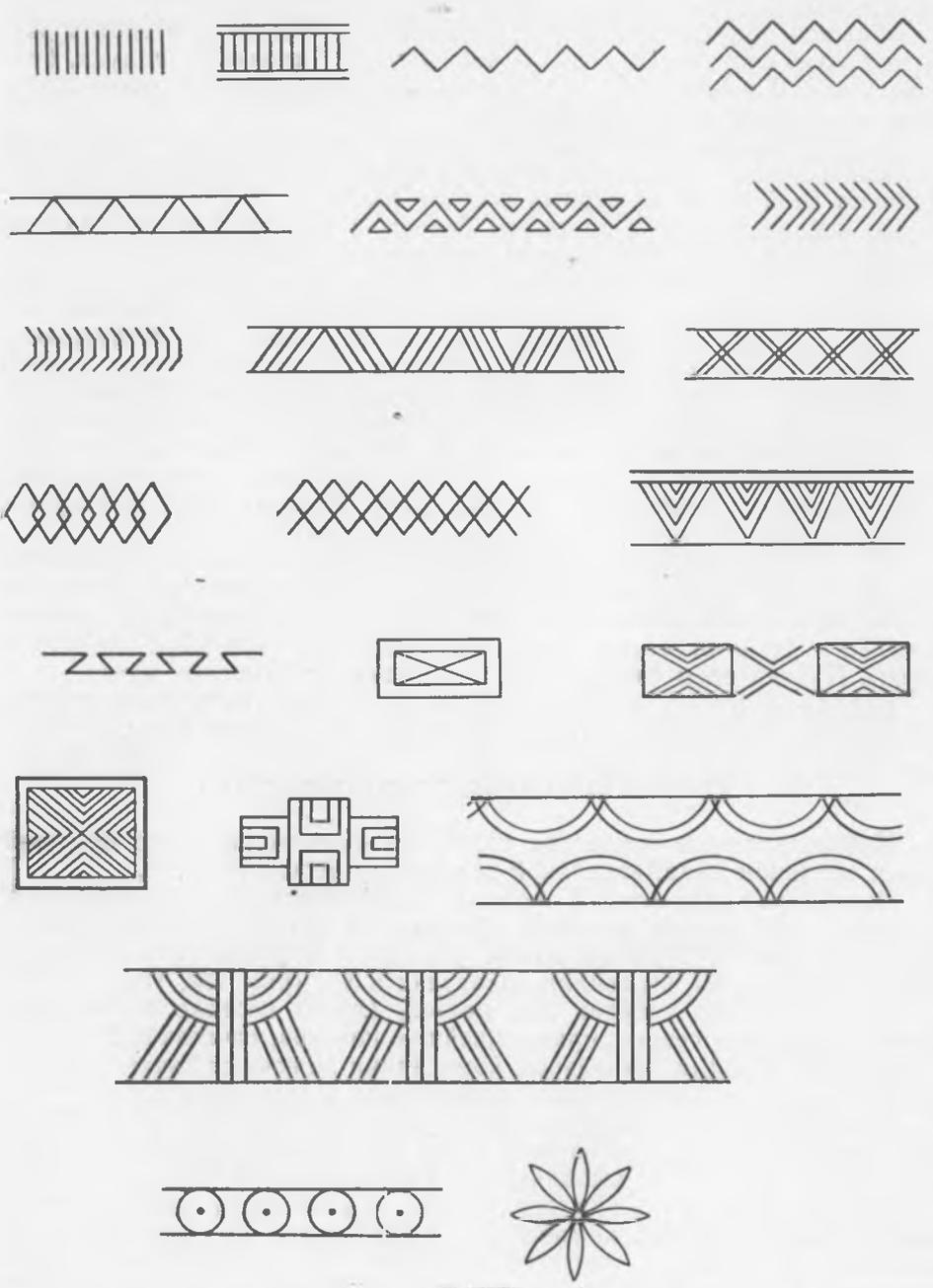

Рис. 132. Элементы орнаментов оленеводов

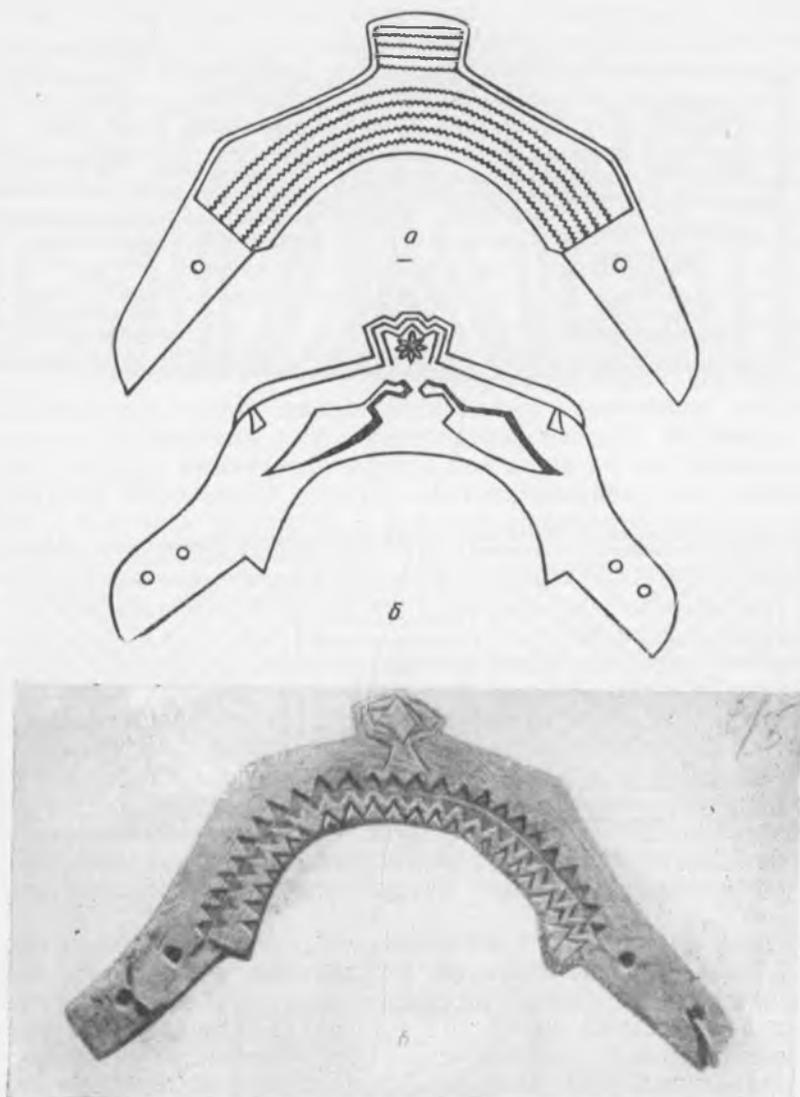

Рис. 133: а, б и в — орнаменты на передних луках вьючных оленьих седел

ции изображены стилизованные цветы в виде бутона из нескольких лепестков (рис. 133, б). Такой орнамент распространен и у тофаларов²⁴.

Сюжетные рисунки для оленеводческого искусства не характерны.

На шаманских костюмах оленеводов белым подшейным волосом вышивались стилизованные изображения человеческого лица и костей скелета, солярные знаки, а иногда и фигуры животных.

Изобразительное искусство скотоводов Тоджи разнообразнее.

Орнаментальное искусство скотоводов характеризуется сложными криволинейными формами, часто с включением растительных мотивов и элементов китайской символики. Прямолинейные элементы орнамента, характерные для оленеводов, здесь редки. У скотоводов орнамент украшает, как правило, стенки ящиков (*аптыра*, *хааржак*), деревянные стенки кроватей и посудные шкафы.

²⁴ С. В. Иванов, *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—XX вв.*, М.—Л., 1954, стр. 678, рис. 122.

Большинство орнаментальных композиций многоцветно. Характерны яркие бордовые, зеленые, синие, желтые и черные краски.

Так, на сундуке (*аптыра*), сделанном кузнецом из рода тодут в начале XX в., орнамент сложный, криволинейный, полихромный, выполнен желтой, зеленой, синей красками по красному фону (рис. 135).

В рисунках на *аптыра* иногда встречаются орнаментальные редукции китайских символических знаков, например «фу» — богатство; этот орнамент носит у тоджинцев название *чоос*. Другой орнамент, часто украшающий *аптыра*, включает сложные криволинейные линии, называемые у тоджинцев *теге мыйызы* — «козлиный рог»²⁵. Название узору дано по одному из главных его элементов — стилизованным изображениям рогов горного козла.

Сочетание криволинейного орнамента с прямолинейным в орнаментах скотоводов встречается редко.

Техника выполнения орнаментов такова. Берут нарисованный на бумаге орнамент (обычно перерисовка с уже имеющихся орнаментов) и накладывают его на ящик или другой деревянный предмет, на который должен быть нанесен рисунок. Бумагу закрепляют, аккуратно по контуру рисунка протыкают иглой и посыпают известью или белой сухой толченой глиной. Затем бумагу осторожно снимают. На дереве сохраняются контуры рисунка. Их тщательно обводят тонкой полоской черной краски, а затем заполняют красками другого цвета²⁶. Краски приобретали у купцов.

Сложные криволинейные орнаментальные композиции покрывают *терги дэзү* — костяные украшения седла (рис. 138); их изготовляли из рога марала и оленя. Отрезанный кусок рога предварительно клали в холодную воду на 10—25 дней, в воде рог размягчали, потом его опускали в кипящую воду, где он становился мягким настолько, что его легко можно было резать ножом. В отдельных костяных украшениях седла прослеживаются очень древние элементы орнамента. Таков восьмеркообразный *терги дэзү*, включающий стилизованные изображения голов грифонов, известные в памятниках Тувы со скифского времени²⁷.

В резных орнаментах на деревянных сосудах преобладают криволинейные формы, в особенности на сосудах *оор*, предназначенных для измельчения чая. На сосудах этого типа часто встречаются орнаменты, включающие элементы китайской символики «ян-инь» («круг единства»), монетовидный орнамент «сю-сю», изображение буддийского символа «бесконечный узел счастья», называемого у тоджинцев *өлчей удазын*, и др. Некоторые орнаменты на сосудах этого типа выполнены техникой плоского рельефа.

Своеобразным орнаментом был украшен сосуд, приобретенный нами у А. Кол. Сама по себе форма сосуда, выдолбленного из одного куска дерева, с шейкой и венчиком, весьма интересна. Стенки сосуда украшены геометрическим орнаментом. По горлу под венчиком проходит поясok из трех параллельных резных линий. Второй такой поясok проходит по плечам сосуда, а третий расположен у дна. Верхние пояски соединены множеством вертикальных резных линий, расположенных на определенном расстоянии друг от друга, а нижние соединены орнаментальной композицией из вертикальных линий и дуг (рис. 80, а).

²⁵ Этот узор, напоминающий переплетение рогов, распространен в Монголии, Китае, Тибете, Казахстане, Якутии, Бурятии и на Алтае.

²⁶ В других районах Тувы был распространен иной способ нанесения орнамента на деревянные изделия. Вначале рисунок наносился на бумагу, затем из нее ножом изготовляли трафарет.

²⁷ См. С. И. Вайнштейн, *Памятники скифского времени в Западной Туве*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, 1955, стр. 81, рис. 2, 5, 6.

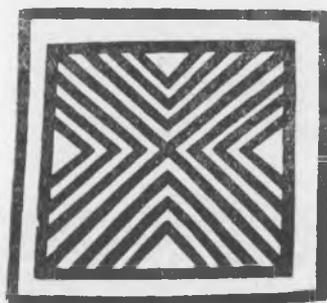
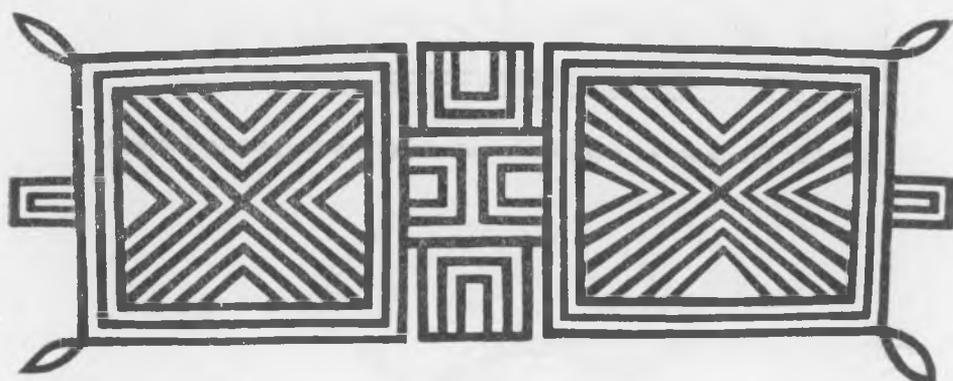

Рис. 134. Орнаменты на стенках деревянной шкатулки
(у оленеводов)

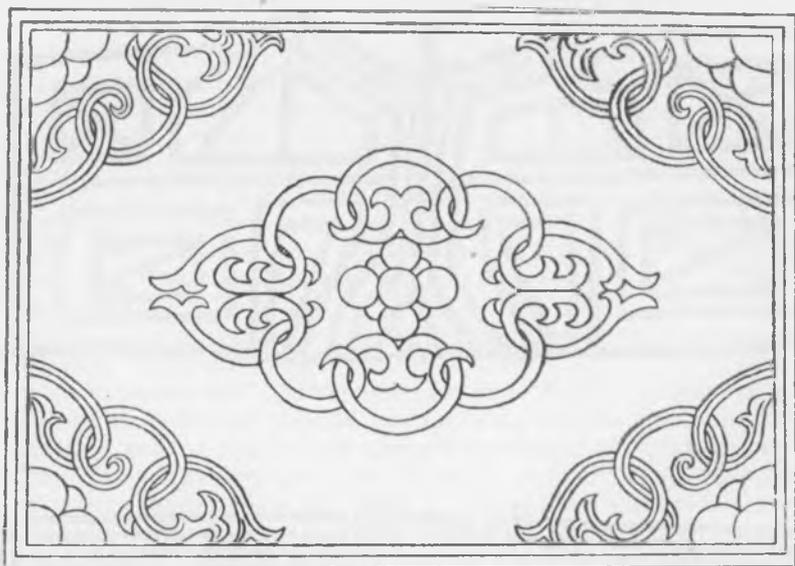

Рис. 135. Орнамент на передней стенке деревянного сундука (аптыра)

Рис. 136. Орнаменты, украшающие аптыра

Рис. 137. Орнаментальные редукции символических знаков

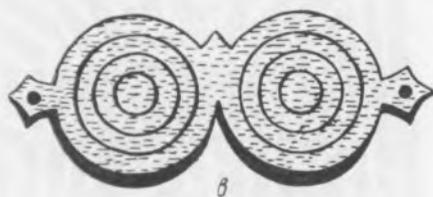
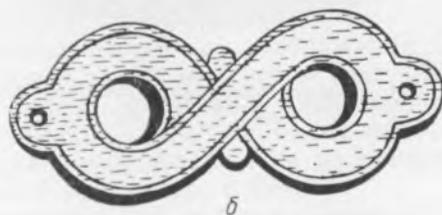

Рис. 138. Украшения конского верхового седла:
а, б и в — роговые; г и д — металлические

Рис. 139. Орнаментированное седельное крыло (тепсе)

Рис. 140. Орнамент на деревянной форме для изготовления тепсе

Богато украшались кожаные чепраки, седельные крылья (*тепсе*) (рис. 139) и стенки кожаных сосудов (*хөгээр*) (рис. 141). Для нанесения орнамента мастер предварительно вырезал его на деревянной доске, служившей формой (*хеп*). Затем он накладывал на форму обработанную влажную кожу и деревянным или роговым заостренным стержнем выдавливал на ней орнамент, соответствовавший выемкам формы. После этого кожу с формой клали на несколько дней в затемненное место для сушки. Выдавленный узор вырезали ножом и нашивали на *тепсе* в виде аппликации.

Рис. 141. Орнамент на кожаном сосуде *хөгээр*

Некоторое распространение имела малая пластика. Из дерева делали фигурки людей и животных: лошадей, коров, оленей и др. Эти фигурки использовали как детские игрушки, а также для ритуальных целей. Их вырезали ножом вместе с подставкой из одного куска дерева. Нередко делали очень реалистические фигурки, отличавшиеся большим мастерством исполнения. Из дерева вырезали также шахматные фигуры. В области малой пластики мы видим у тоджинцев те же стилистические и технические приемы, которые были характерны для тувинцев других районов²⁸.

Весьма реалистичные силуэтные изображения животных, служившие игрушками, вырезали также из бересты (рис. 142).

Художественное литье по металлу, широко распространенное в центральных и западных районах²⁹, в Тодже не было развито. Лишь отдельные изделия тувинских литейщиков из центральных и западных районов путем обмена проникали в Тоджу.

Художественной обработкой металлов занимались кузнецы. В основном она сводилась к изготовлению украшений для седла. Кузнец вначале выковывал из железа заготовку желаемой формы, а затем набивал на нее молотком тонкую серебряную пластинку, хорошо облегающую все детали.

Сюжетный рисунок не был характерен также и для искусства скотоводов Тоджи. Приводимые С. Ивановым отдельные образцы тувинских сюжетных рисунков из собрания ГМЭ³⁰, очевидно, не относятся к Тоджинскому району.

Таким образом, в изобразительном искусстве оленеводов стойко сохранились отличия «лесной» культуры от скотоводческой, «степной».

Орнамент оленеводов может быть отнесен к саяно-алтайскому типу, а орнамент скотоводов — к выделенному С. Ивановым типу, распространенному у народов Центральной и Юго-Восточной Азии³¹.

Нельзя не отметить также определенную зависимость характера изобразительного искусства от веками формировавшегося хозяйствен-

²⁸ И. М. Мягков, *Искусство Танну-Туву*, — «Материалы по изучению Сибири», т. III, Томск, 1931; С. И. Вайнштейн, *Современное камнерезное искусство тувинцев*, — СЭ, 1954, № 3, стр. 31—97.

²⁹ С. И. Вайнштейн, *Народные способы металлического литья у тувинцев*, — СЭ, 1956, № 4, стр. 148—152.

³⁰ С. В. Иванов, *Материалы...*, стр. 128—190.

³¹ С. В. Иванов, *Орнамент народов Сибири, как исторический источник*, — КСИЭ, XV, 1952, рис. 2, 11.

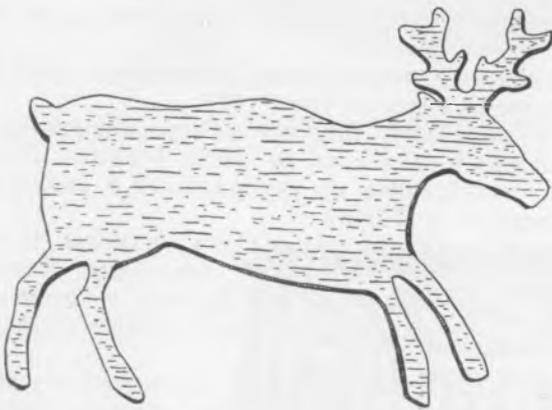
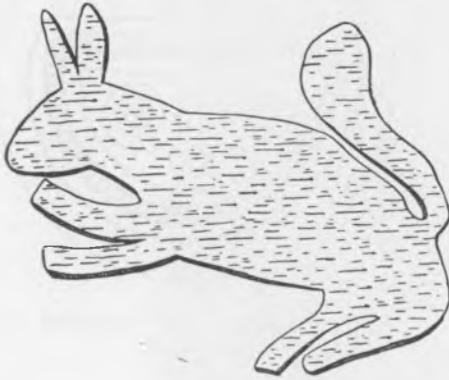

Рис. 142. Вырезанные из бересты силуэтные изображения (у оленеводов)

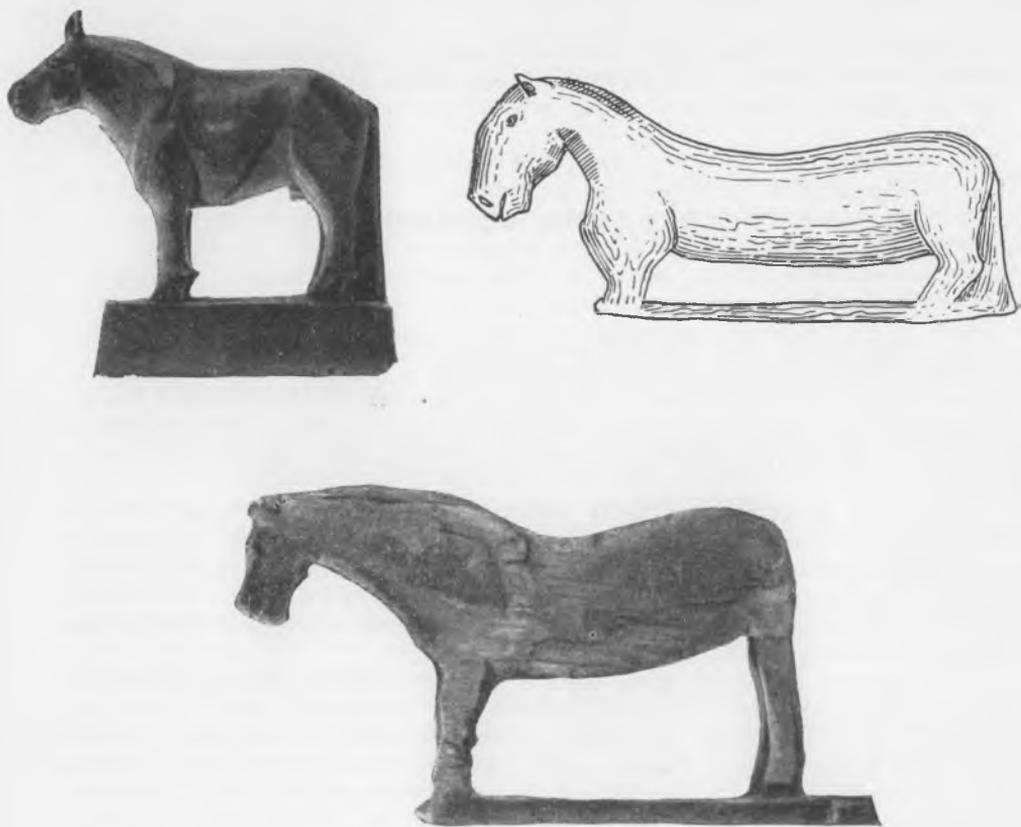

Рис. 143. Деревянные резные фигурки лошадей (у скотоводов)

ного уклада. Можно согласиться с мнением С. Иванова, что народам с низшими формами хозяйства, основанными на охоте, рыболовстве и собирательстве, соответствуют типы орнаментов, в состав которых входят простейшие геометрические узоры, большей частью прямолинейные и мелкие, а скотоводческие народы имеют сложный орнамент с преобладанием криволинейных узоров.

В орнаменте тоджинцев, несмотря на значительную общность духовной культуры охотников-олeneводоов и скотоводов, четко прослеживаются указанные отличия.

Характерно, что «лесной» орнамент у олeneводоов сохранился только на вещах древнего охотничье-олeneводческого быта (берестяная и деревянная посуда, вьючные олени седла); его нет на вещах, связанных с влиянием культуры степного населения. Им, например, никогда не украшены верховые олени седла, даже изготовленные самими олeneводами.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В начале XX в. официальной религией тувинцев был буддизм в ламаистской форме, распространившийся в Туве к началу XVII в., но его влияние в Тодже было крайне слабым. П. Е. Островских писал: «Тоджинцы по преимуществу шаманисты, хотя официальная религия их, как и всех урянхайцев, — ламаизм»¹. На что указывает также Ф. Кон².

Ламский монастырь (*хурэ*) хошуна находился на левой стороне Бий-Хема, напротив устья Тора-Хема. Монастырь состоял из невысокого деревянного строения с несколькими обширными дворами, с трех сторон окруженного маленькими срубными избушками, в которых ламы жили зимой. Летом они жили в берестяных чумах. Число лам составляло в конце XIX в. около 70 человек³.

В Тодже в большей мере, чем в других районах Тувы, ламы, вышедшие из среды местного населения, не порывали связи с шаманством. П. Е. Островских сообщает, что ламы нередко лечились у шаманов и что даже в чуме главы *хурэ* (хамбо-ламы) встречались шаманские принадлежности⁴. Подобные факты отмечают также другие исследователи⁵.

Ф. Кон, ознакомившись с бытом тоджинских лам в начале XX в., приводит факты их чрезвычайно низкого морального уровня. Даже главный тоджинский лама (хамбо), по словам Ф. Кона, «пьяница, хвостун, не прочь при случае надуть»⁶.

Ламы активно участвовали в спекулятивных торговых операциях, вымогали у населения деньги, скот, пушнину, в особенности по случаю «лечения» больных. По свидетельству наших информаторов, нередко ламы за лечение забирали последнюю овцу.

В случае тяжелых заболеваний ламы сочетали молитвы с магическим обрядом (*дзолик гаргаху*, в Тодже — *тонак*), сводившимся к замене больного другой личностью. Обычно в Монголии⁷ и в Туве для выполнения такого обряда изготовляли из муки фигурку человека, которую ламы клали перед больным, «переносили в нее все болезни», а затем выбрасывали или сжигали. В Тодже изображения человека делали из травы (высотой около одного метра) и обмазывали тестом. Надевали на такую фигуру одежду больного и, посадив на коня, увозили в отдаленное место, где, положив в специально для этой цели сооруженный чум, сжигали. Одежду больного, а также седло и узду с лошади забирал лама.

¹ П. Е. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 428.

² Он писал: «...Среди тоджинцев шаманизм был еще в полной силе...» (см. Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 53).

³ П. Е. Островских, *Краткий отчет...*, стр. 428. — По переписи 1931 г., в Тодже было 19 лам.

⁴ Там же.

⁵ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 242.

⁶ Там же, стр. 240.

⁷ А. М. Позднеев, *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*, — «Записки ИРГО по отд. этнографии», т. XVI, 1887, стр. 454, 455.

Ламы для лечения больных пользовались также некоторыми лекарственными средствами тибетской медицины, но в руках невежественных тоджинских лам они оказывались столь же «эффективными», как и молитвы.

Б. К. Шишкин наблюдал результаты «лечения» лам. Он писал: «В Тоджинском хошуне два сойота отправились вместе на охоту. По роковой случайности один из них принял своего товарища, охотившегося неподалеку, за козла и пустил в него пулю. Подстреливший подобрал раненого, привез его в свою юрту и тотчас же пригласил на лечение лам. Так как больному день от дня становилось хуже, родственники раненого пригласили еще шамана. Шаман шаманил всю ночь, но пользы опять-таки оказалось мало. Случайно мне пришлось навестить этого больного уже на 12-й день после поранения, и моим глазам представилась следующая картина...

На голую спину сверху была наброшена шуба. Как эта шуба, так и весь больной были покрыты кровью, грязью и гноем. Рана была прикрыта сверху четырехугольным куском кожи, от четырех углов которого шли тонкие бечевки. Этими бечевками кусок кожи удерживался на месте. Под кожей я нашел медную монету, лежавшую непосредственно на круглом отверстии, проделанном пулей... на спасение рассчитывать было нельзя, так как началось уже гнилостное разложение легкого, что констатировалось по отвратительному запаху, выделявшемуся при каждом выдохе.

Но интересны были лечебные мероприятия лам. Прежде всего они привязали на шею больному несколько священных ладанок. У постели его был привешен колокольчик, чтобы больному позванивал, когда ему будет очень тяжело. Затем ламы распорядились давать больному только чай и не давать ему ни молока, ни мяса; оставили ему десяток порошков для приема. За свое однократное посещение взяли с родственников раненого скота на сумму 90 руб. Шаман же взял за свое лечение ружье и волосяную сетку для ловли рыбы»⁸.

Не случайно в одной из поговорок говорится:

Чутта ыт семириир,
Аарыгда лама байбыр

От джута собака жиреет,
От болезней лама богатеет.

Ламаистские празднества, пантеон, принадлежности ритуала и другие вопросы, связанные с ламаизмом, мы не будем рассматривать, так как они достаточно подробно описаны в специальной литературе⁹. Более подробно рассмотрим доламаистские верования тоджинцев, почти совершенно не освещенные в этнографической литературе¹⁰.

У тоджинцев еще в начале XX в. сохранялись связанные с анимистическими воззрениями различные запреты, обряды и поверья. Так, огонь считался духом, который может принести вред, если его рассердить. Поэтому его нельзя ругать, в него нельзя плевать. Женщинам

⁸ Б. К. Шишкин, *Очерк Урянхайского края*, — «Изв. Томского университета», IX, Томск, 1914, стр. 106.

⁹ О ламаизме в Туве см.: Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 53—66; Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 144—151 (здесь же приведена библиография вопроса).

¹⁰ Об отдельных сторонах шаманства тувинцев см.: Е. Я. Яковлев, *Этнографический обзор...*, стр. 54—58, 103, 109—120; Н. Ф. Катанов, *Наречия урянхайцев...*, стр. 190—202; Г. Н. Потанин, *Очерки Северо-Западной Монголии*, вып. IV, СПб., 1883, стр. 40—78; Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, т. III, стр. 53—87; Н. Ф. Катанов, *Опыт исследования урянхайского языка...*, стр. 30, 36; А. О. Heikel, *En sojotisk shamankostymi*, Helsingi, 1896.

и мужчинам из чужого рода вокруг огня можно ходить только «по движению солнца»¹¹. Через огонь нельзя прыгать. Нельзя зажечь голени в огне очага и вынести из чума.

Нельзя прикасаться к порогу жилища, к маленьким жердям *оскус-алажы*, расположенным справа и слева от входной двери, так как здесь обычно сидят злые духи (*аза*). Любопытно, что Плано Карпини отмечает аналогичный запрет в средние века у монголов, где наступивший на порог ставки вождя карался смертью¹².

Считалось, что воду нельзя черпать грязным и черным котлом. Нужно избегать употребления проточной воды зимой, когда есть снег, чтобы не беспокоить водяного духа. Женщине нельзя рыбачить, так как она нечистая и может рассердить водяного духа. Запрет осквернять воду, считавшуюся священной, является одним из древнейших в верованиях народов Центральной Азии. Например, яса Чингис-хана карала смертью за загрязнение или осквернение воды источника или реки¹³.

У тоджинских оленеводов большое значение приписывалось амулетам, предохранявшим от злых духов. Так, сильным амулетом считался атрофированный клык марала (*салгыт*), употребление которого известно еще во времена палеолита. Тоджинцы применяли его, например, в тех случаях, когда человек скрипел во сне зубами. Это свидетельствовало о том, что засевший в нем злой дух угрожал окружающим. В таких случаях женщине вешали на шею ожерелье, включавшее *салгыт*¹⁴, а мужчине привязывали *салгыт* к поясу¹⁵. Чтобы уберечь от злых духов ребенка, *салгыт* привязывали к его люльке.

С древними представлениями был связан особый обряд *шогурер*, носивший черты распространенного среди многих народов «медвежьего праздника».

Убив и освежевав медведя, у него отрезали голову и концы лап. Разводили костер и поджаривали на палочках медвежье сало. Когда оно шипело, все присутствующие негромко, нараспев произносили, например:

Кадыр таңдым берген чүвем!
Кадыр Хам-Сырам берген чүвем!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Эктигникениң берген
чүвем! шөөк, шөөк!
Кадыр-озум берген чүвем!
шуук шуук!

Этого [медведя] дала крутая тайга!
Этого [медведя] дала крутая Хам-Сыра!
Хуук, хуук, хуук!
Шуук, шуук, шуук!
Этого [медведя] дало урочище
Эктигник Шоок, Шоок!
Этого [медведя] дала [река] Кадыр-ос!
Шуук, шуук!

После того как каждый съедал по куску сала, на огонь ставили походный котел, в него клали медвежью голову (предварительно сняв с нее шкуру), заливали водой и варили.

¹¹ Требование ходить по кругу лишь по направлению движения солнца установилось у народов Центральной Азии еще в древности. Так, при возведении хана на престол у древних тюрок тугю его сажали на войлок и по «движению» солнца, кругом, обносили девять раз (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 229).

¹² Плано Карпини, *История монголов*, СПб., 1911, стр. 9.

¹³ Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 186.

¹⁴ В центральных и западных районах *салгыт* вешали на шею также детям и мужчинам.

¹⁵ Для изготовления *салгыта* выдирали атрофированные клыки *хаг дииш* из верхней челюсти взрослого марала (теленки их не имеют). Затем в суженной коренной части (*дииш дозу*) клыка просверливали или прожигали раскаленной проволокой тонкое отверстие.

Когда голова была сварена, участники охоты рассаживались вокруг костра. Самый старый из охотников вынимал из котла голову, отрезал от нее кусок мяса и передавал ее следующему, произнося: «Попробуйте эту голову торая»¹⁶. Так голова переходила из рук в руки, пока целиком все мясо не было съедено.

Самый старый из присутствующих брал медвежий череп вместе с челюстью и со словами «череп торая украсим» зачернял его углем из костра. Затем совершались «похороны» медведя. Для этого старейший продевал через глазницу черепа кусок аркана, ткани или ветку дерева и подвешивал его на кедр или молодую березу таким образом, чтобы носовая часть была обращена в сторону заходящего солнца. Затем к этому же кедру он подвешивал лапы медведя.

Этот обряд сохранения и зачернения черепа был связан с распространенным у многих народов мифологическим представлением о возрождении убитого зверя. Чернение черепа сажей было известно у орочей, ороков, пеших эвенков и некоторых других народов Сибири, а также многих племен американских индейцев¹⁷.

В Центральной Туве, как сообщает Ф. Кон, также был распространен обычай подвешивать голову, а также нижнюю челюсть медведя, убитого на охоте, на дерево или на шест. Каждый проходящий мимо кланялся ему¹⁸.

Некоторую аналогию этому обряду мы находим на Алтае у тубаларов, а также у алтайцев, живших по левому берегу Катуня, которые хоронят голову медведя на западном склоне горы¹⁹.

Никто никогда не произносил на охоте настоящего названия медведя (*адыг*), а заменял его иносказательными именами: *хайракан* (в смысле «владыка»), *торай* (непереводимо), *чааш бора* (смирный сивый) и др. Находясь на промысле, не произносили и названий соболя, белки, лося и некоторых других видов промысловых животных. В тех случаях, когда это было необходимо, говорили иносказательно. Например, *чараш аң* — красивый зверь, что означало «соболь», *улуг аң* — «большой зверь», «лось». Этот широко известный пережиток табуирования названий животных, особенно медведей²⁰, распространен и в других районах Тувы.

Тоджинцы еще в начале XX в. совершали различные обряды, связанные с промысловым и семейным культурами.

Эти обряды включали коллективные и личные жертвоприношения духам «хозяевам места» (обряд *танды ээзин өргүүр*). Так, после удачной охоты ее участники, прежде чем пить чай, совершали обряд *чайыглаар*: наливали в какую-нибудь посуду немного чая и разбрызгивали его в четыре стороны света, произнося: *шек*. Здесь же обычно производили и другой обряд *отка каар*: бросали в огонь костра кусочки мяса, отрезанные от туши животного. Охотник, обращаясь к «хозяину места» с мольбой об удаче на промысле, произносил, например, следующее:

Оран-танрым, бедик тайгаларым!
Бак чүвени ынай кылып, эки
чүвени бээр кылып, аң-динден
Бош чүведен хайырлаар
силер, хайраканнарым!

Моя сторона, высокие горы!
Плохое отстраняйте, хорошее прибли-
жайте, помилуйте,
Подарите зверей, белок, мои владыки!

¹⁶ Торай — почтительное иносказательное название медведя у тоджинцев.

¹⁷ Б. А. Васильев, *Медвежий праздник*, — СЭ, 1954, № 4, стр. 93.

¹⁸ «Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона», стр. 37.

¹⁹ Л. П. Потапов, *Пережитки культа медведя у алтайских турок*, — «Этнографический сборник», 1928, № 2—3, стр. 19.

²⁰ Д. К. Зеленин, *Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии*, — сб. МАЭ, т. VIII, Л., 1929, стр. 1—150.

Рис. 144. Деревянная ложка для разбрызгивания чая, жертвуемого горным духам

Аналогичный обряд разбрызгивания чая «хозяину места» производили и в стойбище, но там обычно для этой цели использовали специальную деревянную ложку (*чашкыш*) (рис. 144) с девятью углублениями (в передней части три параллельных ряда по три углубления в каждом). К ручке ложки привязывали несколько лент.

При неудачном промысле охотник разжигал на вершине горы костер, рядом с которым ставил высокую жердь с привязанными к ней ленточками, и просил у «хозяина места» успеха. Например:

Бедик тандым, сыксыйнга дужурун хайырлаңар!	Высокая гора, загоняй на низину, помилуй!
Шыргай чердээзин көскээ хөлерттип хайырлаңар!	Из кустов загоняй на поляну, помилуй! ²¹

В жилище совершали обряд моления духу очага (*от дагыр*): брызгали молоко в огонь очага, бросали туда кусочки пищи, одновременно обращаясь к очагу с просьбой благополучия для семьи.

Кедры или ели со спутанными ветвями, росшие на возвышенностях, считались обиталищем «хозяина тайги». Такое дерево называли *хам-ыяш* (шаманское дерево). Каждый род имел свой *хам-ыяш*. Так, род урат имел свой *хам-ыяш* на вершине горы Оттуг-Даг, род даргалар — в урочище Тонмак по р. Серлиг, род хаазыт — в урочище Шараш в верховьях р. Чаваш.

Каждый, кто проходил мимо *хам-ыяша*, поклоняясь «хозяину тайги», привязывал к дереву матерчатые ленточки, волосы из хвоста лошади, подшейные волосы оленя. Если человек имел с собой арагу, то, окунув ветку в арагу, обрызгивал ею дерево. Обращаясь к *хам-ыяшу*, человек просил: «Хозяин, дай мне удачу, хорошую добычу, не сделай меня несчастным». Шаманы также обращались к *хам-ыяшу* с просьбами об их личном благополучии. У *хам-ыяша* при перекочевке в горы и при возвращении в долину устраивались коллективные родовые моления (*хам-ыяш дагыр*). Перед уходом на промысел для обеспечения удачи около чума ставили длинный шест с привязанным на вершине кусочком ткани — подношением «хозяину горы»²².

Тоджинцы считали некоторые горы с безлесными плоскими вершинами священными²³. Особой известностью пользовался горный массив Одуген (*Өдуген*) в верховьях рек Хам-Сыры и Азас, значительная часть которого была плоской и безлесной. В Одугене священными считались шесть гор: Дээрби-Тайга, которая была наиболее почитаемой, Кара-Тайга, Ова-Тайга, Кошке-Тайга, Шивит-Монгур, Добулер-Тайга.

Название горного массива Одуген может быть, по мнению Л. П. Потапова, отождествлено с известным термином *ötükän* орхонских

²¹ Е. Яковлев и Г. Е. Грумм-Гржимайло без достаточных оснований отрицали существование личных молений у тувинцев (Г. Е. Грумм-Гржимайло, *Западная Монголия...*, т. III, стр. 138).

²² Об аналогичном обычае у тофаларов сообщает Н. Ф. Катанов (см. «Наречия урянхайцев...», стр. 615).

²³ Культ гор весьма древен. Китайская летопись отмечает, что у древних тюрков священной считалась «высокая гора, на вершине которой нет ни деревьев, ни растений; называется она Бодын-инли, что на китайском языке значит: „дух—покровитель страны“» (Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 231).

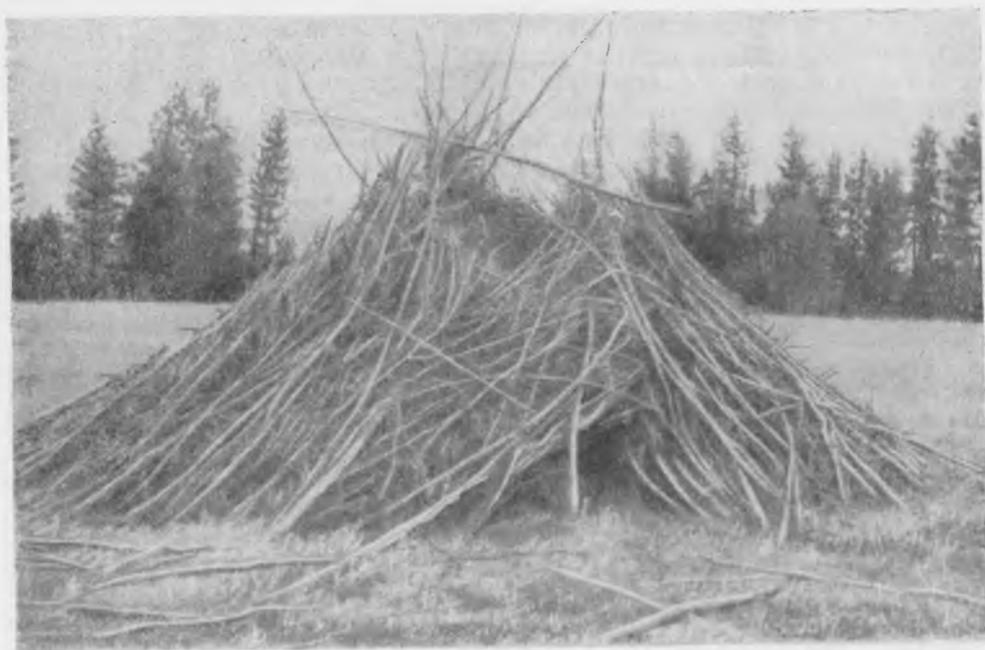

Рис. 145. Ова

текстов, обозначающим священную лесистую горную страну в древней родине тюрков²⁴.

В почитаемых местах, по указанию шаманов, устанавливались *ова* — шалаши из жердей и веток (рис. 145), в которых помещали жертвенные приношения «хозяину гор», а также изображения животных, вырезанные из дерева и бересты²⁵. Фигурки имели, вероятно, магическое значение — способствовать размножению животных, которых они изображали. Ф. Кон встретил в одном из тоджинских *ова* фигурки коней, соболей, белок и других животных. Один из находившихся рядом тоджинцев заявил Кону: «Теперь соболя много будет». На вопрос, почему он так думает, тоджинец ответил: «Эти *ова* поставлены в этом году для того, чтобы скот размножился и зверь в лесу не переводился»²⁶.

Возле *ова* совершались коллективные моления (*ова дагыыр*).

На коллективные моления собиралось большинство жителей арбана. Перед восходом солнца, стоя около *ова*, преклонив голову, поворачивались в разные стороны и обращались к «хозяину горы», молили его об удаче на охоте и здоровье. В *ова дагыыр* принимали участие шаманы, но они не камлали. В начале XX в. в организации и проведении *ова дагыыр* участвовали также ламы.

В Одугене было установлено лишь одно *ова*, на горе Ова-Тайга, к остальным священным горам опасались приближаться, к ним лишь обращались с молитвами.

²⁴ См. Л. П. Потапов, *Новые данные о древнетюркском ötükān*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1.

²⁵ В других районах Тувы (а также в Монголии, Тибете, у бурят и на Алтае) распространены *ова* (*обо*) в виде куч камней, насыпаемых на перевалах и вершинах гор. Культ гор широко распространен у народов Саяно-Алтайского нагорья и в Монголии (см. Л. П. Потапов, *Культ гор на Алтае*, — СЭ, 1946, № 2).

²⁶ Ф. Кон, *Экспедиция в Сойотию*, стр. 245.

При перекочевке на зимние стоянки жители аала на перевале устраивали «хозяйину места» моление (*арт дагыыр*).

Тоджинцам были известны приемы гадания лопаткой животных. Этот прием гадания, восходящий к доламаистским верованиям, был знаком древним китайцам еще во II тысячелетии до н. э.; впоследствии он был распространен у многих народов, в частности у монголов, калмыков, киргизов²⁷ и др.

Как уже было отмечено выше, в фольклоре тоджинцев встречаются образы злых духов-людоедов, восходящие, вероятно, к доламаистским представлениям (*чылбыга, шулбус, албыс, мангыс* и другие), которые были распространены у всех монгольских народов и от них, вероятно, проникли к тувинцам.

В начале XX в. еще в полной мере сохранилось шаманство. Истоки шаманских верований уходят в глубокую древность. На скалах Тувы встречаются стилизованные изображения людей в двурогих головных уборах. Эти рисунки, датируемые рубежом н. э.²⁸, вероятно, связаны с шаманским ритуалом (у некоторых сибирских народов еще в недавнем прошлом шаманы во время камланий носили рогатые головные уборы). В середине I тысячелетия н. э. у народов Южной Сибири выделяются лица, монополизирующие в своих руках шаманские функции. Китайские источники сообщают, что у хягасов «шаманов называют гянь»²⁹ (ср. тувинское название шамана — *хам*). Рашид ад-Дин писал о местности Баргуджин-Токум, населенной племенами лесных урянкатов³⁰, что «там шаманов больше всего»³¹. Рашид ад-Дин приводит и название шаманов: *кам (хам)*³².

У тоджинцев шаманство, за редкими исключениями, было наследственным как по линии отца, так и по линии матери (шаманом, как правило, становился лишь один из детей умершего шамана).

Перед тем как стать шаманом, человек резко менял свое поведение. Окружающим казалось, что у него начались приступы своеобразной «болезни» *албыстаар*³³: часто повторялись судорожные истерические припадки, он выкрикивал нечленораздельные слова, уходил из дому и бродил в тайге, рвал на себе одежду и т. п. Истерические припадки сопровождались нередко галлюцинациями. Родственники для лечения «больного» приглашали шамана, который в таких случаях утверждал, что в «больного» вселился дух шамана-предка, который заставляет «больного» взять коня (имеется в виду бубен — *дүңгүр*) и шаманскую одежду *ала куяк*, т. е. стать шаманом. *Албыстаар* обычно проявлялась в молодости — у мужчин в 20—25 лет, у женщин — в 13—18 лет. Но были исключения. Мне пришлось беседовать с несколькими бывшими шаманами, которые, по их словам, заболели «шаманской болезнью» как в детском, так и в среднем возрасте³⁴.

²⁷ P. S. Pallas, *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*, 2. Th., SPb., 1801, S. 350 u f.

²⁸ Н. Л. Членова, *Несколько писаниц Юго-Западной Тувы*, — СЭ, 1956, № 4; см. также С. И. Вайнштейн, *Некоторые итоги...*, табл. 1, рис. 10.

²⁹ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 353.

³⁰ Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, стр. 156.

³¹ Там же, стр. 157.

³² Там же.

³³ *Албыстаар* — название не только для шаманской «болезни». Этим словом называют буйное сумасшествие, буйствование; название происходит от слова *албыс*, означающего злое мифическое существо (ср. *альбин* — у ламанстов Монголии; см. А. Позднеев, *Очерки быта...*, стр. 330, 331, 335, 471).

³⁴ Бараан Чилопсан из рода соян «заболел» в сорокалетнем возрасте. Он рассказал о себе: «Родители мои не были шаманами. Я болел три месяца, себя не помнил. Не помню, что выкрикивал, что пел, что делал. Родители пригласили шамана из рода демчи по имени Пушгу. Он сказал, что, когда я был в тайге, в меня вселился

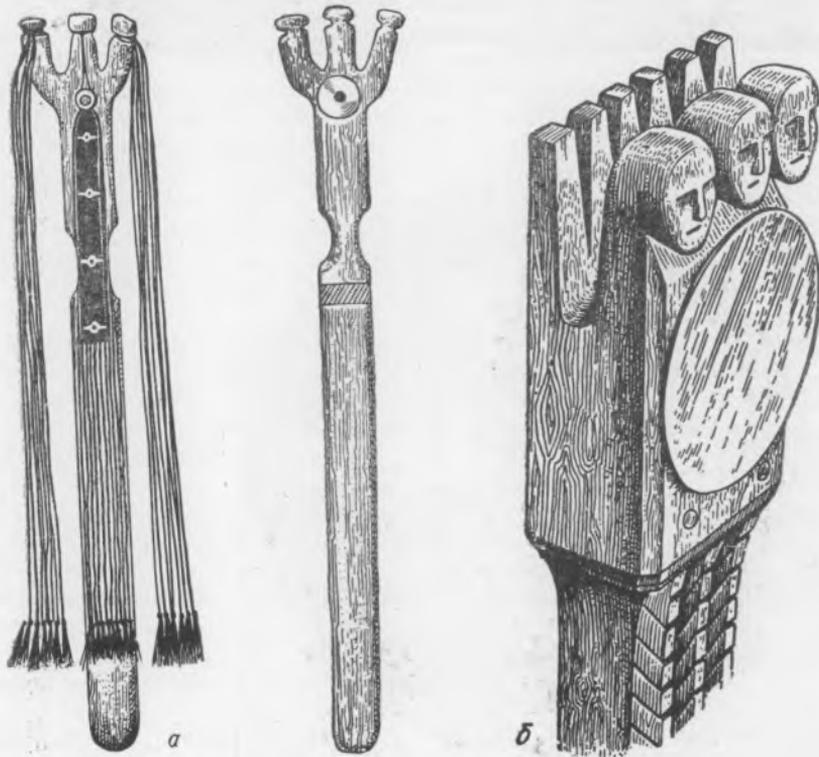

Рис. 146: а — шаманский жезл; б — верхняя часть шаманского жезла с изображением человеческих голов

Первой принадлежностью ритуала, которую получал шаман, был жезл *даяк* (рис. 146) (так же как у бурят и монголов, в отличие от ряда других народов Сибири, у которых первой шаманской принадлежностью была колотушка).

Шаманские жезлы имели развилки в верхней части. Каждый зуб развилки назывался *баш* (голова). Обычно развилки были трехзубые, но встречались и двух-, пяти- и девятизубые. Нередко зубьям придавали антропоморфную форму. На одном из тоджинских жезлов, хранящихся в Кызыльском музее, девять зубьев, расположенных в два

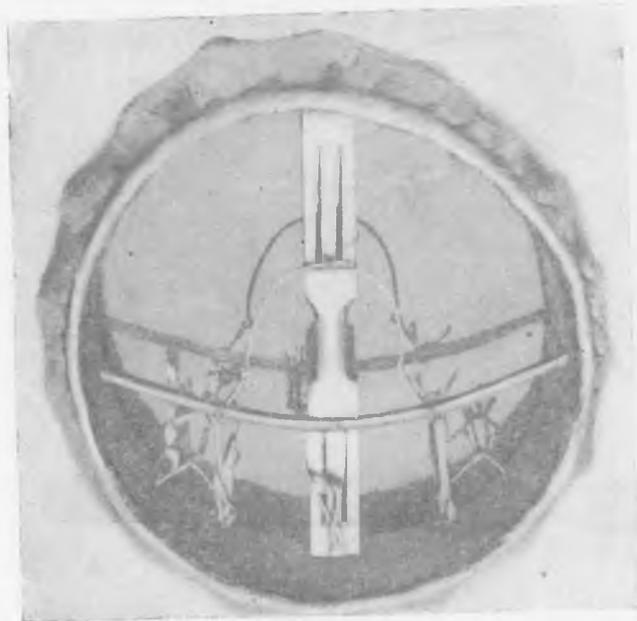
духа шамана, умершего раньше, у которого не было детей. Пушгу сказал, что болезнь будет продолжаться до тех пор, пока я не стану шаманом. Родственники сделали мне шаманские принадлежности, я стал шаманом. С тех пор болезнь прекратилась». Другой бывший шаман Кол Чензер рассказал мне, что, когда ему было 24 года, он заболел. Его трясло, все кости болели. Когда кто-нибудь заходил в чум, у него начинались судороги и он падал в обморок, теряя сознание. Если был один, чувствовал себя хорошо и даже ходил на охоту. Приглашенный шаман сказал, что в него вселился дух шамана — брата отца «больного», что это черный дух (*кара-бук*), что он сидит в нем в виде медведя. «Больной» пытался выгнать духа, устраивал специальные камлания, приглашал разных шаманов, но ничего не помогало. Его «болезнь» продолжалась четыре года. Затем родственники сделали ему шаманский жезл и одежду. Он стал шаманом.

Такой путь шаманского «избранничества», широко распространенный в прошлом почти у всех народов Сибири, свидетельствует о том, что среди шаманов преобладали истеричные люди с повышенной внушаемостью и самовнушаемостью.

Вместе с тем описанное выше «избранничество», если говорить о его общественной сущности, очевидно преследовало цель, во-первых, убедить окружающих в том, что шаманом можно стать только сверхъестественным путем, во-вторых, установить пригодность того или иного лица выполнять шаманские функции (наличие «шаманской болезни» устанавливал шаман!).

Рис. 147. Колотушка шамана

a

б

Рис. 148: а — шаманский бубен; б — рукоятка бубна

параллельных ряда (три на лицевой части и шесть на задней); зубья переднего ряда выполнены в виде человеческих голов, окрашенных красной краской, с четко обозначенными глазами, ртом и носом (высота голов 3 см). Под ним укреплен латунный круг диаметром 8 см. Общая длина жезла, сделанного из березового дерева, 70 см.

Прежде чем пользоваться жезлом, совершался обряд его «оживления», в котором принимал участие какой-нибудь старый («сильный») шаман, проводивший по этому поводу ночью специальное камлание.

Вместе с «ростом силы» шаман «по внушению духа предка-шамана» просил у сородичей дать ему колотушку (*орба*) (рис. 147) и бубен (*дүңгүр*) (рис. 148). Шаман во время камлания обращался к родственникам с просьбой; например³⁵:

Хой-Каранын бедик сивиринден
Аьдым-хөлүм алыры мен,
Ак Айның он беште
Аьдым-хөлүм белеткеңер,
Ала куюам дериглеңер.

Я намерен взять своего коня
С вершины Хой-Кара³⁶.
Пятнадцатого числа белого месяца,
Приготовьте мне коня,
Приготовьте и ала куюк.

Если человек получал *дажк* осенью, то бубен ему делали либо зимой в середине февраля, либо весной в середине мая.

За несколько дней до середины февраля в место, указанное шаманом, направлялось два-три человека, как правило, родственники шамана, которые должны были сделать бубен.

Подобрав подходящий кедр для изготовления обода бубна, они сообщали дереву о желании шамана, например:

Ынаажык хам силерден мынар
Аьт диледип чораан чүве ийин.

Шаман Ынаажык попросил
У вас ездового коня.

Кедр срубали, а к пню прикрепляли дар — белую длинную ленту, которую несколько раз обматывали вокруг него.

При помощи специального приспособления (*чонгу*) здесь же на месте в течение одного дня делали обод бубна.

Вернувшись в аал, родственники укрепляли на ободу (обечайке) вертикальную перекаладину-рукоятку, резонаторы и металлические части, а затем брали шкуру лося или марала (обязательно самца), вырезали кусок шкуры из области груди и живота, тщательно снимали с нее шерсть и обтягивали ею бубен³⁷.

Бубен тоджинского шамана имел слегка овальную форму. Диаметр бубна 60—80 см. Тоджинский бубен, хранящийся в Тувинском краеведческом музее, имеет размеры 64×67 см, ширина обода 21 см. Бубны тоджинских шаманов были без рисунков.

На ободу тоджинского бубна устанавливались деревянные (из кедра) резонаторы *хаваа* (лоб). Резонаторы имели форму планки (ширина 2 см) с тремя выпуклостями. С внутренней стороны бубна по наибольшему диаметру была установлена вертикальная плоская деревянная рукоятка (*туда*), украшенная геометрическим орнаментом. В верхней и нижней части рукоятки в планке имелись три прорези.

³⁵ Шаманские тексты записаны нами от бывших шаманов: Кол Чензер (1892 года рождения, род сарыг-соян), Соян Каданай (1876 года рождения, род соян), Бараан Чилопсан (1895 года рождения, род ак-тодут), а также от Ак-Даржаа (1894 года рождения, род дарган).

³⁶ Название урочища. Шаман этим указывает место, где должен быть срублен кедр для изготовления «коня», т. е. бубна.

³⁷ У тувинцев степных районов для обтягивания бубна использовали также шкуру козули и кабарги.

а

б

Рис. 149. Одежда шамана: а — вид спереди; б — вид сзади

К рукоятке нередко привязывали две ленты *дын* (повод). Плоская рукоятка бубна тоджинских шаманов аналогична тофаларской и селькупской³⁸.

По малому диаметру описываемого бубна поверх рукоятки была укреплена круглая деревянная планка (*чажаа*), к которой прикрепляли железную дугу *кудурга* (подхвостник).

К внутреннему ободу бубна были прикреплены два дугообразно согнутых железных прутика (*сырга*), на каждый из которых подвешивали три или четыре латунные конусообразные подвески (*хонгура*). Бубен хранили в чуме у стенки, напротив входа.

В Тодже применялся также бубен с двумя горизонтальными планками, совершенно аналогичный типу, распространенному у тофаларов.

Из рога лося (или марала), шкура которого пошла на обтяжку бубна, делали остов колотушки (*орба*)³⁹. В редких случаях колотушку делали из дерева. Ударную часть колотушки обтягивали затем шкурой с лапы медведицы (иногда использовали шкуру других животных, например лося). Тыльную часть *орба* иногда орнаментировали резными линиями, на ней обычно укрепляли узкую железную пластинку с железными кольцами. На конце *орба* делали петлю (*илдирге*) из кожи лося или марала. К *илдирге* привязывали *чалама* — ленты черного и белого цвета, предназначенные для духа — хозяина колотушки (*орба ээзи*). В своих призываниях шаманы часто называли колотушку *даш орба* (каменная колотушка)⁴⁰.

После того как бубен и колотушка были готовы, сородичи приступали к «оживлению» бубна. В начале XX в. для участия в обряде собирались родственники шамана, а также его соседи по аалу; но еще в прошлом веке, по утверждению стариков, в обряде «оживления» бубна участвовали только члены рода. Родственники резали ездового оленя, принадлежавшего кому-нибудь из присутствующих, кроме шамана. Мясо оленя варили, а затем съедали. Обряд «оживления» бубна был родовым праздником (*дүңгүр тою*). Он рассматривался как процесс «усмирения и обучения коня». Бубен у тувинцев считался конем, а колотушка — плетью. Характерно, что у монголов, бурят⁴¹, якутов⁴² бубен также считался конем.

Во время торжества шаману приносили ритуальную одежду, сшитую его сородичами. После этого шаман обращался к присутствующим с просьбой, например: «Сделайте моего коня смирным». Каждый из присутствующих во время обряда поочередно брал в руки колотушку и несколько раз ударял ею по бубну. Одновременно он подпрыгивал, выкрикивал различные слова, закатывая глаза, подражал действиям шаманов во время камлания. Шаман, чей «конь усмирался», не принимал участия в обряде, оставаясь лишь его наблюдателем. Он даже не должен был брать бубен в руки.

³⁸ Коллекция МАЭ, № 3871-5а.

³⁹ У телеутов колотушка также называется *орбу*, но делали ее из таволги и обтягивали камусами с ног косули (см. Н. Дыренкова, *Материалы по шаманству у телеутов*, — сб. МАЭ, т. X, М.—Л., 1949, стр. 112).

⁴⁰ В шаманских призываниях телеутов колотушку также иногда называли *таш орбу* (Н. Дыренкова, *Материалы по шаманству у телеутов*, стр. 112; Г. Н. Потанин, *Громовник по поверьям племен Южной Сибири и Северной Монголии*, — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1882, № 1—2).

⁴¹ Н. Н. Агапитов и М. Н. Хангалов, *Материалы для изучения шаманства в Сибири (шаманство у бурят)*, — «Известия ВСОРГО», т. XIV, № 1—2, 1883, стр. 19.

⁴² В. Л. Приклонский, *О шаманстве у якутов*, — «Известия ВСОРГО», т. XVII, № 1—2, стр. 134.

На *дүңгүр тою* присутствовали и другие шаманы. После того как все нешаманы ударили в бубен, он переходил в руки самого «слабого» шамана, который отдавал его «более сильному». Последним с наступлением ночи брал в руки бубен *улу-хам*, самый «большой» шаман, который проводил заключительное камлание, продолжавшееся от нескольких часов до нескольких ночей.

Во время этого камлания *улу-хам* подражал движениям и крику животного, кожей которого был обтянут бубен, рассказывал, где пасся лось или марал, сколько ему лет, о чем он думал и т. п.

Например:

Чеди мээсти оъттап өскен
Челип орар бодум ыйнаан.
Черлээн турлаам база херек.
Чеди ыяшты кезий маңнап оъттап
Өскен бодум ыйнаан.
Шалбаа баткан езен сугну ижип
Алызын көгүн чип өскен бодумна
ыйнаан.

На семи солнечных сторонах
горы пасся, рос я.
Дорого мне мое родное стойбище.
Вокруг семи деревьев бегаю, рос я.
Пил текущую грязную воду
из лощины.
Я рос, питаюсь зеленой травой.

Оканчивая камлание, *улу-хам* обращался к владельцу бубна:

Аьдын — хөлүн
Ала куяатт
Биче-бора Сырыглыг
Амы кирип боттанган-дир,
Эьтени-даа берген-не-дир.

Твоя пестрая одежда
И твой конь,
Биче-Бора Сырыглык,
Стал живым существом,
Нашел себе хозяина
И оброс мясом.

С наступлением следующей ночи, когда в чуме никого не оставалось, шаман начинал специальное камлание. Он вызывал духа — хозяина бубна и, обращаясь к нему, говорил:

Чүс алды сай сөөгүмнү
Чүмүлөп бөлүп алгаш
Борадай сени, Сырыглыкты,
Боттандырып алылынаан,
Эьттендирип алылынаан.
Ээлеп — даа алылынаан
Узун кыска ыяштарның
Ужу-биле, бажы-биле
Ужуп тыйыладып ораалынаан.

Все сто шесть костей
Соберем до единой.
Тебя, Борадай-Сырыглыка,
Давай сделаем [тебя] существом
живым.
Давай сделаем обросшим мясом.
Будем обладать тобою.
Над вершинами низких
И высоких деревьев
Будем летать, плавно летать.

Бубен шаман называл собственным именем коня, например Биче-Бора Сырыглык. К первому камланию с новым бубном шаман готовил угощение для «коня»: варил очень густой чай, который наливал в одну деревянную чашку, в другую чашку наливал арага, в третью — оленье молоко. Перед камланием шаман смазывал бубен этими жидкостями и окуривал одновременно можжевельником бубен, себя и чашки с угощениями. При этом шаман произносил, например, следующее:

Бо мынарны мен, ам
Бо хүнден эгелеп
Эьттендирип, боттандырып,
Эки өөредип алыйн...

Этого ездового (коня) я,
Начиная с этого дня,
Делаю обросшим мясом
И усмиряю...

Во время последующих камланий шаман часто обращался к бубну — своему «коню»:

Биче-бора хөөрткүйү,
Аштап-суксап могавытты.
Биче када Сырыглыкты
Ашкарып чемгерип алаалы,
Сулараан-дыр, хөөрткүйү
Суггарып, ыткарып алаалым...

Бедный Биче-Бора,
Проголодался, устал.
Накормим бедного Сырыглыка
Тут же в пути.
Бедного ослабевшего
Давайте напоим, накормим...

При этом шаман, заявив, что «конь» устал, отдавал бубен кому-нибудь из присутствующих. Тот, взяв бубен, «сушил» его у очага. Нередко во время камлания шаман давал бубну-«коню» прикурить, прикладывая к нему трубку; поливал внешнюю сторону бубна (*арты*) молоком и арагой и растирал колотушкой.

Когда бубен портился, рвалась, например, кожа, шаман говорил какому-нибудь старику из своего рода, что «нужен новый конь». При «усмирении нового коня» повторялся описанный выше обряд. Старый бубен шаман уносил в тайгу.

К старому бубну шаман обращался, например, с такими словами:

Кырып калган Биче-Бора
Черлээр черин черлезин,
Чоруур черинче чораай-даа аан.

Постаревший Биче-Бора
Пусть пасется вволю,
Пусть идет туда, куда хочет.

Обычно в течение жизни шаманы имели один-два бубна, лишь крупные шаманы имели три-четыре бубна.

Таким образом, обряд «оживления» бубна делился на два этапа. В первом принимали участие все взрослые члены рода, но владелец бубна участия не принимал. На втором этапе бубен, став собственностью шамана, проходил заключительный обряд оживления, в котором участвовал только сам шаман без сородичей.

Сходный обряд оживления бубна описан у алтайцев⁴³.

Анализируя его, Л. П. Потапов пришел к выводу, что на первом этапе этого обряда сохранился пережиток ранней ступени в развитии шаманства, когда его функции в период родового строя осуществлялись почти каждым членом рода. На втором этапе нашла отражение позднейшая ступень, характеризующаяся переходом — в условиях разложения родовых отношений — шаманских функций к отдельному лицу — профессиональному шаману⁴⁴.

Тоджинские шаманы имели головные уборы (*каскап*) трех типов. Один тип *чуглуг бөрт* (рис. 150, а) состоял из налобной повязки, сделанной из синей, красной или черной ткани, по которой подшейным волосом (*чогдур*) оленя были вышиты либо три спирали (*торлааш*) — стилизованные изображения солнца и луны, либо условное изображение человеческого лица, иногда в сочетании с геометрическим орнаментом⁴⁵. С внутренней стороны повязку обшивали шкуркой косули, а по краю — шкуркой ягненка или овцы. Сверху к повязке были прикреплены семь или более перьев (*чуглер*) самки глухаря или беркута, а с боков и снизу шапки пришиты жгуты из тряпочек и кожи (*манчак*) и

⁴³ Л. П. Потапов, *Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая*, — «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. I, М.—Л., 1947.

⁴⁴ Там же, стр. 175—182.

⁴⁵ В Музее университета в г. Осло хранится привезенный Ольсеном из Тоджи шаманский головной убор, на котором подшейным волосом оленя вышито схематическое изображение лица, по обе стороны которого расположен зигзагообразный орнамент.

длинные ленты (*чалама*) желтого и красного цвета. Перья на головном уборе шамана символизировали, вероятно, его способность летать⁴⁶.

Шаман, обращаясь во время камлания к *чүглүг бөрт*, говорил:

Ай-хүн дег торлааштарлыг
Адыр чүглүг каскак бөргүм,

Чеди адыр каскак бөргүм,
Мендиле бе, кандыгыйлаан?
Черилежип ораалынаан!

Моя шапка с растопыренными
перьями,
С торлашами подобно солнцу и
луне,

Моя семиперьевая шапка,
Как твое здоровье?
Улетим же, улетим вместе!

Иногда начинающие шаманы, не владевшие бубном, имели несколько иной головной убор, состоявший из обычной шапки (*чайгы бөрт*), обшитой внутри шкурой косули. Верхнюю часть тульи обшивали кожаным кольцом, в которое вставляли три пера из хвоста глухаря-самца.

Третий тип — *кымзар бөрт* (рис. 150, б) представлял собой облегающую голову круглую шапку, верхняя часть которой была сшита из шкур, а нижняя сплетена из сухожилий копытных. Ее край был оторочен матерчатой каймой, к которой были пришиты *манчаки*⁴⁷. По словам наших информаторов, *кымзар бөрт* имели только «сильные» шаманы, надевавшие их во время камлания в новолуние (в *чүглүг бөрт* камлали в лунные ночи).

Шаманский плащ (*ала куюк*) (рис. 151) шили целиком из одной шкуры (мехом внутрь) дикого оленя-самца. Его внешняя сторона была обшита черной или синей тканью (воротник стоячий, разрез прямой). На плаще оленьим подшейным волосом вышивали полоски, изображающие схематично кости скелета человека. Нашивки на рукавах — суставы (*чүстери*), нашивки на полах — ребра (*ээгилери*). На спине висела длинная лента с вышитым на ней изображением позвоночника (*сын сөөгү*), оканчивающаяся обычно тремя, а иногда большим количеством жгутов.

Во время камлания шаман обращался к своим костям:

Чүс алды сай-сөөгүм
Эъттенген бе, боттанган бе?

Сто шесть моих костей
Зажили ли, обросли ли мясом?

Далее к позвоночнику:

Уш адыр сын-сөөгүм
Чындынайнып ораалынаан.

В конце заостренная на три части
Основа моего туловища,
Понесемся, слегка покачиваясь.

У отдельных тоджинских шаманов изображения костей скелета делали из латуни. Такие, например, изображения были на костюме у шамана Тайзыва из рода сарыг-соян. Изображения частей скелета на шаманских костюмах встречаются у эвенков, бурят⁴⁸ и якутов⁴⁹.

К рукавам были пришиты разноцветные короткие жгуты (*дуктер*), оканчивавшиеся кисточками из полосок кожи. К грудной части были

⁴⁶ Шаманские шапки с перьями, в том числе трехперые, были известны тофала-рам, а также монголам, хакасам и алтайцам.

⁴⁷ Шаманские головные уборы (круглая шапочка, к нижнему краю которой пришиты жгуты) были известны у бурят и монголов.

⁴⁸ С. В. Иванов, *О значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья*, — сб. МАЭ, т. XVI, стр. 258.

⁴⁹ В. Ф. Трошанский, *Эволюция черной веры шаманства у якутов*, — «Ученые записки Казанского университета», кн. 4, 1903, стр. 136.

пришиты длинные жгуты (*манчак*) красного и черного цвета, служившие шаману «крыльями». Шаман обращался к ним:

Чалгын-чачпам — дос манчаам
Чалбайтып-ла ораалынаан.

Мои крылья — коренные манчаки,
Улетим же плавно, плавно.

Сзади к плащу был пришит толстый жгут, изображавший хвост, а рядом с хвостом — жгуты, изображавшие стреляющих змей (*согун чылан*). В своих призывах шаман обращался к змеям:

Дүрүлгектиг октуг чылан,
Дүрүлбейин олурунаан.

Свернувшаяся моя змея,
Не сворачивайся в кольцо.

На спине висели железные и бронзовые трубочки, обозначавшие стрелы, и латунные подвески — «шаманские лопаты», первоначально символизировавшие, вероятно, пластинки панциря.

О них шаман говорил:

Адар оък өдүп болбас
Адыр, демир чаным, амыр!

Нельзя проткнуть вас даже
стрелой,
Железные мои лопаты,
здравствуйте!

На спину вешали также круглую медную пластинку, изображавшую луну. Во время камланий в новолуние ее полностью обвязывали тканью, в последующие дни по мере увеличения луны пластинку приоткрывали из-под ткани, а в полнолуние открывали полностью.

«Сильные» шаманы носили также нагрудники (*төш*), на которых подшейным оленьим волосом были вышиты грудные кости (рис. 152)⁵⁰.

Обувь шамана (*хамнаар идик*) изготовляли из ровдуги самца оленя (рис. 153). Внешнюю часть ее, кроме подошвы, обшивали черной или синей тканью, а края — цветной тканью, обычно красной. Спереди на сапоге были вышиты белым подшейным волосом изображения суставов ноги — ее костей (малая и большая берцовая, пяточная и пять фаланг пальцев ступни). Изображение костей оконтуривали красной нитью. Шаман во время камлания обращался к ногам; например:

Дуюг болган адыр будум,
Дөжү болган саарым,
Кара-Черден адырлыңар,
Хоорлуп-ла көрүңерне.

Мои копыта — мои две ноги,
Наковальнообразный мой таз,
Оторвитесь от черной земли,
Отцепитесь прошу я.

В чуме шамана висели «вместилища духов» (*ээрен*) — ленты разного цвета, части шаманской одежды, шкурки белок, изображения людей и животных, вырезанные из дерева и ткани или вышитые на тряпочках (рис. 154), чучела соболя и филина, набитые сухой травой. Шаман во время камлания обращался к ним, как к своим духам-помощникам. К числу *ээрен* шамана, висевших в чуме, следует, по-видимому, отнести «шаманский наплечник», приобретенный Ф. Коном у оленеводов. Он представляет собой сшитую из красной материи на синей подкладке ленту длиной 67 см. С наружной стороны вдоль всей ленты вышиты подшейным волосом оленя изображения различных животных: собаки, птицы, лошади, оленя⁵¹.

В нескольких шагах к востоку от входа в чум шамана обычно был установлен кедровый шест высотой около четырех метров, на вершине которого висели три ленты (*чалама*) белого и красного цвета

⁵⁰ Нагрудники имели шаманы как среди оленеводов, так и среди скотоводов; были они и у тофаларов.

⁵¹ Хранится в Государственном музее этнографии народов СССР (Ленинград).

(рис. 155). У шеста шаман совершал обряд (*саң салыр*). В полнолуние шаман ставил здесь маленький столик, на который устанавливал сосуд с дымящимся можжевельником (*артыш*); затем он брызгал на сосуд олень (у оленеводов) или коровье (у скотоводов) молоко, обращаясь к хозяину тайги:

Оран-тацдым өршээнер,
Баък чуве чагдатпагар!

Прошу тебя, хозяин мой,
Не допускать ко мне плохое!

Рис. 150. Шаманские головные уборы:
а — чүгүг бөрт; б — кымзар бөрт

Перед смертью шаман камлал для того, чтобы отогнать злых духов подальше, а добрых духов вселить в кого-нибудь из своих детей.

После смерти шамана его бубен (если бубна не было, то *даяк*), все принадлежности и одежду уносили на его могилу и вешали на дерево (см. ниже). На всех вещах делали надрезы, в том числе на коже бубна, «чтобы из них могли улететь духи».

В своих основных чертах костюм тоджинского шамана сходен с тофаларским. Многие особенности принадлежностей ритуала тоджинских шаманов отличают их от аналогичных в центральных и западных районах Тувы. Так, на костюмах шаманов центральных и западных районов нет изображений костей скелета, там не носили нагрудников. Для тоджинских бубнов, так же как и для тофаларских, не характерны рисунки, которые часто встречались на бубнах в Центральной и Западной Туве, у хакасов и алтайцев. На рукоятках бубнов в Центральной Туве имелись обычно антропоморфные резные и рисованные изображения, а также резные изображения змей, неизвестные на тоджинских бубнах.

Некоторые особенности тоджинского бубна (форма ручки, устройство и форма резонатора, ширина обода) отличают его от бубна, распространенного у тувинцев степных районов, и сближают с бубнами у тофаларов, кетов, селькупов. Ношение нагрудников сближает тоджинское шаманство с тунгусо-маньчжурским.

В функции шаманов входило главным образом «лечение» больных людей, поиски пропавших вещей и домашних животных, предсказание будущего, освящение и «лечение» домашних животных. Считалось, что не все шаманы обладают одинаковой силой. Наиболее могущественных шаманов называли *улуг-хам* (великий шаман).

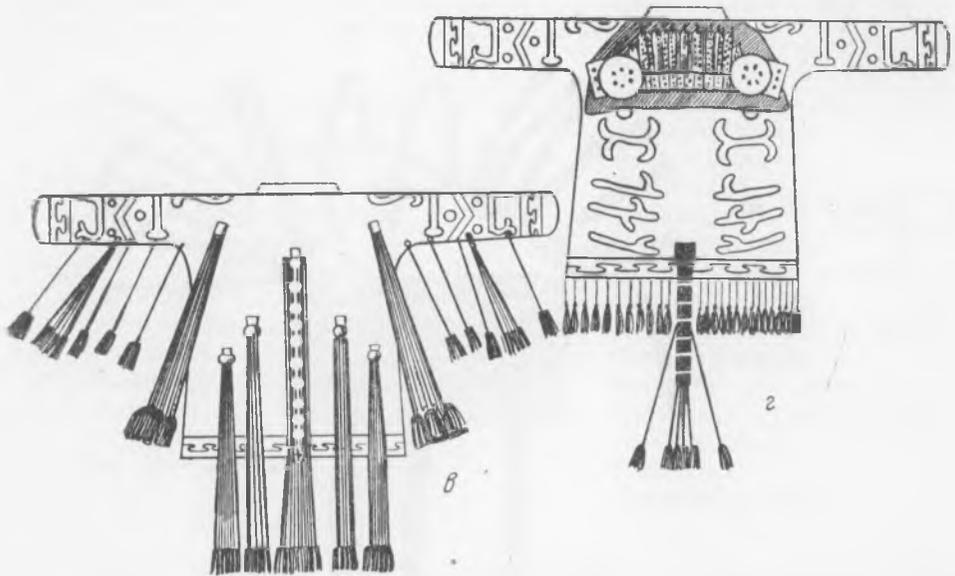
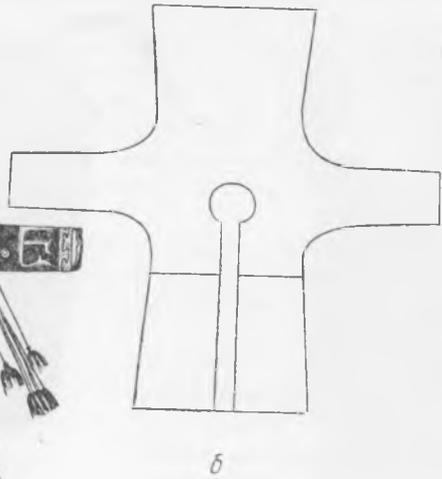
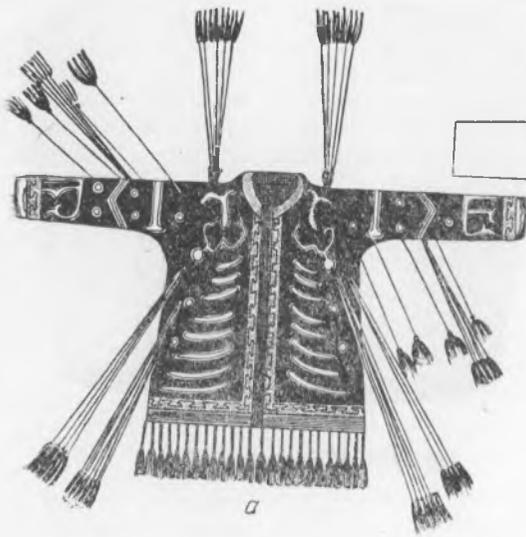

Рис. 151. Шаманский плащ (оленоводы): а — вид спереди; б — покрой; в и г — вид сзади

Рис. 152. Шаманский на-
грудник

Рис. 153. Шаманская обувь

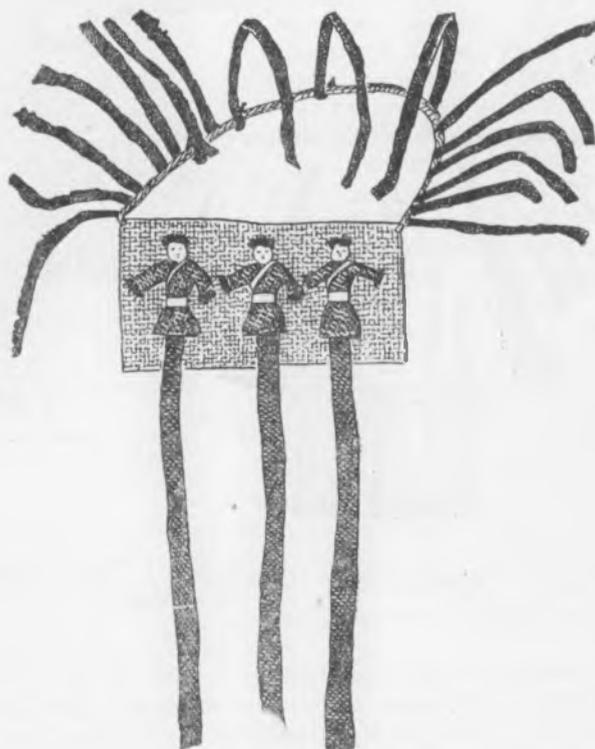

Рис. 154. Шаманский ээрен

Если камлание обычного шамана не давало желаемого результата, то обращались к *улу-хаму*.

Во время камлания, которое совершалось с наступлением темноты, шаман приводил себя в состояние сильного экстаза. При этом он якобы общался с добрыми духами, опираясь на их помощь, преодолевал значительные трудности и в конце концов побеждал злых духов. О всех перипетиях своей борьбы он сообщал присутствующим в своих песнях, которые сопровождались движениями, изображавшими сцены схваток.

Приведем пример камлания по поводу «лечения» больного. Шаман вначале говорил, что в больном сидит злой дух, который принял вид черной росомахи. При этом шаман с устрашающим выражением на лице грозил злому духу. Например:

Ханныг чүрээн,
Кара чекле
Кара баарын
Кестик адар огум-биле
Хээ-чаза адайын бе?
Өстүг чүрээн
Өкпе, баарын
Үзе-чаза адайын бе?

Окровавленное сердце,
Черную печень
Черной росомахи
Своей острой стреляющей
стрелой
Расстрелять ли мне вдребезги?
Сердце с аортой,
Легкие и печень,
Расстрелять ли мне вдребезги?

Испугавшись, злой дух бежит и, превратившись в рыбу, прыгает в воду. Шаман обращается к своим принадлежностям, изображающим духов-помощников, с просьбой помочь в преследовании злого духа. Он, преследуя злого духа, превращается то в птицу, то в рыбу и т. п.:

Кускун болуп хуулуп алгаш
Кулбуннадып ораалынаан,
Кандыг черден кайыын барып
Ханныг шылбай чылгаалынаан?
Хартыга болуп хуулгаштын
Хириледип ораалынаан.
Бел болган бо аза дедир
Сагышырап ораылаан, хая
Сактып ораылаан?
Эзир болуп хуулгаштын
Эргил көрүп ораалынаан.
Өкпе чүрээн
Өзүн баарын
Үзе-чаза төвээлинаа!

Превратимся в ворона,
Понесемся плавно,
Где и в каком месте
Будем лизать красную кровь?
Превратившись в ястреба,
Наблюдаем сверху.
Превратившись в тайменя,
Этот злой дух (аза)
Почему поворачивает назад?
Почему беспокоится?..
Превратившись в орла,
Наблюдаем со всех сторон.
Легкие и сердце,
Вену и печень
Разорвем на куски!

Шаман «стреляет в злого духа стрелой», сопровождая свое сообщение об этом коротким ударом в бубен: повернув бубен из вертикального положения в горизонтальное, он с силой ударяет по нему. Раненый дух пытается бежать. Шаман, сопровождающий выкрики резкими движениями, старается его поймать. Это нелегко! Духу удается несколько раз увернуться. Наконец шаман быстро наклоняется к земле и накрывает злого духа бубном, но дух отчаянно вырывается, в результате чего шаман вынужден подпрыгивать. Еще одно усилие — и дух прижат к земле. Шаман ожесточенно топчет его ногами, затем подносит ко рту и, облизав, съедает, приговаривая:

Кара баарын,
Ханныг чүрээң
Мен-не чидим ий;
Өкпе-чүрээң
Өзүн баарын
Мен-не чидим ий,
Кызыл шывыйыңны
Мен-не чылгадым ыйнаан
Сээ Кызыл-шывайымны
Мен чылгатпас мен, аза,

хоош!

Твою черную печень,
Твое сердце окровавленное
Я съел, я съел.
Твои легкие,
Твою вену и печень
Я съел, я съел.
Твою красную кровь я лизал,
я лизал,
Мою красную кровь
Лизать не дам тебе, злой дух!

Во время камлания шаман всячески старался убедить присутствующих в своей силе, стремился показать способность не только изгонять и убивать злых духов, но и быть в хороших отношениях с грозными хозяевами тайги, духами — покровителями шамана.

Чаваш-Бажы, амыр-менди,
Шаараш-Тайга, амыр-менди!
Адыр быштыг, тумен бөрттүг
Арзай-буурул, Шаараш-Тайгам!
Ээлерим силерлерден сураттынып
Эргип кезип чоруп-тур мен.

Ак-Хөлдөр, амыр-менди!
Амыр-менди, меңги харлар!
Оран-таңдым, кудум ээзи
Кадыр-Остуң белдириңде
Камбыл аастыг кара белдер,
Ээлерим силерлерден
Эренип-суранып чору мен.

Чаваш-Бажы, здравствуйте!
Шараш-Тайга, здравствуйте!
Двухголовая с множеством
(снежных. — С. В.) шапок,
Могучая седая Шараш-Тайга!
Прося помощь и покровительство
у моих хозяев, у вас,
Я навещаю всех вас, всех вас.
Белые озера, здравствуйте!
Вечные снега, здравствуйте!
Хозяева моих гор и души.
У устья Кадыр-Ос
Таймени широкоротые
От вас, мои хозяева,
Я ищу помощь.

В своих «странствиях» шаман мог встретить духа своего отца, о котором он также сообщал окружающим.

Экей, Адарванның Адыр-Дыт!
Ээ, ачам багай сүнезини бо
Азып-тенип чоруур иргини.
Аът-хөлдөн чадаглап,
Аъш-чемден аштап,
Тапкыдан кыжыгдап,
Таан түрөп чоруур иргин.

Здравствуйте, Адыр-Дыт Адарвана!⁵²
Ээ, ээ, здесь блуждает
Бедный дух моего отца,
Нет у тебя коня, ты нищий.
Нет у тебя пищи, ты голоден.
Нет у тебя табака, ты хочешь
курить,
Ты страдаешь от всех.

Утомленный борьбой и «путешествием», шаман падал в обморок. После того как окружающие его поднимали, он обращался к своим духам-помощникам с просьбой указать дальнейший путь.

Амыр-менди, Иштиг-Иргек!
Амыр-менди, хайыраканнарым!
Кайнаар эргип чордуңарнаан?
Кайыдыва шыыладып ораалынаан?

Иштиг-иргек, доброго здоровья!
Мои владыки, доброго здоровья!
Где вы странствовали?
Куда мы должны сейчас ехать?

⁵² Название урочища.

Одержав победу над врагами, шаман объявлял о возвращении своего тела из странствий:

Даш орба улуг дагжал,

Даг дунгүр улуп эдип
Дагжап эдип чыдыры бе?
Эргээн-кезээн мага бодувус
Экей, аалда келдивис:
Аза-хооштар чемдезингеш
Аалда чүве артырбаан-дыр,
Арлып дезип чораан-дырлар.

Не каменная ли колотушка воет,
стучит,

Не гора-бубен ли гремит, воет.
Не они ли прогремели всю ночь?
Побывавшее везде наше тело,
Экей, возвращается домой:
Злые духи тут побывали,
Весь аал они опустошили,
Но убежала прочь отсюда.

Обычно камлание оканчивалось гаданием (*төлгелээр*) при помощи колотушки. Шаман бросал колотушку в сторону больного. Если она падала вогнутой частью вверх, то все присутствующие восклицали: «*төөрек!*», что означало благополучный исход болезни.

В отдельных случаях шаман гадал при помощи чашки. Например, на спину освящаемой лошади⁵³, по указанию шамана, клали чашку с чаем, и один из родственников обводил лошадь три раза вокруг чума по «движению» солнца. Если чашка падала с лошади вниз дном, наблюдавшие за гаданием кричали: «*төөрек!*»; если чашка падала вверх дном — предзнаменование плохое. Гадали до тех пор, пока, наконец, чашка падала вниз дном. После гадания освященного коня отпускали. Его нельзя было использовать в хозяйстве, он жил, пока не погибал естественной смертью.

По указанию шаманов вокруг чума, где находился больной, для умиловивления духов втыкали в землю высокие шесты (до четырех метров) с привязанными к их вершинам лентами *чалама*. Количество шестов и место их расстановки зависело от шамана. Обычно четыре шеста укрепляли вблизи чума по направлениям стран света.

Камлание с бубном совершалось лишь в тех важных случаях, когда требовалась «вся сила» шамана. Часто его действия не сопровождалась камланием. Например, охотник, которого упорно постигала неудача на промысле, обращался к шаману с просьбой помочь. Шаман, взяв в руки *кадак* — кусок белого материала, который принес ему охотник, говорил, например: «Неудача оттого, что женщина перешагнула через твоё ружьё».

Затем, чтобы «очистить» ружьё от осквернения, шаман плевал на дуло и привязывал к ружейному ремню обрывок ткани. На этом обряд очищения заканчивался.

Шаманы нередко требовали для успешного «лечения» больных принесения домашних оленей в жертву духам. Обращаясь к родственникам больного, шаман говорил, например: «Болезнь глубокая. Приведите белого оленя с черным пятном. Зарежьте его, вырежьте место с темным пятном и бросьте это мясо в огонь, чтобы *аза* вышли из больного и перешли на мясо». Так, бедняк-оленовод Мунгу Сарыг в 1914 г., незадолго до смерти жены, для ее лечения вынужден был одного оленя отдать шаману в уплату за камлания, а другого, по его совету, зарезать в жертву духам. Освящение животных — оленей и лошадей, которых

⁵³ Посвящение лошадей и оленей духам гор производилось главным образом с целью предотвращения болезней людей и животных. У освящаемой лошади шаман заплетал одну прядь волос в задней части гривы и привязывал к ней несколько кусочков ткани (*ыдык чел*). Затем заплетал прядь волос на хвосте и обвязывал ее лоскутком, такие же лоскутки привязывал к каждому кольцу удила. Освящение называлось *агтты ыдыктаар*. При освящении оленя к нему также привязывали кусочки ткани.

Рис. 155. Шесты с чалама вокруг чума (оленоводы, 1908)

затем уже нельзя было использовать для работы или зарезать на мясо, — подрывало экономическое положение бедняцких хозяйств. В отдельных случаях по указанию шамана из жилища уносили и зарывали или бросали в тайге вещи (вещь можно было заменять моделью), в которых якобы прятался злой дух; меняли больному имя, чтобы злой дух его не мог узнать.

Хотя шаманы имели свое хозяйство и вели промысел, они требовали за камлание плату — пушнину, домашних животных и др. С. Тока, вспоминая о своем детстве, пишет, что шаман Сюзюк-Хам, приглашенный матерью для лечения ее больного сына, прежде всего спросил: «Шаманить пришел я, а ты что приготовила? Неужели я даром к тебе спешил?»⁵⁴

Шаманы вплоть до недавнего прошлого являлись активными носителями самых мрачных сторон первобытной религиозной идеологии, цепко опутывавшей сознание тоджинца с ранних лет и влиявшей затем на него в течение всей жизни.

Погребальные обряды оленоводов и скотоводов в конце XIX — начале XX в. существенно различались.

У оленоводов существовали два способа погребений: 1) на помостах, так называемый «воздушный» способ; 2) в невысоких срубках на земле.

Эти широко распространенные у народов Сибири погребальные обычаи восходят к глубокой древности. Дубо также хоронили двумя способами: воздушным и наземным. По свидетельству Тан-шу, «покойников полагали в гробы и ставили в горах или привязывали на деревьях»⁵⁵.

Однако «воздушный» способ в начале XX в. применялся у тоджинцев только для погребения шаманов — это и понятно, так как обряды, связанные с шаманством, наиболее консервативны.

⁵⁴ С. Тока, *Слово арата*, стр. 55.

⁵⁵ Н. Я. Бичурин, *Собрание сведений...*, стр. 348.

Оленеводы выносили умершего через отверстия в стене чума (напротив входа; входом для этой цели никогда не пользовались). До места погребения несли на носилках из жердей.

Хоронили в срубах из очищенных от коры жердей лиственницы. Сруб делали в четыре-пять венцов, скрепленных «в обло». Ширина и высота сруба была около 1 м, длина примерно 2 м. Если хоронили зимой, то в месте, где ставили сруб, разгребали снег. Покойного клали на подстилку головой на запад и прикрывали шкурой. Справа от головы ставили чайник, деревянное блюдо с мясом (обязательно голень), деревянную чашку, сыр (*быштаг*), табак, трубку, чай; у пояса должен был лежать нож; рядом с ногами клали удила, узду, иногда седло, топор.

Оружие и огниво не клали с покойником, так как ими, по поверью, могли воспользоваться злые духи. Если хоронили женщину, то с ней клали седло, узду, корнекопалку, нож для копания сараны, сумку (*кымзар*), табак, трубку, чашку и пищу.

Во время похорон люди молчали, опасаясь, что их услышит злой дух. Возвратившись в стойбище, пили чай и брызгали в огонь, туда же бросали щепотки табака — приношение духу, хозяину очага. Затем весь аал откочевывал на другое место. Через год, в день смерти, семья умершего приглашала шамана и он камлал без бубна. Члены семьи старались разыскать следы чума, в котором умер их сородич. На месте бывшего очага разжигали огонь и брызгали в него чай.

Если у умершего не было близких родственников, то в его чуме разжигали огонь, ставили у очага пищу. После этого аал откочевывал.

Для похорон шамана родственники сооружали помост (*сайгак*) из жердей и веток. Помост обычно устанавливали на четырех столбах высотой около 2 м либо привязывали его к деревьям.

Сайгак обязательно располагали таким образом, чтобы к нему с западной стороны прикасались ветви стоящего рядом дерева (лиственницы или кедра). На это дерево, как правило, вешали принадлежности шаманского ритуала.

Покойного клали на сайгак головой на запад. Здесь же раскладывали бытовые вещи, которыми пользовался шаман при жизни (узду, нож и др.), а также пищу.

Рис. 156. Шаманский головной убор (олeneводы)

Скотоводы хоронили так: на следующий день после смерти к покойнику приглашали ламу, который читал молитву. На третий день умершего заворачивали в белую ткань, обвязывали его шерстяной веревкой и, разобрав заднюю стенку чума, выносили его. Затем покойного в сопровождении самых близких родственников везли на привязанной к лошади волокуше из жердей в северном направлении. Поднявшись на безлесную возвышенность, разрезали веревки, которыми был обвязан покойный, и накрывали его, как правило, куском ткани с ламскими молитвенными текстами. У головы ставили шест (*маный*) высотой до 2 м, к верхней части которого был привязан кусок белой ткани. У шеста жгли можжевельник, а на ближайших деревьях вешали тряпочки. После возвращения родственников весь аал откочевывал в другое место. Через 40 дней устраивали поминки; приглашенный лама читал молитвы. Этот погребальный обряд, вероятно, проник в Туву вместе с ламаизмом из Монголии.

В Советской Туве вместе с подъемом культуры населения, успехами народного образования, здравоохранения, культурно-просветительной работы протекает процесс отмирания религиозных верований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вхождение Тувинской Народной Республики в состав Советского Союза — важнейшее историческое событие в жизни тувинского народа — создало условия для успешного социалистического переустройства хозяйства, культуры и быта аратов.

В Советской Туве встал вопрос о коренном преобразовании частного хозяйства скотоводов и оленеводов в коллективные хозяйства. Ценный опыт колхозного строительства в СССР и первых колхозов в Туве, созданных еще в период ТНР, показал, что наиболее целесообразной формой кооперирования, благодаря которой обеспечивается наиболее высокая производительность труда, систематическое развитие хозяйства и наиболее полное сочетание личных и общественных интересов, является сельскохозяйственная артель.

Весной 1949 г. значительная часть скотоводов Тоджи и оленеводов Восточной Тувы объединилась в сельскохозяйственные артели. Население, кочевавшее в основном на территории Хам-Сыринского и Улуг-Дагского сумонов¹, организовало колхоз имени Первого Мая (с центром в устье р. Ий). Аратские хозяйства Бий-Хемского и Одугенского сумонов вошли в колхоз «Советская Тува», находящийся в Адыр-Кажигской степи.

В колхозе «Первое Мая» объединились в основном тувинцы, ведущие свое происхождение из родов дарган, кыштаг, соян, кезек-маады, ак-тодуг. В колхоз «Советская Тува» вступили в основном урат, демчи, даргалар, шокар, тодуг.

Оленеводы, населявшие междуречье Бий-Хема и Каа-Хема и ведущие свое происхождение главным образом из родов кара-балыкчы, кара-соян и сарыг-соян, а также оленеводы из рода чооду, жившие в прошлом на р. Иртиш (Каа-Хемский район), вошли в колхоз «Тере-Холь», поселок которого расположен в урочище Шынаа к востоку от оз. Тере-Холь.

В настоящее время все бывшие кочевники перешли на оседлость, абсолютное большинство из них объединено в колхозах. Часть семей живет в поселках Тора-Хем и Систиг-Хем, работает на предприятиях.

Колхозники, возглавляемые коммунистами, энергично приступили к созданию крупных многоотраслевых хозяйств, включающих охотничий промысел, животноводство (в том числе оленеводство), звероводство, рыболовство и земледелие. Ведущие отрасли хозяйства колхозов — охотничий промысел и животноводство.

За короткое время колхозы Восточной Тувы добились крупных хозяйственных успехов. Достижения тоджинских колхозов демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, участниками которой они являлись в течение нескольких лет.

Из года в год растет благосостояние колхозников. В сельхозартели им. Первого Мая с января 1960 г. начато ежемесячное авансирование колхозников (оплата производится два раза в месяц). Для престарелых выделен фонд, из которого они получают ежемесячные денеж-

¹ К началу коллективизации Тоджинский район в административном отношении делился на четыре сумона: Хам-Сыринский, Улуг-Дагский, Бий-Хемский и Одугенский.

Рис. 157. Улица в поселке колхоза «Первое Мая»

Рис. 158. Пастух (колхоз «Первое Мая»)

ные пособия. В колхозе «Советская Тува» установлены гарантийные нормы выплаты по трудодням.

Успешно развивается также колхоз «Тере-Холь», в который входят наряду с оленеводами скотоводы Юго-Восточной Тувы.

Коллективизация коренным образом изменила старые методы ведения хозяйства, организацию промысла и т. д. В колхозах Восточной Тувы стали применять новую современную технику: автомашины, тракторы, электрические машины для механизации некоторых видов производства, радиосвязь.

С каждым годом улучшается организация охотничьего промысла. Все промысловики вооружены хорошими современными охотничьими ружьями, начато строительство охотничьих избушек. Колхоз до начала промысла организует разведку «урожая» соболя и белки, обеспечивает охотников необходимым снаряжением и боеприпасами. Для промысла соболя созданы специальные звенья, состоящие в основном из опытных охотников — бывших оленеводов — и из проходящей обучение молодежи. Успешно трудятся на промысле женщины, которым в прошлом запрещали охотиться.

Количество пушнины, добываемой колхозниками, за последние годы возросло в несколько раз.

Правительство высоко оценило успехи охотников, наградив лучших из них орденами Советского Союза. Старейший охотник Бараан Мырла был награжден орденом Ленина.

Большие изменения произошли в характере ведения животноводства. Отгонно-пастбищное содержание скота сочетается со стойловым, рационально используются имеющиеся пастбища и осваиваются новые; установлены твердые сроки перегона скота, организованы систематическое ветеринарное обслуживание и хороший уход. Широко внедряется метизация для улучшения породности скота. Завезены быки-производители симментальской породы, донские жеребцы, бараны-мериносы. Проводятся некоторые мероприятия по улучшению породы оленей.

Поголовье оленей, которое в годы Великой Отечественной войны Советского Союза и в первые послевоенные годы заметно сократилось, затем значительно возросло и уже в 1958 г. насчитывало только в колхозах Тоджи более пяти тысяч голов. В 1958 г. впервые был полностью сохранен весь приплод оленей.

Осваиваются новые виды хозяйственной деятельности — разведение серебристо-черных лис, голубых песцов, кроликов. Развивается огородничество, в прошлом совершенно не знакомое тоджинцам. Колхозы Тоджи выращивают картофель, капусту, морковь и другие овощи.

Рис. 159. Охотник на промысле

Рис. 160. Дом колхозника в колхозе «Первое Мая»

Рис. 161. Детские ясли в колхозе «Советская Тува»

Вместе с тем в новых условиях используется и положительный хозяйственно-технический опыт, накопленный поколениями. Например, охотники продолжают использовать на промысле оленей как основное транспортное средство; применяют многие выработанные веками приемы выслеживания зверя. В Тодже бытуют некоторые предметы старой материальной культуры, приспособленные к местным условиям (например, подшитые камусами лыжи, кожаные перекидные сумы и др.).

Одновременно с организацией колхозов совершался переход на оседлость. В 1949 г. началось строительство колхозных поселков: жилых домов, производственных и культурно-бытовых помещений.

Государственные организации провели крупные работы по землеустройству колхозных центров, их планировке и снабжению типовыми проектами. Только с 1949 по 1958 г. колхозам Тоджинского района были выданы ссуды на сумму более 1 млн. руб., в том числе около 300 тыс. руб. колхозникам для строительства жилых домов. Десятки тысяч рублей получили колхозники в качестве безвозвратных ссуд за счет государственного бюджета. Совет Министров СССР выделил для строительства индивидуальных домов бесплатный строевой лес.

За короткий срок буквально на пустом месте были построены колхозные поселки: добротные жилые дома, производственные помещения, клубы, библиотеки, детские сады и ясли, бани, столовые, медицинские учреждения и пр.

Первое время после перехода на оседлость многие колхозники жили еще в *борбак-өг* — круглых или многоугольных жилищах с деревянным каркасом, обитым корой лиственницы.

К 1957 г. все семьи колхозников переселились из чумов и временных построек в добротные двух- и трехкомнатные дома, построенные по типовым проектам. Теперь каждая колхозная семья имеет свой дом. Все дома электрифицированы и радиофицированы.

В домах уже не соблюдают старое, традиционное деление жилища на две половины. В расстановке утвари и мебели сказывается влияние городской культуры. В большинстве домов колхозников установлены металлические кровати фабричного производства, столы, покрытые

Рис. 162. На строительстве колхозной электростанции (колхоз «Первое Мая»).

Рис. 163. Ой тон колхозницы

скатертью, стулья, шкафы. В комнате, как правило, можно увидеть швейную машину, зеркало, полку с книгами. На стенах репродукции с картин, фамильные фотографии, на окнах занавески. У многих колхозников имеются сепараторы, патефоны. Большинство семей колхозников получает по подписке центральные и местные газеты и журналы, в том числе специальные, например журнал «Охота и охотничье хозяйство».

Из предметов старого быта сохраняются во многих семьях сундуки (*аптыра*) и ящики (*хааржак*), покрытые замечательными орнаментами. Негигиеническая посуда из кожи, бересты и дерева выходит из употребления.

Особенно большие и важные изменения наблюдаются в гигиене быта. В домах систематически подметают и моют полы. Теперь уже прочно вошло в повседневную жизнь умывание лица, шеи и рук с мылом. Почти в каждом дворе жилого дома стоит умывальник. В быт вошло мытье в банях (они имеются теперь не только в колхозных центрах, но и на фермах), стирка постельного и нательного белья.

Значительная часть колхозников пользуется одеждой городского типа, сохраняются также отдельные традиционные виды одежды: зимняя шуба халатообразного покроя (*кышкы тон*), камусовая обувь (*бышкак идик*) и некоторые другие, в особенности на промысле.

Трудоемкое изготовление покрывал чума, выделка шкур и некоторые другие виды домашнего производства либо совсем исчезли, либо играют незначительную роль в быте колхозников, которые имеют теперь возможность приобретать необходимые изделия фабричного производства. Пища тоджинцев стала разнообразнее. Она включает не только молочные и мясные продукты, но также хлеб (пекарни созданы даже на фермах), различные крупы, овощи, сахар, варенье, конфеты и др. Характерно, что за последние годы резко возросло количество товаров, приобретаемых колхозниками через торговую сеть. Большим спросом у колхозников пользуются шелковые и шерстяные ткани, готовая одежда, велосипеды, радиоприемники и другие товары.

Изменились семейные отношения, окончательно исчезли обычаи уплаты калыма за невесту и браки малолетних. Женщина стала равноправным членом семьи и активно участвует в производственной и общественной жизни.

Рис. 164. Многодетная семья колхозника

Семьи колхозников, как правило, многодетны. Большинство семей имеет более трех детей, а в отдельных семьях восемь-девять детей. Многодетным семьям государство предоставляет значительные пособия.

Еще недавно в Тодже и Тере-Холе были широко распространены социальные заболевания, уносившие ежегодно много человеческих жизней. С организацией колхозов, переводом на оседлость и значительным улучшением быта тоджинцев рождаемость заметно превысила смертность, о чем очень красноречиво свидетельствуют факты. Так, с 1951 по 1957 г. рождаемость в Тодже повысилась в два раза, а смертность сократилась на 43%. В этом большую роль сыграло также улучшение медицинского обслуживания населения. В Тодже работают квалифицированные врачи, имеется современная медицинская аппаратура, в каждом колхозе — медицинские учреждения с родильными отделениями.

Свидетельством громадного роста культуры, подлинной культурной революции служит всеобщее восьмилетнее обучение, осуществляемое в школах Тоджи и Тере-Холя, где еще в 1929 г. грамотные среди коренного населения составляли примерно один процент. В колхозах созданы хорошо оборудованные школы и благоустроенные интернаты, в которых учащиеся находятся на полном государственном обеспечении.

Многие тоджинцы учатся в высших учебных заведениях. Из среды тоджинцев вышел талантливый писатель и поэт Л. Чадамба, поэт Ю. Кюнзегеш, стихи которого известны далеко за пределами Тувы, первый тувинский врач С. Серекей и многие другие представители молодой тувинской интеллигенции.

В поселках работают дома культуры, на оленеводческих фермах организованы передвижные красные юрты.

С переходом на оседлость, ростом грамотности и значительным хозяйственно-культурным взаимодействием различных, в прошлом изолированных, групп тувинцев-тоджинцев быстро протекает процесс стирания диалектных особенностей. Большую роль в этом процессе играют также школы, печать и радио. По утверждению педагогов тоджинских

Рис. 165. Дети колхозников-оленьеводов едут в школу

школ, раньше учащиеся недостаточно хорошо понимали объяснения учителя-тувинца, приехавшего из другого района. Теперь положение резко изменилось. Дети, поступающие в школу, совершенно свободно объясняются и понимают учителей, разговаривающих с ними на литературном тувинском языке². Этот пример служит одним из проявлений национальной консолидации тувинцев.

После вступления Тувы в состав СССР значительно усилились экономические, культурные и иные связи Восточной Тувы с другими районами. В эти связи вовлечено подавляющее большинство населения. Тоджинцы не ограничены теперь интересами своего арбана или в лучшем случае хошуна, они живут интересами всей Тувы, всего Советского Союза. Читают газеты и книги, издающиеся на тувинском литературном языке в Кызыле, слушают тувинское радио. Многие тоджинцы часто бывают в Кызыле и других городах Тувы. В 1956 г. в Тоджу пришли автомашины по впервые освоенной трассе, связавшей северо-восточные и центральные районы Тувы. Вместе с тем осуществляется постоянная авиасвязь Тоджи и Тере-Холя с Кызылом.

Характерная особенность хозяйственной и культурной жизни современной Тоджи — активное участие в социалистическом строительстве также и тувинцев, приехавших в Восточную Туву из других районов. Среди них главным образом специалисты-педагоги, сельскохозяйственные, финансовые, медицинские и хозяйственные работники.

В Тодже живут также русские — потомки крестьян, переселившихся сюда в конце XIX — начале XX в. Русское население связано глубокой дружбой с тувинцами. Многие русские старожилы знают тувинский язык.

Значительную часть специалистов, приехавших в Восточную Туву в последние годы из многих районов нашей страны, также составляют

² Тувинский литературный язык складывается на основе центральнотувинского диалекта.

Рис. 166. Ветеринарная помощь оленям на высокогорном пастбище

Рис. 167. Опытный участок колхоза «Первое Мая»

русские. Это врачи и педагоги, культпросветработники и инженеры, агрономы и зоотехники. Для тоджинцев, как и для всех тувинцев, характерно глубокое приобщение к великой культуре русского народа. Русский язык становится вторым родным языком тувинцев.

В Тодже развивается пока еще небольшая местная промышленность, на предприятиях которой работают вместе с русскими и тувинские рабочие — бывшие оленеводы и скотоводы.

Достижения социалистического строительства у тувинцев-тоджинцев стали возможны лишь благодаря ленинской национальной политике Коммунистической партии Советского Союза, благодаря серьезной помощи, оказанной тувинскому народу всеми народами нашей Родины.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапитов Н. Н. и Хангалов М. Н., *Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губ.*, — «Изв. ВСОРГО», т. XIV, № 1—2, Иркутск, 1883.
- «Акты исторические», т. V, 1676—1700, СПб., 1842.
- Алексеев В. П., *Очерк палеоантропологии Тувинской автономной области*, — «Антропологический сборник», 1956, № 1.
- Анисимов А. Ф., *Родовое общество эвенков (тунгусов)*, Л., 1936.
- Анохин А. В., *Материалы по шаманству у алтайцев*, Л., 1924.
- Антропова В. В., *Лыжи народов Сибири*, — Сб. МАЭ, XIV, 1953.
- Арагаги З. Б., *Тоджинский диалект*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, Кызыл, 1960.
- Аранчын Ю. Л., *Тува в годы Великой Отечественной войны Советского Союза*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954.
- Аристов Н. А., *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности*, — «Живая старина», т. VI, вып. III, СПб., 1896.
- Арцыбашева Т. И., *О некоторых особенностях диалекта Тоджи*, — «Языки зарубежного Востока», сб. I. М., 1935.
- Банзаров Дорджи, *Черная вера или шаманство у монголов и другие статьи*, СПб., 1891.
- Бартольд В. В., *Очерк истории туркменского народа*, — «Туркмения», I, 1927.
- Баскаков Н. А., *К вопросу о классификации тюркских языков*, — «Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка», т. IX, вып. 2, 1952.
- Баскаков Н. А., *Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования*, — «Труды Института языкознания АН СССР», т. I, 1952.
- Бегучев А. П., *Тувинский крупный рогатый скот*, — ТТСОС, II, Кызыл, 1950.
- Беннигсен А. П., *Русское дело в Урянхайском крае*, — «Изв. Императ. об-ва востоковедения», СПб., 1913.
- Бернштам А. Н., *К вопросу о происхождении киргизского народа*, — СЭ, 1955, № 2.
- Бичурин Н. Я., *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I, М.—Л., 1950.
- Бурдуков А. В., *Значение молочных продуктов у монголов*, — СЭ, 1936, № 1.
- Вайнштейн С. И., *К вопросу об этногенезе кетов*, — КСИЭ, XIII, 1951.
- Вайнштейн С. И., *Современное камнерезное искусство тувинцев*, — СЭ, 1954, № 3.
- Вайнштейн С. И., *Этнографическая экспедиция Тувинского музея в Юго-Восточную Туву*, — СЭ, 1954, № 2.
- Вайнштейн С. И., *Чум подкаменно-тунгусских кетов*, — КСИЭ, XXI, 1954.
- Вайнштейн С. И., *Памятники скифского времени в западной Туве*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. III, Кызыл, 1955.
- Вайнштейн С. И., *Народные способы металлического литья у тувинцев*, — СЭ, 1956, № 4.
- Вайнштейн С. И., *Археологические исследования в Туве в 1955 г.*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. IV, Кызыл, 1956.
- Вайнштейн С. И., *Очерк этногенеза тувинцев*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. V, Кызыл, 1957.
- Вайнштейн С. И., *Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—57 г.*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VI, Кызыл, 1958.
- Вайнштейн С. И., *Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев*, — КСИЭ, XXIX, 1958.
- Вайнштейн С. И., *Род и кочевая община у восточных тувинцев (XIX — нач. XX в.)*, — СЭ, 1959, № 6.
- Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., *Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. VIII, 1960.
- Вайнштейн С. И., *К вопросу о саянском типе оленеводства и его возникновении*, — КСИЭ, XXXIV, 1960.
- Василевич Г. М. и Левин М. Г., *Типы оленеводства и их происхождение*, — СЭ, 1951, № 1.
- Васильев Б. А., *Медвежий праздник*, — СЭ, 1948, № 4.
- Васильев В. Н., *Краткий очерк быта карагасов*, — «Этнографическое обозрение», кн. LXXXIV—LXXXV, 1910, № 1—2.

- Винников Я. Р., *Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии*, — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», I, М., 1956.
- Владимирцов Б. Я., *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, Л., 1934.
- Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П. и Зорин Н. В., *Тувинские коллекции в этнографическом музее Казанского университета*, — СЭ, 1957, № 3.
- Георги И. Г., *Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей*, ч. 1—3, СПб., 1776—1777.
- Грач А. Д., *Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве*, — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции», М.—Л., 1960.
- Гребнев Л. В., *Произведения тувинского героического эпоса (опыт историко-этнографического исследования)*, М.—Л., 1956.
- Грумм-Гржимайло П. Е., *Западная Монголия и Урянхайский край*, т. III, вып. 1, Л., 1926.
- Дебец Г. Ф., *Палеоантропология СССР*, М.—Л., 1948.
- Долгих Б. О., *О родоплеменном составе и распространении энцев*, — СЭ, 1946, № 4.
- Долгих Б. О., *Племена Средней Сибири в XVII в.*, — КСИЭ, VIII, 1949.
- Долгих Б. О., *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.*, М., 1960.
- Дулов В. И., *Русско-тувинские экономические связи в XIX столетии*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл, 1954.
- Дулов В. И., *Социально-экономическая история Тувы XIX — начало XX в.*, М., 1956.
- Дульзон А. П., *Чулымские татары и их язык*, — «Ученые записки Томского государственного педагогического института», т. IX, 1952.
- Дыренкова Н. П., *Шорский фольклор*, М.—Л., 1940.
- Дыренкова Н. П., *Материалы по шаманству у телеутов*, — сб. МАЭ, X, М.—Л., 1949.
- Евсенин И. А., *Карагасы*, Красноярск, 1919.
- Евтюхова Л. А., *Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии*, — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 24, М., 1952.
- Ермолаев А. П., *Урянхайский край (материалы для характеристики Урянхайского края в торговом отношении)*, Минусинск, 1919.
- Ермолаев А. П., *Краткий отчет об исследованиях в Урянхайском крае в 1915—1918 гг.*, — «Сибирские записки», 1919.
- Ермолаев А. П., *Тоджа*, — «Известия Красноярского отдела РГО», т. III, вып. 1, 1923.
- Зеленин Д. К., *Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии*, — сб. МАЭ, VIII, Л., 1929.
- Зеленин Д. К., *Культ онгонов в Сибири*, М.—Л., 1936.
- Иванов С. В., *Орнамент народов Сибири как исторический источник*, — КСИЭ, XV, 1952.
- Иванов С. В., *К вопросу о значении изображений на старинных предметах культуры у народов Саяно-Алтайского нагорья*, — сб. МАЭ, XVI, М.—Л., 1955.
- Иванов С. В., *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.*, М.—Л., 1954.
- Иезуитов В. М., *От Тувы феодальной к Туве социалистической*, Кызыл, 1956.
- Исхаков В. Г., *Долгие гласные в тюркских языках*, — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I, М., 1955.
- Кабо Р. М., *Очерки истории и экономики Тувы*, ч. I, М.—Л., 1934.
- Карпини Иоанн де Плано, *История монгалов*, СПб., 1911.
- Каррутерс Д., *Неведомая Монголия*, т. I, СПб., 1914.
- Карцелли С., *Карагасский олень и его хозяйственное значение*, — «Северная Азия», 1925, № 3.
- Карцов В. Г., *Материалы к археологии Красноярского района*, Красноярск, 1929.
- Кастрен А., *Путешествие в Сибирь*, — «Магазин земледения и путешествий», т. VI, М., 1860.
- Катанов Н. Ф., *Поездка к карагасам в 1890 году*, — «Записки Русского географического общества по отделению этнографии», т. XVII, вып. II, СПб., 1891.
- Катанов Н. Ф., *Среди тюркских племен*, — ИРГО, т. 29, вып. 6, 1893.
- Катанов Н. Ф., *Письма из Сибири и восточного Туркестана*, СПб., 1893.
- Катанов Н. Ф., *Опыт исследования урянхайского языка*, Казань, 1903.
- Катанов Н. Ф., *Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым*, — «Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым», т. IX, СПб., 1907.
- Катанов Н. Ф., *Предания присаянских племен о прежних делах и людях*, — «Записки РГО по отд. этнографии», т. 34, 1909.
- Киселев С. В., *Древняя история Южной Сибири*, М., 1951.
- Кисляков Н. А., *Семья и брак у таджиков*, — КСИЭ, XVII, 1952.
- Козин С. А., *К вопросу о показателях множественности в монгольском языке*, — «Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук», вып. 10, Л., 1946.

- [Кон Ф.], *Предварительный отчет по экспедиции Ф. Кона*, — «Известия ВСОРГО», XXXIV, вып. 1, 1903.
- Кон Ф., *Усинский край*, — «Записки Красноярского подотдела ВСОРГО», т. II, вып. I, 1914.
- Кон Ф., *Экспедиция в Сойотию за пятьдесят лет*, т. III, М., 1934.
- Косвен М. О., *Переход от матриархата к патриархату*, — сб. «Родовое общество», М., 1951.
- Кузнецова А. А., *Жилище, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев*, Красноярск, 1898.
- Кузнецова А. А. и Кулаков П. Е., *Минусинские и ачинские инородцы (материалы для изучения)*, Красноярск, 1898.
- Кызласов Л. Р., *Древнейшее свидетельство об оленеводстве*, — СЭ, 1952, № 2.
- Левин М. Г., *Этнографический атлас Сибири*, — КСИЭ, XV, 1952.
- Левин М. Г., *К антропологии Южной Сибири*, — КСИЭ, XX, 1954.
- Левин М. Г., *Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока*, М., 1958.
- Маак Р., *Вилуйский округ Якутской обл.*, ч. III, СПб., 1887.
- Майский И. М., *Современная Монголия*, Иркутск, 1921.
- Максимов А. Н., *Происхождение оленеводства*, — «Ученые записки РАНИОН, Ин-т истории», т. VI, М., 1928.
- Малов С. Е., *Енисейская письменность тюрков*, М.—Л., 1952.
- Миллер Г. Ф., *История Сибири*, т. 2, М.—Л., 1941.
- Мицлов С., *Секретное поручение*, Рига, 1917.
- Михайловский В. М., *Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки*, вып. I, М., 1892.
- Мэн-гу-ю-му-цзи, *Записки о монгольских кочевьях*, СПб., 1895.
- Мягков И. М., *Искусство Танну-Тувы*, — «Материалы по изучению Сибири», т. III, Томск, 1931.
- Небольсин П., *Очерки быта калмыков хошоутского улуса*, — «Библиотека для чтения», СПб., 1852.
- Окладников А. П., *Якутия до присоединения к русскому государству*, М.—Л., 1955.
- Окладников А. П., *Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея*, — СА, 1957, № 1.
- Ольсен Э., *Оленеводство у сойотов*, перев. и извлечение с норвежского С. А. Грюнера, — «Труды Сиб. вет. ин-та», вып. 10, Омск, 1929.
- Оссон Д. К., *История монголов. От Чингис-хана до Тамерлана*, т. 1, Иркутск, 1937.
- Островских П. Е., *Значение урянхайской земли для Южной Сибири*, — ИРГО, т. XXXV, вып. III, 1899.
- Островских П. Е., *Краткий отчет о поездке в Тоджинский хошун урянхайской земли*, — ИРГО, т. XXXIV, вып. 4, 1898.
- Островских П. Е., *Оленные тувинцы*, — «Северная Азия», 1927, № 5—6.
- Паллас П., *Путешествие по разным провинциям Российского государства*, ч. III, половина первая, СПб., 1788.
- Пальмбах А. А., *О чем говорят древние памятники Орхона и Енисея*, — «Под знаменем Ленина — Сталина», Кызыл, 1944, № 1.
- Пальмбах А. А., *Долгие и полудолгие гласные тувинского языка*, — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», т. I, М., 1955.
- «Памятники Сибирской истории», кн. I, СПб., 1882.
- Патачаков К. М., *Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII—XIX вв.)*, Абакан, 1958.
- [Пестерев Е.], *Примечания о прикосновенных около китайской границы жителях, как российских ясачных татарах, так и китайских мунгалах и сойотах, деланные Егором Пестеревым с 1772 по 1781 гг. в бытность его под названием пограничного комиссара при сочинении карты и при отыскании пришедших в неизвестность трактованных пограничных знаков и самой пограничной между Российской Империей с Китайским государством черты, лежащей от Иркутской губернии через Красноярский уезд до бывшего Зенгарского владения*, — журн. «Новые ежемесячные сочинения», LXXIX—LXXXII, СПб., 1793.
- Петри Б. Э., *Промыслы карагас*, Иркутск, 1928.
- Петри Б., *Оленеводство у карагас*, — «Известия биолого-географического НИИ при Гос. Иркутском университете», т. III, вып. 2, Иркутск, 1929.
- Позднеев А. М., *Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ»*, — «Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 гг.», СПб., 1883.
- Позднеев А. М., *Монголия и монголы*, I, СПб., 1896.
- Позднеев А. М., *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии*, — «Записки ИРГО по отд. этнографии», т. XVI, 1887.
- Позднеев А. М., *Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта*, СПб., 1880.
- Позднеев Д., *Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам)*, СПб., 1899.

- Покровский Ф. П., *Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г.* — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XVIII, кн. 4, СПб., 1914.
- Попов А. А., *Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов*, Л., 1923.
- Попов А. А., *Плетение и ткачество у народов Сибири*, — сб. МАЭ, XVI, М.—Л., 1955.
- Потанин Г. Н., *Громовник по поверьям племен Южной Сибири и Северной Монголии*, — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1882, № 1—2.
- Потанин Г. Н., *Очерки Северо-Западной Монголии*, СПб., вып. 11, 1881; вып. IV, 1883.
- Потанин Г. Н., *Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия*, т. I, СПб., 1893.
- [Потанина А. В.], *Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю*, М., 1895.
- Потапов Л. П., *Пережитки культа медведя у алтайских тюрков*, — «Этнограф-исследователь», 1928, № 2—3.
- Потапов Л. П., *Культ гор на Алтае*, — СЭ, 1946, № 2.
- Потапов Л. П., *К вопросу о патриархально-феодальных отношениях у кочевников*, — КСИЭ, III, 1947.
- Потапов Л. П., *Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая*, — «Труды Ин-та этнографии», новая серия, т. I, М.—Л., 1947.
- Потапов Л. П., *Черты первобытнообщинного строя в охоте у северных алтайцев*, — сб. МАЭ, XI, 1949.
- Потапов Л. П., *Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев*, — СЭ, 1953, № 2.
- Потапов Л. П., *Очерки по истории алтайцев*, М., 1953.
- Потапов Л. П., *Работа Саяно-Алтайской экспедиции в 1952 г.*, — КСИЭ, XX, 1954.
- Потапов Л. П., *Происхождение и этнический состав койбалов*, — СЭ, 1956, № 3.
- Потапов Л. П., *Происхождение и формирование хакасской народности*, Абакан, 1957.
- Потапов Л. П., *Новые данные о древнетюркском ötükän*, — «Советское востоковедение», 1957, № 1.
- Приклонский В. Л., *О шаманстве у якутов*, — «Известия ВСОРГО», XVII, № 1—2.
- «Природные условия Тувинской автономной области», М., 1957.
- Прокофьев Г. Н., *Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна*, — СЭ, III, 1940.
- Прокофьева Е. Д., *Работа Тувинского отряда Саяно-Алтайской экспедиции*, — КСИЭ, XX, 1954.
- Прокофьева Е. Д., *Социалистические преобразования в Тодже*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 2, Кызыл, 1954.
- Прыткова Н. Ф., *Типы верхней одежды народов Сибири*, — КСИЭ, XV, 1952.
- Радлов В. В., *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири*, т. 1—2, СПб., 1866—1868.
- Радлов В. В., *К вопросу об уйгурах*, — «Записки имп. Акад. наук», т. 72, кн. I, СПб., 1893.
- Радлов В., *Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии*, Иркутск, 1929.
- Радлов В., *Опыт словаря тюркских наречий*, т. II, СПб., 1899.
- Райков М. И., *Отчет о поездке к верховьям р. Енисея, совершенной в 1897*, — ИРГО, т. 34, вып. 4, 1898.
- Рамstedт Г. И., *Перевод надписи Селенгинского камня* — «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», т. XV, вып. I, СПб., 1914.
- Расцветаев К. М., *Тунгусы Мамяльского рода. Социально-экономический очерк с приложением тунгусских бюджетов*, — «Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР», серия «Якутия», вып. 13, Л., 1933.
- Рашид-ад-Дин, *Сборник летописей*, пер. Березина, — «Труды Вост. отд. Российского Археологического общества», ч. I кн. I, М.—Л., 1952.
- Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, т. I, кн. I, М.—Л., 1952.
- Рубрук В., *Путешествие в восточные страны*, СПб., 1911.
- Руденко С. И., *Культура населения горного Алтая в скифское время*, М.—Л., 1953.
- Санжеев Г. Д., *Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г.*, Л., 1930.
- Сат Ш. Ч., *Тувинско-русский словарь*, М., 1955.
- Сафьянов Г. П., *Эпизод из странствий по Монголии*, — «Восточное обозрение», 1883, № 8.
- «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879.
- Сейфулин Х. М., *Образование Тувинской автономной области РСФСР. Краткий исторический очерк*, Кызыл, 1954.
- Сердобов Н. А., *Народное образование в Туве. Краткий исторический очерк*, Кызыл, 1953.
- Серошевский В. Л., *Якуты*, т. I, СПб., 1896.
- Соболевская К. А., *Растительность Тувы*, Новосибирск, 1950.

- Спасский Гр., *Изображение обитателей Сибири*, СПб., 1820.
- Талько-Гринцевич Ю. П., *Материалы к антропологии и этнографии Центральной Азии*, вып. 1, Л., 1926.
- Тогуй-оол Н. С., *Опыт исследования тувинского стихосложения*, — УЗ ТНИИЯЛИ, вып. 1, Кызыл, 1953.
- Тока С. К., *Слово арата*, М., 1951.
- Токарев С. А., *Докапиталистические пережитки в Ойротии*, Л., 1935.
- Токарев С. А., *Пережитки родового культа у алтайцев*, — «Труды Ин-та этнографии», т. 1, М., 1947.
- Токарев С. А., *Пережитки родовых отношений у хакасов в XIX в.*, — «Сибирский этнографический сборник», М.—Л., 1952.
- Толстов С. П., *К истории древнетюркской социальной терминологии*, — ВДИ, 1938, № 1, 2.
- Трошанский В. Ф., *Эволюция черной веры шаманства у якутов*, — «Уч. зап. Казанского университета», кн. 4, 1903.
- «Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931», М., 1933.
- «Тыва тоолдар», Кызыл, 1947.
- «Уложение Китайской Палаты внешних сношений», т. I, II, СПб., 1828.
- Членова Н. Л., *Несколько писаниц Юго-Западной Тувы*, — СЭ, 1956, № 4.
- Шагдарон С. и Очиров Б., *Игры и увеселения агинских бурят*, СПб., 1909.
- Шахунова Л., Лиханов Б., *Советская Тува*, Кызыл, 1955.
- Шашков С., *Шаманство в Сибири*, — ЗРГО, II, СПб., 1864.
- Шварц Л., *Подробный отчет о результатах исследований математического отдела Сибирской экспедиции РГО*, — «Труды Сибирской экспедиции РГО», СПб., 1864.
- Шишкин Б. К., *Очерки Урянхайского края*, — «Изв. Томского университета», LX, Томск, 1914.
- Шишмарев Я. П., *Сведения о дархатах-урянхайцах Ургинского хутухты*, — Изв. ВСОИРГО, т. 2, вып. 3.
- Юан-Чоу-би-ши, *Сокровенное сказание*, пер. С. А. Козина, М.—Л., 1941.
- Ядринцев М., *Об алтайских и черневых татарах*, — ИРГО, XVII, вып. 4, 1881.
- Яковлев Е. К., *Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск*, 1900.
- Ярхо А. И., *Алтае-Саянские тюрки*, Абакан, 1947.
- Bounak V., *Un pays de l'Asie peu connu; le Tanna-Touva. Communication préliminaire*, — «Internationales Archiv für Ethnographie», Bd XXIX, Heft I—III, 1928.
- Bretschneider E., *Mediaeval researches from eastern asiatic sources*, vol. I, London, 1888.
- Carruthers D., *Unknown Mongolia. A record of travel and exploration in North-West Mongolia and Dzungaria*, London, 1914.
- Castrén M. A., *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*, SPb., 1855.
- Castrén M. A., *Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849*, SPb., 1856.
- Castrén M. A., *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen*, SPb., 1857.
- Donner K., *Ketica*, Helsinki, 1955.
- Hansen H., *Mongol costumes*, København, 1950.
- Hartwig W., *Gedanken über ein Schamanenkostüm*, — «Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig», Berlin, 1957.
- Harva U., *Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker*, Helsinki, 1938.
- Heikel A. O., *En sojotisk shamankostymi*, Helsinki, 1896.
- Hirth F., *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk*, — W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, 2. Folge, SPb., 1899.
- Iohansen Ulla, *Die Ornamentik der Jakuten*, Hamburg, 1954.
- Liu Mâu-Tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Osttürken (tu-küe)*, Bd I, Wiesbaden, 1958.
- Olsen, O., *Et primitivt Folk. De mongolske rennomader*, Kristiania, 1915.
- Pallas P. S., *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften*, t. III, SPb., 1776.
- Radloff W., *Aus Sibirien*, Bd I, Leipzig, 1884.
- Radloff W., *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, 3. Lieferung, SPb., 1895.
- Schott W., *Über die ächten Kirgisen*, Berlin, 1865.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — «Вестник древней истории».
- ВСОРГО** — Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества.
- ГМЭ** — Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград).
- ЗРГО** — «Записки Русского географического общества».
- ИРГО** — «Известия Русского географического общества».
- КСИЭ** — «Краткие сообщения Института этнографии».
- МАЭ** — Музей антропологии и этнографии АН СССР (Ленинград).
- НЕС** — «Новые ежемесячные сочинения».
- РАНИОН** — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- СА** — «Советская археология».
- СЭ** — «Советская этнография».
- ТСДП** — «Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года». М., 1933.
- ТТСОС** — «Труды Тувинской сельскохозяйственной опытной станции».
- УЗ ТНИИЯЛИ** — «Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института, языка, литературы и истории».
- ЦГАДА** — Центральный Государственный Архив древних актов (Москва).

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абакан, р., 34
 Абак-кирей, этн., 23
 Адыр-Дыт Адарвана, урочище, 190
 Адыр-Кежигская степь, 195
 Агой, р., 39
 Азас, р., 5, 6, 22, 39, 174
 Азасская равнина, 5
 Азия, 132, 134, 135
 Академика Обручева хребет, 5
 Ак-додот, см. Ак-тодут
 Ак-соян, см. Сарыг-соян
 Ак-сумон, см. Ак-чооду
 Ак-соенг, этн., 35
 Ак-тодут, этн., 9, 22, 39, 127, 179, 195
 Ак-Хая, урочище, 38
 Ак-Хем, р., 130
 Ак-чооду сумон, 37, 38, 39, 80
 Ак-чооду, этн., 9
 Алтай, 35, 156, 162, 174, 176
 Алтайцы (алтай-кижи), этн., 20, 22, 23, 34, 101, 103, 104, 132, 134, 137, 153, 156, 159, 173, 183, 186
 Анкара-Мурен (Ангара), р., 85
 Арга, урочище, 5
 Ач, этн., 29
- Б** аин-Ульгейский аймак, 35
 Бай-Даг, гора, 149
 Байкал, оз., 8, 27
 Балиг, этн., 29
 араан сумон, см. Кара-чооду сумон
 Баргуджин-Токум, геогр. обл., 29, 176
 Баргуты (бархун), этн., 21, 29, 30
 Барлык, р., 41
 Башкиры, этн., 159
 Баш-Хем, р., 5, 39
 Бедый, р., 38
 Белим арбан, 39
 Белим, р., 39, 84
 Бий-Хем, р., 5, 6, 9, 21, 27, 39, 41, 54, 55, 56, 75, 83, 84, 144, 148, 170, 195
 Бий-Хемский сумон, 195
 Биче-Баш, р., 39
 Большой Белдиг, р., 39
 Борзу-Холь, оз., 37
 Буландык, урочище, 38
 Булун, урочище, 118
 Булун-Ажи-Хем, р., 39
 Бурен-Хем, р., 41
 Бурятия, 162
 Буряты, этн., 26, 31, 83, 84, 101, 132, 149, 154, 156, 158, 159, 175, 183, 184
 Бусин-Гол, р., 41
- Восточная Тува, 3, 4, 11, 12, 30, 35, 113, 127, 195, 197, 202
 Восточный Саян, см. Саян Восточный
- Гулигань, этн., 28
- Да-Вана хошун, 38
 Даргалар, этн., 38, 39, 127, 148, 175, 195
 Дарган, этн., 37, 39, 127, 137, 138, 148, 180, 195
 Дархаты (тархаты), этн., 31, 37, 39, 41, 83, 84, 149, 156
 Демчи, этн., 38, 39, 127, 195
 Дерлиг-Холь, оз., 37
 Джунгары, этн., 34, 35
 Динлины, этн., 27
 Добулер-Тайга, ур., 174
 Додот, см. тодут
 Древние тюрки, 23, 28, 173
 Дубо (ту-по), этн., 6, 15, 16, 27, 28, 29, 30, 32, 101, 115, 127, 138, 192
 Дуруялыг, р., 75
 Дээрби-Тайга, урочище, 174
- Е**гин-Гол, р., 27
 Енисей, р., 5, 12, 27, 33, 34, 35
- Забайкалье, 26
 Западная Сибирь, 27
 Западная Тува, 35, 144, 186
- И**бир-Сибир, геогр. обл., 35
 Иви-Шилиг, урочище, 148
 Изиг-Суг, р., 37
 Ий, р., 5, 12, 21, 40, 41, 148, 195
 Ийская степь, 39
 Илэгтыг, р., 40
 Индейцы, 174
 Иран, 30
 Иргит, этн., 21
 Иргит-Хем, р., 21
 Иркутская губ., 9
 Иркутская обл., 35
 Иртиш, р. (на территории Тувы), 38, 195
 Иртиш-Чооду, этн., 38
 Иртыш, р., 29
 Иртыш арбан, 38, 84
 Июс, р., 8
 Ия, р., 21
- Каа-Хем, р., 5, 21, 39, 195
 Каа-Хемский район, 5, 40, 195
 Кавказ, 156
 Кадырос (Кадыр-Ос), р., 7, 37, 190
 Кадыш-Холь, оз., 37
 Кажалыг Булун, урочище, 75
 Казас, р., 22, 37
 Казахи, этн., 33, 132, 156, 159
 Казахстан, 12, 162
 Казын, р., 38
 Калмыки волжские, этн., 31
 Камасишцы, этн., 22, 41
 Камсара, см. Хам-Сыра

- Кара-Балык, р., 39
 Кара-балыкчы, этн., 39, 40, 127, 195
 Карагасы, см. тофалары
 Кара-додот, этн., см. Кара-тодут
 Караатов улус, 18, 22, 40
 Каракас, этн., 23
 Кара-соенг, этн., 35
 Кара-соян, этн., 39, 40, 127, 179, 195
 Кара-Тайга, урочище, 175
 Кара-тодут (Куу-тодут), этн., 9, 22, 33, 39, 40, 41, 127
 Кара-Хем, р., 40
 Кара-Холь, оз., 37
 Кара-чогду, этн., 20
 Кара-чооду, этн., 22
 Кара-чооду сумон, 37, 38, 39, 84
 Карчитаев улус, 18, 22, 39
 Каса, этн., 21
 Катунь, р., 174
 Качинские татары, этн., 24
 Качинцы, этн., 9, 34, 106
 Каш, этн., 21
 Кезек-куулар, этн., 23, 24, 39, 40, 41, 127
 Кезек-маады, этн., 39, 41, 127, 139, 195
 Кеты, этн., 22, 26, 186
 Кёйек, этн., 22
 Кижиг-Хем, р., 37, 38, 130
 Киргизы, этн., 21, 132, 156
 Китай, 8, 9, 12, 18, 19, 28, 35, 162
 Китайская империя, 132, 133
 Китайцы, этн., 31, 83, 153
 Киргизы, этн., 33, 156, 159
 Кирей, р., 23
 Кюетский (Жококов) улус, 18, 22
 Койбалы (кайбалы), этн., 20, 21, 22, 38
 Кокерик, урочище, 38
 Кол арбан, 39, 41
 Кол сумон, 35, 39, 40, 41, 80
 Коллер, этн., 22
 Коль, этн., 22
 Корея, 31
 Кори (хори), этн., 29, 30
 Косогол (Хубсугул), оз., 18, 27, 37
 Кошке-Тайга, урочище, 174
 Красноярский острог, 18, 21
 Красноярский уезд, 6, 9, 35
 Кудыргалыг, р., 37, 130
 Кумандинцы, этн., 20, 30, 137
 Курыканы, этн., 28
 Куу-кижи, этн., 23
 Куулар, этн., 23, 24, 41
 Куу-тодут, этн., см. Кара-Тодут
 Куштеми, этн., 31
 Кучей, оз., 38
 Куюк, этн., 23
 Кызыл, г., 11, 35, 202
 Кызыл-Дыш, р., 37
 Кызыл-Хем, р., 40
 Кыргызы, этн., 39, 41
 Кыргызы енисейские, этн., 25, 34, 35
 Кыштаг, этн., 20, 21, 37, 127, 137, 138, 139, 144, 149, 195
 Кэм-кэмджиуты, этн., 29, 34
 Кэм (Кэм-Кэмджиут), см. Енисей
- Лебединцы, этн., 23, 30
 Лена, р., 32
 Ленинград, 8, 10, 186
- аады (маты, матцы), этн., 24, 25, 38, 39, 40, 127
- Майыктыг, этн., 41
 Малое море (оз. Байкал), 27
 Малый Белдиг, р., 39
 Малый Саарыг, р., 38
 Мандаш-Хем, р., 39
 Маны-Холь, оз., 148
 Маньчжуры, этн., 18, 35, 148
 Маторы (моторы, маторцы), этн., 21, 22, 24, 25, 39
 Матцы, этн., см. маторы
 Маты, этн., см. маторы
 Мерген, р., 128
 Милигэ (ми-лие-ко), этн., 29
 Минусинск, г., 10
 Минусинская котловина, 34
 Минусинские татары, см. хакасы
 МНР (Монгольская Народная Республика), см. Монголия
 Могулистан, см. Монголия
 Можалык, р., 38
 Монголия, 12, 22, 31, 35, 37, 38, 41, 47, 152, 154, 162, 170, 176, 194
 Монголы, этн., 21, 25, 26, 29, 30, 38, 83, 84, 104, 119, 132, 139, 153, 154, 158, 159, 172, 181, 183, 184
 Мончак (мончоог-урянхайцы), этн., 35
 Моторы, см. маторы
 Му-ма-ту-кюе, см. дубо
- Нганасаны, этн., 26, 29
 Нижнеудинский район, 35
 Ненцы, этн., 26
 Ноян-Холь, оз., 37
- Ова-Тайга, урочище, 174, 175
 Одуген, хр., 11, 174, 175
 Одугенский сумон, 195
 Ойна, р., 41
 Ойрат, этн., 30
 Окинские тувинцы, 83
 Окинский караул, 9
 Орбажик, урочище, 38
 Оргу, урочище, 40
 Ордос, геогр. обл., 31
 Ороки, этн., 174
 Орочи, этн., 174
 Ортаа-Булун, урочище, 75
 Оруктуг-Ой, урочище, 38
 Орхон, р., 27
 О-Хем, р., 5, 40, 41
 Оюнарский хошун, 38
- Петербург, см. Ленинград
 Пий-Хемский район, 39
 Прибайкалье, геогр. обл., 16
 Присяянье, геогр. обл., 20
 Приселенгинские степи, 29
 Приуралье, геогр. обл., 27
- Российская империя 9
 Россия, 8, 19, 35
 Русские, этн., 38, 83, 84, 122, 143, 151, 202, 204
 Русское государство, 18
- Саамы, этн., 32
 Саарыг, этн., 37, 127
 Саат, этн., 38
 Сагайцы, этн., 20, 95
 Саин, этн., 23

Самату (маду), этн., 24, 25
Самодийцы (самоеды, самоядь), этн., 8, 22, 25, 27, 28
Сарыг-каш, этн., 21
Сарыг-соян, этн., 39, 40, 127, 179, 184, 195
Сарыг-чезы, р., 40
Саяк, этн., 23
Саян Восточный (Саяны Восточные), 3, 5, 10, 15, 16, 21, 25, 29
Саянская земляца, 6, 18, 22, 38
Саянский хребет (Саянские горы), 8, 9, 35
Саяны, геогр. обл., 6, 7, 20, 21, 23, 24, 27, 29, 30, 32, 33, 115
Саят, см. соян
Северное море, см. Байкал
Севи, см. Сейба
Сейба, р., 21, 41
Селенга, р., 27, 29
Селькупы, этн., 26, 187
Серлик (Серлик-Хем), р., 5, 39, 174
Сибирь, 9, 20, 46, 85, 128, 173, 177, 192
Систиг-Хем, р., 5, 9, 37, 40, 41, 56, 131, 132
Систиг-Хемское плоскогорье, 5
Советский Союз, СССР, 3, 19, 195, 202, 204
Соек арбан, см. Соян арбан
Соенг, этн., 23
Соит, см. соян
Соруг-Хем, р., 37
Соян арбан, 38, 39, 40, 41
Соян, этн., 8, 9, 18, 21, 23, 24, 33, 37, 38, 127, 148, 149, 195
Суг-Бажы, р., 41
Сыстыгем, см. Систиг-Хем
Сют-Хольский район, 49, 72

Табынская земля, 16
Тайджиут, этн., 21
Талым, р., 39
Танну-Ола, хр., 18, 35, 38
Тапсы, р., 38, 39, 41
Тархат, этн., см. дархат
Татары, этн., 106
Татсков улус, 22, 40
Теленгуты (теленгиты), этн., 31, 36
Телеуты, этн., 22, 30, 182
Темчи, этн., 38
Тере-Холь, оз., 3, 40, 84, 195
Терзик (Терсиг), р., 41, 128
Тесин-Гольский хошун, 18
Тесь, р., 23, 38
Тибет, 162, 176
Тие-ле (теле), этн., 28
Тйода, этн., 20
Тодат (Додот), р., 18
Тоджа (Тожу), оз., 5, 8, 9, 12, 21, 37, 56, 131, 148
Тоджинская котловина, 5
Тоджинский, Тоджи-нурский хошун, 18
Тодош, этн., 22
Тодут, этн., 22, 38, 39, 41, 127, 139, 195
Тожумаа, урочище, 40
Толбул, урочище, 5, 39
Тонмак, р., 18, 47
Тонмак, урочище, 175
Торак-Холь, оз., 56
Тора-Хем, пос., 195
Тора-Хем (Дора-Хем), р., 40, 41, 131, 170
Тора-Хемская степь, 39, 41
Тоймас, р., 39
Торгуос-Хем, р., 39
Тот, см. тодут

Тотоков улус, 18
Тофалары, этн., 9, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 30, 31, 33, 34, 35, 61, 62, 83, 84, 136, 142, 150, 156, 181, 183, 186
Точи (точигасы), этн., 21
Туба, р., 33
Туба, этн., 28, 29, 30, 33, 34, 35
Тубалары, этн., 20, 34, 130, 137, 173
Тубасы, этн., 6, 30, 34
Тубинская земляца (улус), 33, 34
Тубинцы, этн., 21, 33, 34, 35
Тувинская Народная Республика (ТНР), 19, 195
Тугю, см. древние тюрки
Тумат (тумаут), этн., 29, 30, 34

Увань, этн., 28
Уда, р., 20
Удинская земляца, 35
Удинский острог, 18
Узуую, р., 37, 39
Уйгуры, этн., 24, 27, 28, 29, 30
Улуг-Даг, гора, 148
Улуг-Дагский сумон, 195
Улуг О, р. 5, 41
Улуг-Хем, см. Енисей
Улясутай, г., 134
Упса, см. Туба
Урасут, этн., 31
Урат, уруг, этн., 23, 38, 39, 127, 195
Урянкат, урянх, урянхан, урянхус, урянхайцы, этн., 19, 30, 31, 84, 101
Урянкаты лесные, хойин-урянка, этн., 16, 29, 30, 31, 32, 85, 106
Урянхайский край, 10, 19, 31
Урянхайцы алтайские, этн., 23, 35, 36
Ус, р., 24
Ухарский улус, 18
Ушпе-Холь, оз., 148

Хаазыт (хаазот), этн., 20, 21, 37, 39, 40, 41, 127, 174
Хаас, этн., 21
Хадын, р., 39
Хакасы, этн., 9, 23, 46, 57, 95, 101, 103, 104, 132, 153, 156, 159, 183, 186
Халха, геогр. обл., 119
Халха-монголы, этн., 23
Хамачи, этн., 39, 41
Хамдыш, р., 40
Хамсара, см. Хам-Сыра
Хам-Сыра (Хамсара, Камсара, Канцара), р., 5, 9, 11, 18, 37, 38, 39, 40, 41, 56, 66, 84, 130, 138, 149, 174
Хам-Сыринский сумон, 195
Ханты, этн., 38
Харал, р., 5, 40, 41
Харгы, урочище, 38
Хасава, этн., 21
Хахаев улус, 18
Хем-Гольский хошун, 18
Хемде арбан, 39, 41
Хемчик, р., 12, 52, 148
Хой-Кара, урочище, 180
Хойюк, хойек, этн., 9, 37, 41, 127
Хойюк сумон, 40, 41
Хойху (уйгуры), этн., 27, 28
Хубсу-Гольский хошун, 18
Хуюк, этн., см. Хойюк
Хыяй, р., 40

Хюндюлюг, р., 39
Хюнжюс, р., 39
Хягас, этн., 27, 177

Центральная Азия, 3, 10, 20, 31, 167, 172

Чаваш арбан, 41
Чаваш, р., 37, 40, 41, 174
Чадан, р., 40, 41
Чадын-Шол, ур., 39, 41
Чазлыг, урочище, 66
Чазлыг-Хем (Чазлыг), р., 37
Чанааш, урочище, 118
Челканцы, этн., 23, 137
Чергарик, р., 41
Чогду, этн., 20, 21, 33, 39, 41, 127
Чойган-Холь, оз., 37
Чооду, этн., 20, 21, 24, 33, 38, 39, 127, 195
Чот, этн., 20
Чулымцы, этн., 26

Шагда (шангда, чагда) арбан, 39, 41
Шаджигеаев улус, 18
Шадых, этн., 39, 41, 127
Шараш (Шараш-Тайга), ур., 174, 180
Шеми, урочище, 41
Шивит-Монгур, урочище, 174
Шокар, этн., 39, 41, 127, 195
Шол-Бажы, урочище, 75
Шорцы, этн., 20, 22, 30, 57, 137, 159
Шына, урочище, 195

Эвенки, этн., 25, 29, 30, 32, 173, 184
Эзир-Уя, урочище, 38
Эн-Суг, р., 131
Эн-Суг, урочище, 5, 39
Энцы, этн., 29
Эр-Кара-Холь, оз., 37
Эрке-Тархи улус, 18
Эчжы (о-тши), этн., 29

Якутия, 162
Якуты, этн., 31, 156, 159, 181, 184

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1.* Тайга в долине реки Бий-Хем *
- Рис. 2.* Река Кадыр-Ос *
- Рис. 3.* Горное пастбище *
- Рис. 4.* Озеро Тоджа *
- Рис. 5.* Керамика и каменные орудия из Тонмакской стоянки *
- Рис. 6.* Изделия скифского времени (бронза, кость) *
- Рис. 7.* Человек из племени дубо. Китайский рисунок (по Д. Позднееву)
- Рис. 8.* Средневековый железный шлем, найденный в долине реки Ий *
- Рис. 9.* Группа жителей тоджинского аала (1908 г.) Из фондов МАЭ
- Рис. 10.* Оленевод (фас, профиль) *
- Рис. 11.* Охотник-олeneвод на промысле. Из фондов Тувинского областного краеведческого музея
- Рис. 12.* Лыжи *
- Рис. 13.* Хранение лыж на дереве *
- Рис. 14.* Форма эдиси *
- Рис. 15.* Стрелы: *а* — для охоты на белку из лука (с тупыми роговыми наконечниками); *б* — для самострела. Из фондов ГМЭ
- Рис. 16:* *а* — свистящая стрела; *б* — роговая свистунка *
- Рис. 17.* Самострел *
- Рис. 18.* Деревянный предмет для установки самострела на определенной высоте *
- Рис. 19.* Настораживание самострела *
- Рис. 20.* Наконечники стрел самострела для охоты: *а* — на соболя; *б* — на рысь и росомаху; *в* — приспособление для натягивания шкурки соболя *
- Рис. 21.* Охотник заряжает кремневое ружье *
- Рис. 22.* Каменная форма для отливки пуль: *а* — нижняя половина формы; *б* — вид сбоку (обе половины формы соединены) *
- Рис. 23.* Стрельба с колена из ружья с сошками *
- Рис. 24.* Стрельба стоя из ружья с сошками *
- Рис. 25.* Ношение ружья с сошками *
- Рис. 26.* Пояс с охотничьими принадлежностями. Из фондов ГМЭ
- Рис. 27:* *а* — сеть в процессе плетения; *б* — приспособление для плетения сетей; *в* — поплавок для сети; *г* — палочка с волосяной петлей для ловли рыбы *
- Рис. 28:* *а* — корнекопалка с железным наконечником; *б* — деревянная корнекопалка *
- Рис. 29.* Сумка для сараны *
- Рис. 30.* Нож для обрезания луковиц сараны *
- Рис. 31.* Олени в стойбище *
- Рис. 32.* Намордник для олененка; намордник на олененке *
- Рис. 33.* Забой оленя *
- Рис. 34.* Деревянное стремя *
- Рис. 35:* *а* — вьючное седло; *б* — детское седло *
- Рис. 36.* Перевозка грудного ребенка в люльке на олене *
- Рис. 37.* Седлание оленя *
- Рис. 38.* Посадка на оленя *
- Рис. 39.* Олений недоуздок *
- Рис. 40.* Оседланный олень *
- Рис. 41.* Аал оленеводов (1908 г.) Из фондов МАЭ
- Рис. 42.* Перевозка груза на оленях *
- Рис. 43.* Загон для скота *
- Рис. 44.* Доение кобылы *
- Рис. 45.* Аркан (хурук) *
- Рис. 46.* Оседланная лошадь *
- Рис. 47:* *а* — конская узда; *б* — недоуздок *
- Рис. 48.* Верховое седло богатого скотовода. Из фондов МАЭ
- Рис. 49.* Голова коня с недоуздкой и уздой *
- Рис. 50.* Вьючное конское седло *
- Рис. 51.* Перекочевка скотовода *
- Рис. 52.* Охотник на лошади *
- Рис. 53.* Скрепки: *а* — хырчы; *б* — сыы *
- Рис. 54.* Кожемялки: *а* — эдирээ; *б* — хедерге *
- Рис. 55:* *а* — кожемялка далгыг с развилчатым остовом; *б* — кожемялка далгыг с корытообразным остовом *
- Рис. 56.* Вращающаяся кожемялка *
- Рис. 57.* Приспособление для обработки ремней *
- Рис. 58.* Изготовление волосяной веревки *
- Рис. 59.* Изготовление волосяной веревки у скотоводов *
- Рис. 60.* Варка бересты *
- Рис. 61.* Переноска готовых покрышек чума *
- Рис. 62.* Кузнечные мехи *
- Рис. 63.* Сверло *
- Рис. 64:* *а* — берестяной чум охотников-олeneводов; *б* и *в* — способы скрепления основных шестов чума *

* Фотографии и рисунки, помеченные звездочкой, выполнены автором.

- Рис. 65.* Остов чума. Из фондов МАЭ
- Рис. 66.* Детали устройства входа в чум (внутренняя сторона жилища): *а* — крепления покрышек у входа; *б* — крепления куска кожи, прикрывающей вход; *в*, *г* — украшения на «двери» *
- Рис. 67.* Покрытие чума кожами *
- Рис. 68.* Шов на берестяной покрышке чума *
- Рис. 69.* Сшивание полос выделанной бересты *
- Рис. 70.* Чум, покрытый кожами. Из фондов этнографического музея Казанского университета
- Рис. 71.* Чум, крытый корой лиственницы *
- Рис. 72:* *а* — четырехстенное жилище; *б* — его каркас *
- Рис. 73.* Срубное жилище на зимнике *
- Рис. 74.* Шестиугольная срубная юрта *
- Рис. 75.* Подвешенный к жерди котел (у оленеводов) *
- Рис. 76.* Вьючные сумы барба: *а* и *б* — из камусов; *в* — из камусов с украшениями у оленеводов; *г* — из коровьей кожи у скотоводов *
- Рис. 77.* Роговой орнаментированный игольник *
- Рис. 78.* Берестяные сосуды: *а* — шомук; *б* — одуш; *в* — соо *
- Рис. 79.* Деревянные сосуды: *а* — яшзак; *б* — теспи *
- Рис. 80.* Деревянные орнаментированные сосуды *
- Рис. 81.* Кожаные сосуды хөгээр: *а* — у оленеводов; *б* — у скотоводов *
- Рис. 82.* Мешки хап из шкур *
- Рис. 83.* Крюки для подвешивания сосудов: *а* — из рога; *б* — из дерева *
- Рис. 84:* *а* — деревянное сито; *б* — роговой держатель для котла *
- Рис. 85.* Крюки для извлечения мяса из котла *
- Рис. 86.* Колотушки: *а* — из рога марала; *б* — из корня лиственницы *
- Рис. 87.* Железный таган *
- Рис. 88.* Подушка *
- Рис. 89.* Перекидная сума *
- Рис. 90.* План размещения в чуме оленеводов: *1* — женская сторона: *а* — место для посуды; *б* — для хозяйки; *в* — для детей; *2* — почетная сторона (место хозяина и наиболее почетного гостя); *3* — мужская сторона (здесь лежит основное имущество, в том числе «мужское» — ружье, самострел, сеть); *4* — место собаки; *5* — очаг *
- Рис. 91.* Наполнение кожного сосуда хөгээр молоком (у оленеводов) *
- Рис. 92:* *а* — деревянная ступа; *б* — пест *
- Рис. 93.* Сооружение для сушки сараны *
- Рис. 94:* *а* — терлик тон оленеводов; *б* — терлик тон скотоводов *
- Рис. 95.* Терлик тон богатых скотоводов: *а* — вид спереди; *б* — вид сзади; *в* — покрой. Из фондов МАЭ
- Рис. 96.* Весенняя (осенняя) шуба ойтон. Из фондов ГМЭ
- Рис. 97.* Зимняя шуба из шкур косули. Из фондов ГМЭ
- Рис. 98.* Женщина в зимней шубе (скотовод) *
- Рис. 99:* *а* — оленевод в хаш тон; *б* — покрой хаш тон *
- Рис. 100.* Пояс из шкуры косули (с копытами). Из фондов ГМЭ
- Рис. 101:* *а* — нож; *б* — подвесная пряжка *
- Рис. 102.* Кисет. Из фондов ГМЭ
- Рис. 103.* Курительная трубка. Из фондов ГМЭ
- Рис. 104:* *а* — чагы; *б* — его покрой *
- Рис. 105.* Оленевод в чагы *
- Рис. 106.* Хөвөңниг тон и его покрой *
- Рис. 107.* Ношение хөвөңниг тон в жаркие летние дни *
- Рис. 108:* *а* — рубашка и ее покрой; *б* — мужчина в рубашке *
- Рис. 109:* *а* — штаны; *б* — их покрой. Из фондов ГМЭ
- Рис. 110.* Головной убор будээлге *
- Рис. 111.* Капорообразные головные уборы *
- Рис. 112.* Древнетюркское изваяние в Туве (по Л. А. Евтюховой)
- Рис. 113.* Головной убор калбак бөрт. Из фондов ГМЭ
- Рис. 114.* Головной убор довурзак; старик-оленив в головном уборе довурзак
- Рис. 115.* Головной убор иви бажы бөрт. Из фондов музея университета в Э. Осло
- Рис. 116.* Головные уборы маактыг бөрт *
- Рис. 117.* Женщина в маактыг бөрт *
- Рис. 118.* Женщина в платке (скотовод) *
- Рис. 119.* Свадебная накидка тумалай. Из фондов ГМЭ
- Рис. 120:* *а* — бышчак идик; *б* — покрой. Из фондов ГМЭ
- Рис. 121:* *а*, *б* — хаш идик; *в* — покрой. Из фондов ГМЭ
- Рис. 122.* Шов с прокладкой, применяемый при пошиве обуви *
- Рис. 123:* *а* — кадыг идик; *б* — его покрой; *в* — чымчак идик *
- Рис. 124:* *а* — накосное свадебное украшение чевага; *б* — серьга; *в* — браслет *
- Рис. 125.* Люльки: *а* — берестяная (из фондов МАЭ); *б* и *в* — деревянные (*б* — из фондов ГМЭ, *в* — фото автора)
- Рис. 126.* Ребенок в люльке *
- Рис. 127.* Мелодия ходушпай
- Рис. 128.* Музыкальный инструмент игил *
- Рис. 129.* Девушка играет на игил *
- Рис. 130.* Музыкальные инструменты: *а* и *в* — быянза (*а* — автора, *в* — из фондов МАЭ); *б* — гадаган *
- Рис. 131.* Детский чум для игр *
- Рис. 132.* Элементы орнаментов оленеводов *
- Рис. 133:* *а*, *б* и *в* — орнаменты на пе-

- редних луках выючных оленьих седел *
- Рис. 134.* Орнаменты на стенках деревянной шкатулки (у оленеводов)
- Рис. 135.* Орнамент на передней стенке деревянного сундука (аптыра) *
- Рис. 136.* Орнаменты, украшающие аптыра *
- Рис. 137.* Орнаментальные редукции символических знаков *
- Рис. 138.* Украшения конского верхового седла: *а, б* и *в* — роговые; *г* и *д* — металлические *
- Рис. 139.* Орнаментированное седельное крыло (тепсе) *
- Рис. 142.* Орнамент на деревянной форме для изготовления тепсе *
- Рис. 141.* Орнамент на кожаном сосуде хөгээр *
- Рис. 142.* Вырезанные из бересты силуэтные изображения (у оленеводов). *Рисунки выполнены автором, фото — из фондов ГМЭ*
- Рис. 143.* Деревянные резные фигурки лошадей (у скотоводов). *Рисунки автора, фото — из фондов МАЭ*
- Рис. 144.* Деревянная ложка для разбрызгивания чая, жертвуемого горным духам *
- Рис. 145.* Ова *
- Рис. 146:* *а* — шаманский жезл; *б* — верхняя часть шаманского жезла с изображением человеческих голов *
- Рис. 147.* Колотушка шамана. *Из фондов МАЭ*
- Рис. 148:* *а* — шаманский бубен; *б* — рукоятка бубна *
- Рис. 149.* Одежда шамана: *а* — вид спереди; *б* — вид сзади. *Из фондов МАЭ*
- Рис. 150.* Шаманские головные уборы: *а* — чүглуг бөрт; *б* — кымзар бөрт. *Из фондов МАЭ*
- Рис. 151.* Шаманский плащ (оленеводы): *а* — вид спереди; *б* — покрой; *в* и *г* — вид сзади *
- Рис. 152.* Шаманский нагрудник. *Из фондов МАЭ*
- Рис. 153.* Шаманская обувь *
- Рис. 154.* Шаманский ээрен *
- Рис. 155.* Шесты с чалама вокруг чума (оленеводы, 1908 г.). *Из фондов МАЭ*
- Рис. 156.* Шаманский головной убор (оленеводы). *Из фондов ГМЭ*
- Рис. 157.* Улица в поселке колхоза «Первое Мая»
- Рис. 158.* Пастух (колхоз «Первое Мая» *)
- Рис. 159.* Охотник на промысле *
- Рис. 160.* Дом колхозника в колхозе «Первое Мая» *
- Рис. 161.* Детские ясли в колхозе «Советская Тыва» *
- Рис. 162.* На строительстве колхозной электростанции (колхоз «Первое Мая») *
- Рис. 163.* Ой тон колхозницы *
- Рис. 164.* Многодетная семья колхозника *
- Рис. 165.* Дети колхозников-оленеводов едут в школу *
- Рис. 166.* Ветеринарная помощь оленям на высокогорном пастбище *
- Рис. 167.* Опытный участок колхоза «Первое Мая» *

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	5
Глава 1. Происхождение тувинцев-тоджинцев	20
Глава 2. Административное устройство, родо-племенной состав и расселение	37
Глава 3. Хозяйство	42
Охота. Рыболовство. Собираательство	42
Оленеводство	57
Годовой хозяйственный цикл охотников-олeneводов	66
Скотоводство. Коневодство. Перекочевки скотоводов	69
Домашнее производство	75
Хозяйственные связи	83
Глава 4. Жилище. Пища. Одежда	85
Жилища и домашняя утварь	85
Пища	101
Одежда и украшения	106
Глава 5. Общественные и семейные отношения	127
Социальный строй	127
Семья и брак	135
Глава 6. Народные знания и творчество	142
Народные знания	142
Устное народное творчество	146
Музыка и музыкальные инструменты	152
Народные игры	155
Декоративно-прикладное искусство	159
Глава 7. Религиозные верования	170
Заключение	195
Литература	205
Список сокращений	210
Указатель этнических и географических названий	211
Список иллюстраций	215

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	5 св.	Восточных	Восточный
49	8,9 св.	(иногда наискось по отношению к оси стрелы)	(под углом одно к другому)
96	рис. 79	<i>а</i> — <i>ыяш аяк</i> ; <i>б</i> — <i>теспи</i>	<i>а, б</i> — <i>теспи</i>
109	12 св.	обшивали	целиком обшивали
136	7 св.	отца	отца и матери
179	9 св.	три	две

Севьян Израилевич Вайнштейн

ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ

Историко-этнографические очерки

*Утверждено к печати Институтом народов Азии
Академии наук СССР*

*

Редакторы издательства *М. А. Гасратян* и *Г. Е. Марков*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Л. Ш. Берславская*

Корректоры *А. С. Киняпина* и *М. К. Киселева*

*

Сдано в набор 13/IV 1961 г. Подписано к печати 13/IX 1961 г.

А 08222 Формат 70×108^{1/16}. Печ. л. 13,75+1 вкл. 0,25 п. л. Усл. п. л. 19,17 Уч.-изд. л. 19,31

Тираж 1100 экз. Зак. 673 Цена 1 р. 30 к.

*

Издательство восточной литературы

Москва, Центр, Армянский пер., 2

Типография Издательства восточной литературы

Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4